

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.К. Анисюткин, Н.А. Кетрару, С.И. Коваленко

**МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА
В ГРОТЕ СТАРЫЕ ДУРУИТОРЫ
И МЕСТО ЕЕ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ
В РАННЕМ И СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРОПЫ**

*Посвящается светлой памяти нашего учителя –
профессора Павла Иосифовича Борисковского*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 902
ББК 63.4
А67

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту №17-16-00098, не подлежит продаже

Научный редактор к.и.н. *К. Н. Степанова*
(Институт истории материальной культуры РАН)

Рецензенты:

д.и.н. *В. Н. Степанчук* (Институт археологии Национальной академии наук Украины);
к.и.н. *А. В. Колесник* (Донецкий национальный университет)

А67 Анисюткин Н.К., Кетрару Н.А., Коваленко С.И.
Многослойная палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы и место
ее каменных индустрий в раннем и среднем палеолите Европы. — СПб.: Нестор-
История, 2017. — 196 с.

ISBN 978-5-4469-1153-0

Монография посвящена итогам изучения грота Старые Дуруиторы, расположенного на восточной окраине одноименного молдавского села. Грот приурочен к толтровым известнякам в долине реки Чугур, являющейся левым притоком Прута. Культурные слои палеолитического времени были обнаружены Н. А. Кетрару в 1958 г. и исследовались с перерывами с конца 1950-х до начала 1970-х гг. Во всех слоях грота обнаружена обильная фауна крупных плейстоценовых млекопитающих, грызунов и птиц. Археологический материал, описываемый и анализируемый в книге, относится к среднему и верхнему палеолиту, а также к энеолиту. Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 15-06-06840а.

ISBN 978-5-4469-1153-0

УДК 902
ББК 63.4

© Н.К. Анисюткин, С.И. Коваленко, 2017
© Н.А. Кетрару, наследники, 2017
© Институт истории материальной культуры РАН, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание

Введение.....	5
Глава 1. История исследования грота.....	11
Глава 2. Палеогеография долины среднего течения реки Прут в раннем и среднем плейстоцене	17
Глава 3. Стратиграфия	23
Глава 4. Биостратиграфические данные: флора и фауна	39
Глава 5. Вопросы тафономии и относительная хронология	53
Глава 6. Общая характеристика каменных индустрий нижних слоев грота.....	63
Глава 7. Место тайяка из нижних слоев грота Старые Дуруиторы в раннем и среднем палеолите Европы	101
Глава 8. Верхние культурные слои грота. Индустриально-хронологический статус второго культурного слоя	117
Заключение	131
Библиография.....	134
Иллюстрации.....	144

Введение

Среди многочисленных памятников палеолита, обнаруженных на территории Восточной Европы, особый интерес, без сомнения, представляет грот Старые Дуруиторы, который был открыт Н. А. Кетрару еще в 1958 г. В нем выявлено несколько палеолитических слоев с каменными изделиями и исключительно обильная фауна ископаемых млекопитающих. Наибольшее внимание привлекают нижние слои с ансамблями каменных изделий, относящихся к тайякскому технокомплексу¹, чьи памятники до сих пор относительно редки на всей территории Европы.

Грот расположен на северо-западе республики Молдова, в Рышканском районе, у восточной окраины с. Старые Дуруиторы (рис. 1: 9). Исследования этого памятника, проведенные в течение почти пяти лет (1958–1960, 1965 и 1973 гг.), позволили выделить три слоя, включая один верхнепалеолитический (II) и два нижних (III–IV) — ранне/среднепалеолитических (Кетрару 1965; 1973; 1991). В результате раскопок были получены обильные археологические и палеозоологические материалы, которые позволяют более основательно понять не только особенности развития палеолита на юго-западе Восточной Европы, но и одновременно приблизиться к пониманию сущности такого сложного явления как технокомплекс типа тайяк.

Первооткрыватель и исследователь стоянки Н. А. Кетрару первоначально датировал комплексы из нижних слоев грота ранним палеолитом, основываясь преимущественно на крайне архаичном облике каменных орудий (Кетрару 1973). Однако никто из исследователей, обращавшихся к материалам из слоев IV–III, не согласился с выводами Н. А. Кетрару. Все писали о среднем палеолите. Так, В. Н. Гладилин в своей обобщающей работе включил данную индустрию в вариант «микромустье зубчатое», выделив его особый тип — «тип Старые Дуруиторы» (Гладилин 1976: 104–105). Показательно, что к этому же варианту, но к иному типу был отнесен и нижний слой грота Киик-Коба с каменной индустрией также тайякского типа.

Многие специалисты по палеолиту, в той или иной мере использовавшие материалы из нижних слоев грота Старые Дуруиторы, обращали основное внимание на заметное обилие зубчатых и выемчатых форм, игнорируя остальные признаки. Массивность и заметная окатанность многих изделий из третьего

¹ В русскоязычной версии мы используем именно этот способ написания французского термина Taуасіеп — «тайяк», потому что, в отличие от английского, и во французском, и в русском языках буква «а» произносится и читается одинаково.

слоя давали основание ряду исследователей рассматривать в целом нижние слои грота как существенно поврежденные естественными процессами.

Своеобразный и необычный каменный инвентарь нижних слоев вызвал разногласия и споры. Крупнейшие советские специалисты по палеолиту по-разному оценивали комплексы каменных орудий из нижних слоев. Так, А. П. Черныш вначале считал, что это мустьерский комплекс, своеобразие которого устанавливается по окатанности каменных изделий. Напротив, П. И. Борисковский и П. П. Ефименко полагали, что это домустьерский комплекс, в котором очень четко выражены клектонские черты. В. П. Любин, указав на маловыразительность орудий нижних слоев грота Старые Дуруиторы, считал, что для того чтобы понять комплекс в целом, необходимо применить статистический метод (Любин 1965: 60). Н. Д. Праслов и В. Н. Гладилин рассматривали эти материалы как мустьерские, но отличающиеся определенным своеобразием (Праслов 1984; Гладилин 1976). К сожалению, как памятник грот Старые Дуруиторы до сих пор остался понятным не в полной мере.

Учитывая, что нижние слои грота содержали массу фаунистических остатков и вначале сравнительно незначительное количество каменных изделий, Н. А. Кетрару определил эти комплексы как относящиеся к «альпийскому мустье» или премустье (Кетрару 1964а: 4–5). Однако дальнейшие исследования памятника позволили установить, что IV и III слои содержат комплексы каменных изделий, «близкие к тайякским ашельского времени». К этому комплексу были отнесены материалы местонахождения Мерсына с практически аналогичной каменной индустрией (Кетрару, Анисюткин 1967; Анисюткин 1971; 2001; Кетрару 1973; Chetaru 1992). Каменные индустрии как одного, так и другого комплексов характеризовались преобладанием массивных клектонских отщепов, из которых были изготовлены многочисленные выемчатые, зубчатые и клювовидные орудия, а также скребла и единичные галечные орудия.

Комплексы с аналогичными признаками были впервые выделены в Европе А. Брейлем еще в первой половине XX в., но предложенные им определения отличались неопределенностью и недостаточной четкостью. Комплекс получил название Taucien, будучи интерпретирован как переходные от раннего к среднему палеолиту индустрии (Breuil 1932). К сожалению, не было ясности и в более поздних попытках определения этого понятия (Bordes, Bourgon 1951; Bourgon 1957; Behm-Blanke 1960; Tode 1960; Праслов 1968; Васильев и др. 2007). Правда, все исследователи были единодушны в том, что речь идет о непластинчатых и нелеваллуазских индустриях, в которых в качестве заготовок для орудий преобладали массивные клектонские отщепы.

Наиболее приемлемыми и полезными можно считать разработки, предложенные известным французским исследователем А. де Люмлеем. Этот ученый, основываясь на весьма значительных археологических материалах,

конкретизировал понятие тайяка и подразделил его на два варианта — «Protocharantien» или «Taucien typique» и «Evenosien». Эти варианты различались рядом признаков, в первую очередь количеством и качеством скребел: обильных и типичных в первом варианте и малочисленных и атипичных — во втором (Lumley 1969: 258–259). Он привел следующие различия между протошарантьеном и эвенозьеном: в первом многочисленны типичные скребла, в их числе много поперечных, включая тип High Lodge, имеются лимасы и протолимасы; чаще использовалась чешуйчатая и ступенчатая ретушь, но мало клектонских анкошей; процент верхнепалеолитических типов орудий обычно средний, в то время как в эвенозье он достаточно высок. Многочисленны острия типа тайяк и чопперы, но мало чоппингов, обычно обильных в эвенозье (Lumley 1976: 847). Эти разработки мы и берем за основу.

Известно, что практически все надежно датированные памятники с индустриями подобного типа, распространенные в Европе, относятся к рисковому или ресс-вюрмскому времени, т.е. они существовали около 300–120 тыс. лет назад. По А. де Люмлею, первый вариант эволюционировал в мустье типа кина, а второй — в мустье зубчатое.

Обилие в комплексах нижних слоев грота Старые Дуруиторы клювовидных, выемчатых и зубчатых орудий при господстве клектонской технологии дает основание видеть здесь аналогии прежде всего эвенозьеу юга Франции (Анисюткин 2001). Различия связаны с присутствием в комплексе таких специфических форм, как скребки на площадках отщепов (butt end scrapers) и клювовидных орудий типа bill-hooks. Эти формы типичны для клектона Англии.

Исходя из всего сказанного выше, под тайяком мы предлагаем понимать совокупность преимущественно домустьерских каменных индустрий с очень низкими индексами леваллуа, пластин и подправленных ударных площадок. Абсолютно преобладают массивные клектонские отщепы с широкими и скошенными ударными площадками, выпуклыми ударными бугорками и четкими конусами в точках удара. Эти отщепы скальвались с минимально подготовленных нуклеусов, где часто предшествующий скол становился ударной площадкой последующего, соответствуя тем самым клектонской технологии. В качестве заготовок для орудий широко применялись также подходящие по пропорциям и размеру естественные обломки и осколки кремня, включая редкие галечные формы, что характерно для раннего палеолита в целом. Общий коэффициент массивности, полученный нами для серии индустрий тайякского облика, обычно был около 30, т.е. имел максимальное значение (Анисюткин 1968). Орудия представлены, напомним еще раз, скреблами, клювовидными, выемчатыми и зубчатыми формами, а также часто встречающимися скребками, прежде всего «с носиком» (à museau), каренэ (caréné) или рабо (rabet). Обычны

чопперы с одно- и двусторонней обработкой, а также атипичные бифасы, но ручные рубила отсутствуют или случайны. Как правило, эти индустрии существовали на рубеже раннего и среднего палеолита.

В данном случае тайяк следует воспринимать как типичный технокомплекс в понимании М. В. Аниковича, который, используя материалы верхнего палеолита, предложил следующее определение: «Технокомплекс (ТК) — это относительная система технологических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которые возникают и функционируют в широких пространственно-временных границах в разных культурно-исторических формах, не связанных между собой генетическим родством» (Аникович 2005). Отсюда следует, что А. де Люмлей справедливо подразделял тайякский ТК на два варианта — протошарантьен (протокина) и эвенозъен, генетически не связанные между собой.

Своеобразный комплекс каменных орудий из нижних слоев грота Старые Дуруиторы в настоящее время не одинок. Он имеет сходство с группой памятников, расположенных на юго-западе Русской равнины и в Крыму. Показательно, что еще до 70-х гг. XX в. кроме грота Старые Дуруиторы сюда можно было включить только такие комплексы, как местонахождение Мерсына и нижний слой грота Киик-Коба, а также, возможно, местонахождение Круглик в Приднестровье. Позднее, после 1971 г., этот список пополнился вновь открытыми местонахождениями с территории Приднестровья, включая нижний слой грота Выхватинцы, Хоробру, Ярово, Шипот 2 и Осыпку, а также местонахождение Бобулешты 5 в долине р. Реут (рис. 1: 7). Все эти каменные индустрии в той или иной мере обладают совокупностью признаков, характерных для индустрии из нижних слоев грота Старые Дуруиторы (Кетрару 1973; Анисюткин 1971; 2001; 2009). Среди них особое значение имеют стратифицированные комплексы — Выхватинцы, Шипот 2 и Ярово. Подобные индустрии, отмеченные также в Крыму (Киик-Коба, Кабази II), по сумме технико-типологических показателей в значительной мере соответствуют, если брать за основу только комплекс из нижнего слоя Киик-Кобы, протошарантскому или даже таубахскому варианту (Valoch 1984; Степанчук 1997).

Очень важно, что в культурных слоях грота Старые Дуруиторы наряду с каменными изделиями хорошо сохранились многочисленные кости плейстоценовых млекопитающих и даже птиц. Одновременно палинологами восстановлен растительный мир, а тем самым и ландшафт территории Днестровско-Прутского междуречья в конце среднего плейстоцена, во время обитания здесь ископаемых людей с каменными индустриями тайякского технокомплекса. Эти данные весьма ценны для реконструкции природной среды конца среднего плейстоцена.

Представленная работа базируется на рукописи монографии Н. А. Кетрару, подготовленной к печати в 1976 г., но по ряду причин так и не опубликованной. К сожалению, к настоящему времени сохранились не все материалы Н. А. Кетрару, посвященные исследованию грота, что вызвало определенные трудности. В частности, в связи с отсутствием в архиве списка иллюстраций возникли сложности в привязке большинства из них непосредственно к тексту. На ряде кремневых изделий коллекции часто не сохранился или плохо сохранился шифр. Не удалось найти планы распространения находок IV слоя, подготовленные в 1973 г. К счастью, этот недостаток оказался несущественным в связи с идентичностью каменных индустрий двух нижних культурных слоев.

Естественно, ряд положений, изложенных в данной работе, потребовали корректировки с учетом реалий нашего времени. В первую очередь это касается уточнения хронологии, а также некоторых таксономических вопросов, включая возможность выявления развития каменных индустрий. Вместе с тем мы посчитали весьма полезным сохранить значительную часть текста Н. А. Кетрару, включая историю исследования грота и особенно описание каменного инвентаря в том виде, как они были даны в первоисточнике. Здесь очень важно отметить, что полностью многочисленную коллекцию из тайякских слоев грота детально обработал лишь Н. А. Кетрару.

Многие разделы монографии подверглись существенной переработке или были написаны заново. Основные выводы поданы в соответствии со взглядами на данную тему, предложенными Н. К. Анисюткиным, подавляющее большинство из которых разделял и Н. А. Кетрару. Наши многолетние и плодотворные дискуссии позволили преодолеть разногласия, оставив нерешенными лишь несущественные второстепенные вопросы. В частности, мы остались не согласны с Н. А. Кетрару, выделявшим некоторые категории каменных изделий, включая нуклеусы протолеваллуа, многогранники, так называемые резчики, ножи «понтийского типа», но сохранили их описание в тексте. Заново дано описание материалов двух верхних слоев с каменной индустрией энеолита и верхнего палеолита соответственно.

Необходимо особо отметить, что мы исходим из так называемого «палеонтологического» подхода при интерпретации наблюдаемых различий между конкретными палеолитическими комплексами, где большинство форм следует рассматривать как запланированный конечный продукт, как дискретную, подобно палеонтологическим видам, единицу анализа.

В конце этого раздела обратим внимание на применяемые нами термины и их трактовку:

«Индустрия» — *«производственный инвентарь, то есть каменные, костяные и прочие орудия плюс всё то, что использовалось или осталось от их изготовления. Когда говорят об индустрии конкретного памятника, имеется*

в виду просто физическая совокупность предметов такого рода (например, «индустрия третьего слоя Костёнок 1»). Когда же говорят об индустрии целой культуры (например, «ориньякская индустрия») или эпохи (например, «олдувайская индустрия»), то имеется в виду совокупность технических и типологических черт, присущих относимым к этой культуре или эпохе памятникам» (Васильев и др. 2007: 227).

Указанное понятие, по сути, является в какой-то мере близким определению «мустьерская археологическая культура», которым один из авторов пользовался в своих более ранних работах (Анисюткин 1977).

Понятие **«комплекс»** используется для обозначения либо групп функционально взаимосвязанных изделий («орудийный комплекс»), либо же всей совокупности материальных следов человеческой деятельности, связываемых с определенным культурным слоем или какой-то его частью (жилой горизонт, эпизод обитания, отдельное жилище) (Васильев и др. 2007: 229).

«Технокомплекс (ТК)» — это относительная система технологических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которые возникают и функционируют в широких пространственно-временных границах в разных культурно-исторических формах, не связанных между собой генетическим родством» (Аникович и др. 2008: 22)

Понятие **«единство»** обозначает совокупность преимущественно разновременных, но относящихся к одной эпохе индустрий, группирующихся на одной или соседних территориях, с практически неразличимыми технико-типологическими признаками, которые они наследуют в течение всего периода своего существования. Изменения, связанные с развитием, лишь несущественно трансформируют рассматриваемое единство, сохраняя композиции наиболее показательных форм орудий.

Ранее это понятие применялось к комплексам верхнепалеолитического времени. Речь идет об известном «виллендорфско-павловско-костенковском единстве» (Григорьев 1989; Аникович 1998; Васильев и др. 2007: 230; Аникович, Попов, Платонова 2008), памятники которого были распространены на огромной территории Восточной и Центральной Европы. Это единство существовало всего лишь несколько тысяч лет, соответствуя развитию верхнему палеолиту. Было ли наблюдаемое сходство обусловлено культурными особенностями? Значительная часть современных ученых отвечает на этот вопрос положительно (Григорьев 1989; Аникович 1998). В данном случае это единство существенно отличается от «дуруиторско-стинковского» прежде всего обширностью территории и кратковременностью своего существования в рамках верхнего палеолита, представляя в определенной мере общее культурное явление.

Глава 1. История исследования грота

Открытие грота Старые Дуруиторы было не счастливой случайностью, а результатом настойчивых поисков следов обитания людей, живших в эпоху древнего каменного века на территории Молдавии. В среднем течении р. Прут еще в конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого века проводил свои исследования первооткрыватель палеолитических памятников Молдавии Николай Морошан. Широкий резонанс получили результаты его раскопок стоянки в гроте Стынка Рипичень на правом берегу Прута в Румынии (Морошан 1938а: 1–22; Борисковский 1953). Этот многослойный памятник, содержащий остатки нескольких позднепалеолитических поселений, долгое время оставался эталонным для изучения позднепалеолитических культур Попрутья и Поднестровья (Там же).

Менее значительными были результаты исследований Н. Морошана на левобережье Прута, где на открытых им памятниках Ын Поноаре, Ламоаре попей, Ын Дурдука у с. Старые Куконешты, а также у сел Вишоара, Лопатник, Новые Бедражи Единецкого района производились сборы кремневых палеолитических изделий и плейстоценовой фауны на поверхности (Морошан 1938б: 61–81). Однако тогда это были первые следы обитания первобытных людей эпохи древнего каменного века, обнаруженные на территории Молдавии.

С другой стороны, перспективность поисков памятников древнего каменного века на территории северо-запада Молдавии подсказывалась палеогеографическими условиями этого района. В самом деле, сюда доходят отроги Вольно-Подольской возвышенности, которые можно наблюдать вдоль левых притоков Прута, Лопатника, Раковца, Драбиште, Чугура, Каменки, формируя отчасти долины этих рек. В некоторых местах массив из этих толтровых и сарматских известняков перерезается реками, которые образуют глубокие каньонообразные долины, испещренные различными карстовыми образованиями — гротами, скальными навесами, понорами и воронками. Такие же карстовые пустоты образовались и в тех местах, где реки, подходя близко к скальной гряде, размывали один из ее склонов, создавая благоприятные условия для возникновения пещер и гротов.

Как показали исследования карстовых образований Крыма (Бонч-Осмоловский 1940; Формозов 1958), Кавказа (Любин 1998) и других территорий, где развиты известняки, зачастую в гротах и пещерах, а нередко и просто под скальными навесами могли находиться следы обитания

первобытных людей. Поэтому наше внимание и привлекли скальные гряды северо-запада Молдавии.

Правда, до этого здесь проводил широкие разведки Н. Н. Морошан, не обнаруживший в гротах или под скальными навесами ни одной палеолитической стоянки. По-видимому, Н. Н. Морошан, так же как и румынский геолог И. Ботез, в процессе разведок основное внимание обращал на террасовые образования, особенно на участки местности, где террасы прорезались сетью глубоких оврагов. В отвесных склонах, вернее, в стенках оврагов могли просматриваться прослойки, содержащие фауну четвертичных млекопитающих, кремневые изделия и остатки кострищ. К тому же Н. Н. Морошан считал, что все или большинство гротов и скальных навесов в толтровых и сарматских известняках как Попрутья, так и Поднестровья в средневековое время были превращены в монашеские скиты, предварительно очищенные от рыхлых отложений, в которых могли находиться культурные слои с остатками деятельности и обитания первобытных людей. Только этим следует объяснить тот факт, что грот Старые Дуруиторы, хорошо просматривающийся со всех сторон — юга, запада и северо-запада, южная и северная камеры которого четко выделяются своими отверстиями на общем фоне скальной гряды (рис. 2), не был открыт Н. Н. Морошаном еще в 1928 г. Известно, что маршрут его разведки проходил в этом году вдоль р. Чугур. При этом он подробно описал проскурянские четвертичные отложения лессовидных суглинков, находящиеся примерно в одном километре к югу от грота Старые Дуруиторы, где в окрестностях с. Костешты обнаружил несколько археологических памятников.

Грот Старые Дуруиторы был открыт Н. А. Кетрару в июне 1958 г. в процессе разведок, предпринятых специально с целью обнаружения первобытных памятников в долине р. Чугур и его небольшого правобережного притока Чугурец. Детальное обследование обоих склонов главной долины р. Чугур увенчались успехом. На участке у сел Друцы и Костешты было выявлено несколько памятников средневекового времени, в том числе древнерусской культуры, первых веков нашей эры, эпохи бронзы, энеолита и древнего каменного века (Кетрару 1966). Одновременно была обследована большая группа пещер, гротов и скальных навесов у сел Варатик, Городиште, Проскуряны, которые, к сожалению, не дали желаемых результатов. В некоторых из них дно представляло собой скальное основание, а шурфовка других дала только следы кратковременного обитания людей в средневековье и в более позднее время. И только в гроте у с. Старые Дуруиторы в небольшом шурфе 50×50 см, заложенном в южной камере, на глубине 20–30 см от поверхности были обнаружены кости плейстоценовых животных и кремневые изделия палеолитического времени.

В октябре 1958 г. палеолитическая группа Молдавской археологической экспедиции под руководством Н. А. Кетрару начала исследования в гроте Старые Дуруиторы. Был составлен план грота, а вся его площадь пронивелирована и разбита на метровые квадраты. Были заложены три шурфа, по одному в каждой из трех камер грота. Они показали, что в южной и центральной камерах прослеживаются два слоя ранне/среднепалеолитического времени и один слой, содержащий находки позднего палеолита. Третий шурф, заложенный в северной камере, зафиксировал только остатки разрушенных культурных слоев. Все шурфы дали богатый фаунистический материал и менее выразительную коллекцию кремневых изделий. Однако уже тогда стало ясно, что грот многослойный, а его культурные слои относятся к различным периодам позднего и раннего палеолита.

В 1959 г. исследования в гроте были продолжены палеолитическим отрядом Молдавской археологической экспедиции под руководством Н. А. Кетрару, в работе которого в качестве научного консультанта принимал участие научный сотрудник Государственного историко-краеведческого музея Молдавской ССР Г. П. Сергеев. Для исследования склона перед гротом, где могли быть находки, связанные с различными периодами обитания людей в гроте и смытые из него водными потоками, были заложены две траншеи. Первая траншея (А) длиной 41 м и шириной 1 м пролегла вдоль грота. Вторая траншея (Б) длиной 6 м и шириной 2 м располагалась перпендикулярно первой на уровне самой южной части грота. Обе траншеи были исследованы до скального основания, однако каких-либо признаков залегания здесь культурных слоев не было обнаружено. Как в верхнем черноземном слое, так и в залегающем ниже слое лессовидных суглинков изредка встречались только отдельные кремневые изделия, кости животных и фрагменты керамики самого различного времени.

Грот расположен на восточной окраине с. Старые Дуруиторы (Duruitoraea Veche) в гряде толтровых известняков (рис. 3, 4), проходящих здесь вдоль левого берега р. Чугур, левого притока Прута. По отношению к современному уровню р. Прут грот находится на высоте 100 м, соответствуя V надпойменной террасе. При этом село располагается на поверхности IV надпойменной террасы Прута.

Грот вытянут вдоль скальной гряды на 49 м в направлении север–юг и открыт на запад–юго–запад (рис. 5). Внутри него можно выделить три камеры, которые названы северной, центральной и южной. Северная камера имеет длину 12 м и ширину 3–4 м. В северной части прослеживается довольно обширная ниша с отверстием в потолке. Небольшая площадка неравномерно выступает за линию навеса от 4 до 7 м. Центральная камера имеет длину 9 м и ширину 6–7 м. В ее северо-восточной части наблюдается неглубокая ниша диаметром 1,5 м. Пол здесь ровный, сложен из мергелистого

материала. Южная камера имеет в плане сегментовидную форму. Длина этой камеры варьирует от 13 до 18 м, при ширине 7–10 м. Пол ровный и сложен из рыхлых отложений. Потолок, высота которого у входа достигает 8 м, плавно падает к стенке до 1 м. Непосредственно перед этой камерой за линией навеса имеется небольшая площадка шириной 4–5 м. На ней лежат известняковые глыбы разрушенного карниза.

Еще до начала работ была разбита сетка квадратов на всей площади грота, в которую были вписаны также траншеи «А» и «Б». Все продольные линии квадратов были ориентированы строго с севера на юг и получили буквенное обозначение русского алфавита от А до Т, начиная от восточной стенки грота. Поперечные линии обозначены цифрами от 1 до 49, начиная от южной стенки грота. Таким образом, было установлено, что полезная для раскопок площадь оказалась довольно обширной, составляя около 300 м² (рис. 5). Квадратная сетка с цифровыми и буквенными обозначениями была нанесена на стенки грота.

Нулевая линия, взятая произвольно по уровню пола в южной части средней камеры, была нанесена на стенку грота белой краской и обозначена как «0». Такие отметки сделаны в четырех местах: в юго-восточной части камеры, на скале, прикрывающей среднюю камеру с запада у входа с южной стороны, на стенке с левой стороны северного входа в центральную камеру, а также у входа в рукав северной камеры с левой стороны.

В 1959 г. для выяснения характера культурных слоев, их мощности и распространения, а также получения четких стратиграфических данных в самом гроте была начата разборка линий квадратов 6–10, 17–19 и 28–30. Также была исследована вся площадь северной камеры, где культурный слой почти не сохранился, а на большей части и вовсе отсутствовал. Исследование линий квадратов 28–30 было полностью завершено в 1959 г., а линии 6–10 и 17–19 разобраны до уровня четвертого слоя. До скального основания эти участки были докопаны в следующем 1960 г. В этом же году были завершены исследования в центральной камере, где в виде контрольного участка была оставлена продольная линия К/20–26. В южной камере в 1960 г. исследовались квадраты на площадке грота вне линии нависания козырька и сделаны две прирезки линий 11 и 16. Как контрольные были оставлены неисследованные участки квадратов южной камеры и поперечная линия квадратов 20 у входа в центральную камеру.

В 1960 г. с процессом раскопок в гроте Старые Дуруиторы ознакомились археолог А. П. Черныш и геолог И. К. Иванова, от которых автор получил ценные методические и практические указания для ведения дальнейших исследований. В том же году с результатами раскопок в гроте ознакомились группа ведущих историков Молдавии — Я. С. Гросул, Е. М. Руссев, Н. А. Мохов, Г. Д. Смирнов, а также молдавский геолог К. Н. Негадаев-Никонов.

Более детально стратиграфию грота изучили в 1965 г. геологи М. Н. Грищенко и А. Ф. Петрунь. Для этого ленинградским археологом Н. К. Анисюткиным, работавшим в Молдавской экспедиции 1965 г., был расчищен и частично разобран квадрат Л/20. Одновременно на террасе перед гротом были заложены два шурфа размерами 2×1 м, доведенные до глубины 7,5 м, т. е. до скального цоколя террасы. Повторные, но кратковременные геологические исследования в гроте провела И. К. Иванова уже в 1968 и 1973 гг.

Новые исследования были возобновлены только в 1973 г. В раскопках грота принимали самое активное участие специалисты по древнему каменному веку — Н. К. Анисюткин (Государственный Эрмитаж, Ленинград) и Б. Г. Ерицян (Институт археологии АН Армянской ССР). Палинологические исследования проводила А. А. Попова. Раскопками в гроте руководил кандидат исторических наук Н. К. Анисюткин, который по приглашению Н. А. Кетрару в течение нескольких сезонов (1964, 1965, 1968, 1971, 1972 гг.) принимал участие в исследовании различных палеолитических памятников Молдавии. Основные определения фауны были выполнены научным сотрудником отдела палеонтологии и биостратиграфии АН МССР А. И. Давидом. Исследования 1973 г. велись в южной камере. С результатами этих раскопок ознакомились В. М. Массон, Г. В. Григорьева, Г. Ф. Коробкова (ЛО ИА АН СССР), В. И. Маркевич. Тогда же геологию стоянки изучали И. К. Иванова, В. Ф. Петрунь, А. Н. Хубка и М. И. Волошина. В этом же году непосредственно у подножья толтра, в скальном основании которого расположен грот, к северу от него, в делювиальных отложениях был найден скелет мамонта. В небольшой расчистке было найдено несколько кремневых изделий, которые, по мнению Н. К. Анисюткина, напоминали артефакты из нижних слоев грота. Однако дальнейшие исследования здесь не планировались.

В 1973 г. были исследованы линии квадратов К/20–26 в центральной камере, Ж/20 у входа в центральную камеру и в южной камере кв. Г–М/17, В–М/16, В–М/12, В–М/11, Д–М/13–15. Небольшой останец на кв. Б–Г/12–16 был оставлен как контрольный участок. В процессе исследований палинолога А. А. Поповой были отобраны образцы на палинологический анализ из культурных слоев палеолитического времени южной камеры.

В 1975 г. с геологией отложений грота ознакомились специалисты по четвертичной геологии О. М. Адаменко, Е. В. Девяткин, Э. О. Фриденберг и В. М. Муратов. Были отобраны образцы грунта для различных видов анализов, в том числе и термолюминисцентного. Эта была единственная возможность установить относительный возраст нижних культурных слоев (Шелкопляс, Морозов 1965: 83–84). Однако никаких результатов не было получено. Отсутствие древесного угля и зольной массы не позволило определить абсолютный возраст и второго верхнепалеолитического

слоя. Вместе с тем разработанный В. В. Чердынцевым фторовый метод в то время также не мог дать стабильных результатов (Формозов 1958: 59–60). Еще менее пригодным для определения относительного возраста оказался метод прокаливания костей (коллагеновый метод), разработанный И. Г. Пидопличко (1952).

Фаунистические остатки из шурфов 1958 г. были предварительно определены В. И. Бибиковой, а затем Н. К. Верещагиным. Кости плейстоценовых млекопитающих из всех культурных слоев грота, полученных в процессе раскопок 1959–1960, 1965 и 1973 гг., в дальнейшем были определены и изучены А. И. Давидом. Кости грызунов частично были проанализированы М. Н. Лозаном (Институт зоологии АН МССР). Все полученные данные нашли отражение в серии статей и монографий, посвященных фауне грота Старые Дуруиторы (Давид 1961; 1964; 1980; Давид, Кетрару 1970: 7–15) или отдельным видам ископаемых животных Молдавии (Давид 1970: 3–21; 1974: 3–52; Лозан 1970–1971). Орнитофауна из палеолитических слоев была определена в Институте зоологии АН УССР профессором М. А. Воинственским и изучена сотрудником Института зоологии АН МССР И. М. Ганя (Ганя, Кетрару 1964; Ганя 1972).

Коллекция археологических материалов из грота Старые Дуруиторы была детально исследована Н. А. Кетрару и Н. К. Анисюткиным. С нею знакомились П. П. Ефименко, С. Н. Бибилов, П. И. Борисковский, А. П. Черныш, В. П. Любин, В. Н. Даниленко, Ю. Г. Колосов, В. Н. Гладили, И. И. Коробков, Г. П. Григорьев (ЛО ИА СССР) и румынский археолог А. Паунеску.

В заключение этой главы еще раз остановимся на находках 1973 г., обнаруженных северо-западнее грота, в 30 м от скального массива, в котором находится грот Старые Дуруиторы. Здесь, как уже отмечалось, в склоновых отложениях были выявлены кости мамонта. В процессе предварительной расчистки удалось вместе с костями обнаружить несколько выразительных кремневых артефактов, включая орудия, технико-морфологические признаки которых аналогичны изделиям из нижних слоев грота. Среди них выделяются типичный лимас, скребло с вентральной ретушью на клетонском отщепе, скребло с острием, скребок на удлиненном отщепе, пластинка с частичной зубчатой ретушью дистального конца и массивный клетонский отщеп со следами использования выступающего верхнего конца (рис. 44). Последнее из орудий могло использоваться в качестве режущего инструмента и напоминает типичный *bill-hook*, которые достаточно многочисленны в коллекции грота.

Глава 2. Палеогеография долины среднего течения реки Прут в раннем и среднем плейстоцене

Грот Старые Дуруиторы, расположенный по правому склону толтрового гряды на высоте 100 м над уровнем Прута, начал формироваться во время образования V–VI надпойменных террас, которые П. Ф. Гожиком относятся к нижнему плейстоцену. Высота их поверхности составляет соответственно 85–90 и 120–130 м, а высота цоколя 77–70 и 100–102 м соответственно (Гожик 1966: 25). Четвертая надпойменная терраса долины р. Прут, на поверхности которой в настоящее время расположено с. Старые Дуруиторы, имеет высоту поверхности 55–65 м, а цоколя — 35–40 м. П. Ф. Гожик определяет возраст этой террасы как среднеплейстоценовый. Именно в это время среднего плейстоцена, сопоставимого со временем днепровского или рисского оледенения, проходила жизнь первобытных людей, оставивших в гроте культурные остатки IV и III слоев. Правда, как считал Н. А. Кетрару, нельзя исключать того, что грот был заселен уже в конце миндель-рисского межледниковья, когда русло Прута было расположено непосредственно у грота.

Территория Среднего Попрутья, расположенная к востоку от Карпат на крайнем юго-западе Русской равнины, представляет собой равнинно-холмистую поверхность с увалисто-пересеченным рельефом и резкими перепадами высот от 50 до 430 м (по балтийской системе). Такой характер рельефа обусловлен прежде всего различием геологических структур, которые его подстилают. Это, с одной стороны, юго-западный край архейского кристаллического щита Русской платформы, который на территории Молдавии погружен на глубину до 3000 м, а с другой — предобружский прогиб, сложенный складчатыми архейскими породами. Не менее важно расположение Попрутья в непосредственной близости от Карпатской горной гряды, входящей в молодую альпийскую систему.

Тектонические процессы, которые в ранние геологические эпохи проявлялись здесь более резко и интенсивно, по данным И. М. Сухова (1968: 107, рис. 3), вызвали целую серию разломов древних пород, что стало началом формирования русел Прута и Чугура. В плейстоцене они неминуемо должны были в той или иной степени повлиять на формирование многих пещер и других карстовых образований в тортонских и сарматских скальных грядках. Еще более интенсивное воздействие оказывала тектоника на разрушение козырьков и сводов пещер и гротов, скальных навесов.

Вдоль течения левых притоков Прута — Каменки, Чугура, Раковца и Лопатника распространены биогермные известняки, образующие плосковершинные атоллообразные гряды с обрывистыми склонами. Они состоят из скелетных остатков литотамниевых водорослей, мшанок, раковин моллюсков, фораминифер, остатков колониальных кораллов и панцирей морских ежей. Эти отложения образовались в эпоху среднего и позднего миоцена в позднеортонское и сарматское время. Первый из трех этапов отступления сарматского моря и формирования суши во многом определил длительность и глубину денудационных процессов (Негадаев-Никонов, Яновский 1969: 49–52).

В самом начале четвертичного периода территория Попрутья представляла собой невысокую всхолмленную равнину в виде широких площадок распространения плиоценовых террас с древним аллювием, по которым блуждало русло пра-Прута. Изменения климатических условий в плейстоцене в значительной степени повлияло на процессы рельефообразования; они способствовали похолоданию и увлажнению, а последние — усилению стока речных вод и оживлению эрозийной деятельности в местах поднятий. Без сомнения, рельефообразующие факторы повлияли на выделение Припрутской террасовой равнины и Северо-Молдавской возвышенности (Там же: 52–58).

Особым колоритом обладает зона рифовых гряд, вытянутая почти в меридиональном направлении и сложенная плотными рифовыми известняками. Вдоль этих гряд протекают левые притоки Прута, которые, местами прорезая их или прижимаясь к одному борту, образовали глубокие каньоны и высокие отвесные склоны высотой 40–70 м. В этих грядах наблюдаются различные формы открытого карста в виде небольших пещер, гротов, скальных навесов, воронок и понор. Одна из этих рифовых гряд у сел Проскураяны и Костешты пересекает Припрутскую террасовую равнину и долину р. Прут и уходит в пределы Румынии. Несколько севернее, у с. Крива, на границе с Украиной, развит «гипсовый» карст закрытого и поверхностного типа в виде пещер, гротов, воронок, котловин и западин. В этом районе особенно хорошо выражены оползневые формы рельефа самых различных типов: бугров, небольших холмов, оползневых цирков (Орлов 1966: 53).

Для нас наибольший интерес представляет долина р. Чугур, одного из самых больших левобережных притоков Прута. Река Чугур берет начало в районе станции Окница, в нескольких километрах от Днестра и впадает в Прут у пос. Костешты, пересекая север Молдавии с северо-востока на юго-запад. В своем верховье р. Чугур протекает по всхолмленно-возвышенной местности, прорезая себе узкую долину, которая значительно расширяется уже в средней части. У с. Почумбены река входит в зону толтровых известняков, и у с. Друцы прорезает известняковую гряду, образуя каньон

довольно большой глубины с почти отвесными стенами. Дальше ее долина располагается севернее и западнее известняковой гряды, то приближаясь к ней, то отдаляясь. Левый берег р. Чугур часто имеет скалистый характер и высокие борта (особенно у с. Варатик) и изрезан большим количеством трещин и углублений. Правый берег, наоборот, пологий и уже у с. Варатик сливается с Припрутской равниной. Здесь же, у с. Варатик, с левой стороны в Чугур впадает его основной приток — Чугурец, который, прорезая известняковую гряду, формирует в этом месте каньонообразную долину.

Река Чугур на всем протяжении образует различные меандры, мысы и останцы. В ее долине, кроме грота Старые Дуруиторы, обнаружены и исследованы еще несколько гротов, скальных навесов и одна пещера. Расположенные гипсометрически на разных уровнях в скальной гряде, они приобретают большое значение для изучения процесса образования и формирования карстовых пустот, а также процессов затухания пещер и образования гротов. В некоторых гротах были проведены археологические исследования и обнаружены следы обитания людей в различные эпохи — от палеолита до позднего средневековья (Кетрару 1964б; Кетрару, Борзияк 1975: 57–59).

В разное время геологией и стратиграфией террасовых отложений долины р. Прут и его притоков занимались И. Симионеску, Т. Поручик, М. Д. Давид, Н. Флоров, Ш. Матееску, И. Г. Ботез, Н. Н. Морошан, Н. А. Константинова (1963). Однако более значительный вклад в изучение террас внесли работы П. Ф. Гожики, К. Н. Негадаева-Никонова и А. А. Арапова (Негадаев-Никонов, Арапов 1964: 3–11), а также О. М. Адаменко (Адаменко и др. 1996).

К. Н. Негадаев-Никонов и А. А. Арапов выделяли в северной и средней части долины р. Прут от с. Корпач до с. Скуляны 9 надпойменных террас. Формирование верхних IX–VI террас они относили к верхнему плиоцену, V–IV — к нижнему плейстоцену, III — к среднему, II и I — к верхнему. При геоморфологическом разделении долины р. Прут П. Ф. Гожеком были выделены 5 районов. Участок от г. Липканы до с. Костешты, характеризующийся узкой долиной с врезными меандрами, был назван «корпачским» (Гожики 1966: 5). На протяжении всей долины Прута им отмечено 9 террасовых уровней, которые по возрасту аллювия могут быть отнесены: IX — к верхам среднего плиоцена, VIII–VII — к верхнему плиоцену, VI–V — к нижнему плейстоцену, IV–III — к среднему плейстоцену и II–I — к верхнему плейстоцену (Там же: 25). В корпачском районе выявлены только первые семь террас с высотами от 13–15 до 150–165 м.

По своему морфологическому строению, возрасту и высоте уровней как самих террас, так и цоколей, террасы Прута хорошо синхронизируются с террасами долины р. Днестр (Гожики, Чепалыга 1964: 22–25).

Седьмая терраса пра-Прута имеет довольно значительную ширину, и ее простирает часто не совпадает с общим направлением современного русла.

Шестая надпойменная терраса хорошо выражена в рельефе у с. Проскураяны, в непосредственной близости от грота Старые Дуруиторы. Она сложена из гравийно-галечниковой толщи, разнородного песка с небольшими прослойками гравия, мелкозернистого неслоистого песка, суглинков охристо-желтого цвета лессовидного облика. Останки млекопитающих в аллювии этой террасы редки и имеют разную фоссилизацию. Богато представлена фауна пресноводных моллюсков.

Аллювиальная толща пятой надпойменной террасы сложена из гравийно-галечной пачки с прослоем конгломерата, прослоем среднезернистого песка, сероватого суглинка и лессовидного суглинка. Покровные отложения представлены лессовидными суглинками и прослоем красно-бурой погребенной почвы. Останки млекопитающих, найденных в русловом аллювии, принадлежат *Elephantidae* и *Equus sp.*

Четвертая надпойменная терраса плохо выражена в рельефе и сохранилась частично. Она сложена из гравийно-галечной толщи с песочными линзами, песком с гравием, линзой чистого мелкозернистого песка и лессовидного суглинка. Пачка субаэральных образований сложена лессовидными суглинками с бурой погребенной почвой. Общая мощность пород этой террасы в корпачском районе достигает 15 м, а мощность аллювиальной толщины — 4–5 м. Среди остатков млекопитающих встречены такие виды, как *Elephantidae*, *Equus sp. caballus*, *Asinus sp.* и др. с самой различной степенью фоссилизации. Также разнообразны и формы моллюсков, что свидетельствует, по-видимому, о наличии процессов сильных размывов и переотложений более древних образований во время формирования четвертой террасы.

Хорошо выражена в рельефе третья надпойменная терраса. К. Н. Негадаевым-Никоновым и А. А. Араповым она прослежена у пос. Костешты, с. Кубань и с. Болотино. Она представлена иловатыми глинами с гравием, серовато-желтыми суглинками с прослойкой бурых (возможно, ископаемая почва), песчано-гравийной пачкой с линзами и прослойками разнородных песков, суглинками желтого цвета с гравием (Негадаев-Никонов, Арапов 1964: 6–7). Общая мощность покровных отложений достигает 21 м, а аллювия — 6–7 м. Фауна млекопитающих представлена довольно многочисленными моллюсками.

Четвертичные отложения в Среднем Попрутье выражены хорошо и имеют почти повсеместное распространение. К сожалению, несмотря на большую доступность для наблюдения, они остаются еще слабо изученными. Имеются описания ряда разрезов с подробной характеристикой палеонтологических материалов (Адаменко и др. 1996), что можно считать началом систематических исследований плейстоценовых образований. Эти отложе-

ния представлены, в основном, континентальными осадками в виде лессовидных суглинков с серией прослоек ископаемых почв, а также супесями и песками. Их происхождение может быть связано только с развитием материковых и горных оледенений, хотя эта территория не подвергалась непосредственно оледенению, она располагалась в перегляциальной зоне. В периоды развития основных гляциалов здесь шло интенсивное накопление лессовидных отложений, а в периоды теплых интергляциалов формировались почвы черноземного типа, различные по мощности и содержанию гумуса, известные в настоящее время как ископаемые. Они хорошо представлены в виде прослоек в толще лессовидных суглинков проскураянских, корпачских и других отложений.

Четвертичные отложения Попрутья и их стратиграфическая схема наиболее полно охарактеризованы в работах К. Н. Негадаева-Никонова и И. В. Яновского (Негадаев-Никонов, Яновский 1969). Однако мы не можем согласиться с тем, что авторы проводят границы между неогеном и антропогеном по подошве тираспольских (кромерско-миндельских) отложений, ссылаясь на схему Межведомственного стратиграфического комитета СССР. Вслед за В. М. Громовым и другими геологами (Громов, Никифорова 1968: 9–16; Громов и др. 1969: 41–55), поддерживающими рекомендации Международного Лондонского геологического конгресса, мы склоны включать в антропоген аналоги виллафранка Западной Европы и юга Молдавии. По мнению Н. Н. Краснова и К. В. Никифоровой, антропоген Молдавии следует начинать со слоев с фауной молдавского и одесского фаунистических комплексов, что отодвигает нижнюю границу антропогена на 1,3 млн лет (Краснов, Никифорова 1973: 157–188).

В Евразии сейчас известны достоверные археологические памятники самого начала антропогена, хотя не так давно самым древним памятником Европы был грот Валлонэ в Приморских Альпах на юге Франции, возраст которого варьировал в пределах 900–1100 тыс. лет. Положение изменилось в конце XX — начале XXI в. в связи с открытием в разных местах южной Европы памятников эоплейстоценового возраста. В 2010 г. древнейший палеолит был найден и на территории Молдавии, в частности в Приднестровье. Он представлен многослойной стоянкой Байраки, расположенной в окрестностях г. Дубоссары. Благодаря пятилетним междисциплинарным исследованиям (2010–2014 гг.), которые были проведены группой ученых из Санкт-Петербурга (ИИМК РАН), Москвы (Институты географии и геологии РАН), Кишинева (Институт культурного наследия) и Тирасполя (НИЛ «Археология» Приднестровского университета), удалось получить не только многочисленные археологические материалы, но и датировать нижние слои эоплейстоценовым временем (Анисюткин и др. 2011; 2012а; 2012б). Окончательно было установлено, что все нижние слои существовали в течение палеомагнитной

эпохи Матуяма, а слои 4–5 соответствовали эпизоду Харамильо, т.е. 990–1100 тыс. лет (Анисюткин и др. 2013; 2015; Tchepalyga, Anisytkin 2014).

В настоящее время с уверенностью можно сказать, что Молдавия, как и южная часть Европы, была заселена предками ископаемых людей уже в эоплейстоцене. В это время в южной части Европы были распространены каменные индустрии, аналогичные развитому олдовану.

В начале четвертичного периода вся территория Попрутья представляла собой сушу, по невысокой равнине которой Прут нес свои воды в сторону Черного моря. Позднее, в связи с понижением базиса эрозии речная долина постепенно стала врезаться, углубляться, и таким образом сформировалась современная гидрографическая сеть. Климат, по сравнению с позднеплиоценовым, становился континентальным, появились участки степей, лесостепей, лесов и заболоченных лугов с кустарниками. В это время начинает формироваться холоднолюбивый фаунистический комплекс, включавший трогонтериевого слона, короткорогого бизона, этрусского носорога, широкопалую лошадь, широколобого лося и гигантского оленя. В пресноводных бассейнах развиваются крупные двухстворчатые моллюски и мелкие ракообразные формы. Однако климат по-прежнему остается теплым.

С наступлением миндель-рисской (лихвинской/завадовской) межледниковой эпохи климат становится еще теплее и мягче. В пределах Черного моря формируется древнеэвксинский бассейн с теплолюбивой фауной моллюсков. В результате наступившего потепления в более мягких, переменнo-влажных климатических условиях, по-видимому, и сформировался завадовский горизонт красновато-коричневых почв (Веклич 1968: 184–185; Палеопедология: 203–211). Эта хорошо выраженная ископаемая почва была изучена и описана на разрезе VI надпойменной террасы у с. Погребя близ г. Дубоссары на Днестре (Левковская, Анисюткин 1989).

Хотя в среднечетвертичное время территория Попрутья и не была охвачена оледенением, она находилась поблизости от края днепровского (рисского) ледника и полностью входила в перигляциальную зону. Изменение климата в сторону похолодания и влияния антициклона, возникшего над поверхностью ледника, повлекли за собой значительные изменения в геологических процессах. На возвышенностях и склонах происходит накопление эолово-делювиальных образований в виде лессов и лессовидных суглинков. В ландшафте начинают преобладать степь с изреженными участками леса и низкой кустарниковой растительностью. В фаунистическом комплексе этого времени появляются первые настоящие представители арктического климата — северный олень, мамонт раннего типа, шерстистый носорог и др. О значительном похолодании свидетельствуют также криогенные явления в отложениях третьей надпойменной террасы р. Прут (Москвитин 1963).

Глава 3. Стратиграфия²

В процессе исследований, проводившихся как в самом гроте Старые Дуруиторы, так и на склоне гряды перед гротом, особое внимание, естественно, было уделено изучению стратиграфических условий, чтобы в дальнейшем можно было решать вопросы, касающиеся процесса образования и формирования карстовой полости, изменения ее конфигурации. Одновременно необходимо было проследить этапы образования отложений в гроте, их характер, а также установить время и условия жизни первобытного человека. Одними из основных вопросов, вставших перед нами, были вопросы о времени возникновения полости пещеры, о том, когда и каким образом она была заселена человеком: сразу или спустя некоторое время, внесли ли первобытные люди какие-либо конструктивные изменения.

Очень важно было также установить, была ли карстовая полость в период первоначального заселения ее человеком сухой, теплой и удобной для обитания, или она была сырой, холодной, и ее необходимо было приспособить для этой цели. На все эти и ряд других вопросов ответ могло дать лишь тщательное наблюдение в процессе раскопок за стратиграфией отложений, накопившихся в пещере за огромный промежуток времени от ее возникновения до затухания, когда она, в значительной степени изменив свою конфигурацию, приобрела вид грота с современными очертаниями.

Решение этих вопросов осложнялось еще и тем, что грот Старые Дуруиторы находится в непосредственной близости от села и в течение длительного времени в нем содержались отары овец. Возможно, с целью приспособить грот как загон для овец еще в средневековое время были сделаны какие-то конструктивные изменения — убраны упавшие с потолка и козырька камни, выровнена площадь пола и др. Часть известняковых камней из грота, а также со склона, вероятно, были использованы жителями для строительства.

С другой стороны, жители села приняли самое активное участие и в разрушении отложений в гроте, особенно верхних слоев. Отличительной чертой молдавских гротов, в том числе и Старых Дуруитор, является их расположение вблизи сел. Если в гротах Кавказа, Крыма, Средней Азии и других местностей кизяк, накопившийся в результате содержания в гротах овец,

² В данной работе литологические слои обозначены арабскими цифрами, археологические слои — римскими.

сжигался, и образовались мощные слои пепла, то из молдавских гротов кизяк снимался местными жителями и использовался как топливо. Вместе с кизяком уносилась из грота и часть верхних отложений, зачастую вместе с содержимым культурного слоя. Таким образом, можно констатировать, что верхнепалеолитический культурный слой в гроте был в значительной степени уничтожен почти на всей площади южной и центральной камер. В южной камере этот слой сохранился только в виде отдельных небольших участков у пристеночной части грота и под некоторыми большими камнями известняка, упавшими с потолка во время или после образования здесь слоя с культурными остатками верхнепалеолитического возраста. Довольно труднообъяснимыми особенностями грота Старые Дуруиторы являются сравнительно малая мощность его напластований, отложившихся в течение весьма продолжительного времени, и отсутствие слоев, характеризующих всю мустьерскую эпоху, а также начальный и средний периоды верхнего палеолита. Мощность отложений в разных частях грота различна и только в юго-восточном углу южной камеры она превышает 2 м. В среднем толщина отложений в гроте не более 1 м. Вероятно, малую мощность можно объяснить долго и многократно действовавшим водным потоком, который периодически сносил накопившиеся за какой-то срок отложения. Отсутствие в горизонте «галечника», соответствующего слою III, и артефактов более позднего облика указывает, что подобный процесс был очень продолжительным и интенсивным, а грот очень долго оставался необитаемым. Отдельные кремневые изделия с белой патиной, имеющие мустьероидный облик, возможно, указывают на весьма кратковременные перерывы. В это время грот могли посещать древние люди. Правда, эти изделия всё же не очень существенно отличаются от тайякских артефактов, происходящих из нижележащих слоев. На этом основании можно заключить, что на раннем этапе разрушения грота существовали короткие периоды прекращения эрозионных процессов, но сформировавшиеся отложения позднее вновь уничтожались.

Перед началом стационарных исследований в гроте был проверен склон перед гротом, куда могли попасть находки, сброшенные обитателями грота или смытые из грота и с прилегающей площадки дождевыми потоками.

Траншея А была заложена вдоль грота, у его подножья. В южной части она была прокопана до глубины 0,5 м, так как дальше была скала. От юга к северу скала стала уходить вглубь и начала увеличиваться мощность рыхлых пород. В самой северной части скала стала подниматься вверх, и у самых крайних квадратов выступила на поверхность. Наибольшая глубина была достигнута в центральной части траншеи на квадратах 18–26, где она равнялась 3 м. В целом здесь можно описать следующие напластования сверху вниз.

1. Делювиальный слой чернозема, смытый с поверхности скальной гряды над гротом и с площадки грота, насыщенный мелкой угловатой известняковой щебенкой. Он содержит обломки известняка небольших и средних размеров, достигающих в поперечнике от 10 до 50 см. В центральной части траншеи (кв. 10–23) мощность делювиального чернозема увеличивается до 1,5 м. Также возрастает и количество известняковых камней, которые, очевидно, имеют связь с гротом и являются частями обвалившегося козырька над южной камерой грота. На различных глубинах были найдены кости животных, как древние, так и современные, фрагменты керамики трипольской культуры, бронзового века (культуры Ноуа), первых веков нашей эры (черняховской культуры и средневекового времени). Только несколько невыразительных кремневых предметов имеют раннепалеолитический облик. В основном же кремневый материал представлен пластинами и сечениями пластин, отщепами, нуклеусами из светло-серого кремня. Поверхность большинства предметов покрыта белой или слабой синеватой патиной, характерной для кремневых изделий более позднего времени и, в частности, для верхнего и, возможно, среднего палеолита. Глубина залегания этого слоя составляет от 0,3 до 0,7 м.

2. Суглинок лессовидный в верхней части с примесью чернозема, поэтому цвет его темно-серый. В средней и нижней частях он чистый, желто-палевого цвета. Весь слой насыщен мелкой угловатой известняковой щебенкой. В самом слое обломки известняка встречались редко, однако в нижней части они составляют целый слой, переходящий затем в скальное основание гряды. В слое были найдены отдельные кремневые отщепы и обломки пластин палеолитического времени, кости плейстоценовых животных, в основном зубы лошади, пещерного медведя, бизона, оленя. Глубина залегания — 0,35–1,5 м.

Траншея Б заложена в продолжение квадратов 3–4 площадью 12 м² поперек склона. В верхней части она была прокопана до глубины 0,2 м, а в нижней — до 1 м. Грунт сверху донизу представлен делювиальным черноземом, насыщенным мелкой известняковой угловатой щебенкой и отдельными известняковыми камнями. В нижней части, у скалы, он становится светлей, однако лессовидный суглинок так и не выявлен. Среди культурных остатков отметим только кости животных, фрагменты керамики и отдельные кремневые изделия — отщепы, пластины, нуклеусы, относящиеся к трипольскому и более позднему времени.

Таким образом, стратиграфические наблюдения в траншеях А и Б показали, что на склоне остатки палеолитического времени немногочисленны и находятся в переотложенном состоянии.

Рассмотрим подробнее стратиграфию, характер напластований и залегания культурных остатков в них отдельно для каждой из трех камер грота. Современная дневная поверхность наклонена по направлению ко входу в грот (рис. 6).

Северная камера. В северной камере, где козырек почти полностью отсутствует (рис. 10, вверху), рыхлые отложения не сохранились. В расщелившемся скальном дне грота между камнями прослеживается небольшой слой мелкой угловатой известняковой щебенки, перемешанный в нижней части с суглинистым материалом, а в верхней — с черноземом, смытым с плато. Его мощность — 25–35 см. В слое найдено только несколько невыразительных кремневых отщепов, чоппер и единичные зубы пещерных хищников. Из ниши северной камеры рыхлые отложения полностью вынесены водными потоками, проникшими через отверстие-воронку в толке. На скальном дне залегает прослойка чернозема, смытого с плато.

Центральная камера. Общая мощность рыхлых напластований центральной камеры значительно меньше, нежели в южной — от 1,2 до 2 м. Они отличаются от отложений южной камеры по характеру залегания, конфигурации слоев и насыщенности их обломочным материалом. По-видимому, это можно объяснить тем, что хотя отложения центральной камеры образовались в то же время и в тех же климатических условиях, что и отложения южной камеры, они были сформированы в коридорообразной камере, закрытой с запада. Северный вход в нее довольно узкий, а высота от скального основания до потолка едва достигает 2–2,5 м (рис. 10, внизу).

В центральной камере прослеживается следующее чередование слоев сверху вниз:

1. Слой черной земли — гумусовый горизонт, слабо насыщенный угловатой известняковой щебенкой и камнями. Он образовался уже в послеледниковое время и содержал культурные остатки эпох энеолита, бронзы, раннежелезного века, черняховской культуры и средневекового времени (археологический слой I). Его мощность — 0,1–1 м.

Этот слой распространяется на большую часть камеры. Однако наибольшую толщину (до 1 м) он имеет в восточной части на кв. Ж–И/22–25, где он круто опускается до скального дна камеры. В северной нише с двумя карманообразными углублениями он отсутствует. Нет его также под скалой крайних западных квадратов. В северной части камеры, у входа, на кв. Н–К/26–28 в составе первого слоя больше чернозема и известняковой щебенки. Никаких находок здесь нет.

2. Суглинок желтовато-бурый, с зеленоватым оттенком, легкий, плотный (в сухом виде пылеватый). В слое часто встречается мелкая угловатая щебенка и отдельные камни. Его мощность — 0,35–0,5 м.

От второго слоя южной камеры слой 2 центральной камеры отличается только содержанием обломочного материала и большей вязкостью. Последнее, по-видимому, следует объяснить большей увлажненностью. Второй слой распространялся не на всей площади центральной камеры и охватывал только кв. И–Н/21–27. Хотя мощность культурного слоя II на отдельных квадратах больше, чем в южной камере, археологически он насыщен слабее. Здесь значительно меньше костей животных, которые не составляют даже самого небольшого скопления. Меньше здесь и костей, сохранивших свой анатомический порядок. Среди предметов, найденных в слое II центральной камеры, исключительную важность имеет фрагмент нижней челюсти позднепалеолитического человека с сохранившимися 6 коренными зубами. Однако других костей человека не найдено, не обнаружено также каких-либо следов захоронения.

3. Третий слой центральной камеры по своему литологическому составу мало чем отличается от этого же слоя южной камеры. Это тоже крупная и мелкая известняковая щебенка, перемешанная с суглинистым материалом и составляющая единый компактный «галечный» слой. Степень окатанности щебенки здесь местами меньше, а в крайних северных квадратах она минимальна. Меньше также степень цементации слоя, что, по-видимому, опять-таки связано со значительной увлажненностью. Мощность этого слоя — 0,15–1,2 м.

Содержит находки археологического слоя III. Несмотря на малую степень окатанности щебенки, значительная часть кремневых изделий и костей животных, найденных в слое III, имеет характерную окатанность, такую же, как и находки III слоя южной камеры (см. описание ниже). У них также заметны сбитые края, оглаженная поверхность, покрытая разнообразными царапинами и штрихами, хотя иногда попадаются и слабо окатанные. В восточной и северной части камеры граница распространения третьего слоя совпадает с границей второго, а в западной части этот слой не обнаружен лишь на крайних квадратах, примыкающих к стенке грота. Самая большая мощность этого слоя — в средней части камеры; она резко уменьшается по мере приближения к северному входу.

4. Слой суглинка (пещерной глины) темно-бурого, почти шоколадного цвета с незначительной примесью мелкой угловатой известняковой щебенки. Изредка встречались небольшие камни. В слое были хорошо заметны следы обожженности грунта в виде тонких прослоек и линз малинового и сиреневого цветов. Однако по своей мощности прослойки обожженности здесь значительно меньше,

чем в южной камере. Только на кв. М–Н/25–26 обнаружены два пятна сильно обожженного грунта. Оба пятна залежали в нижней части слоя и не имели четкой границы с нижележащей прослойкой обожженности. Их мощность 15–20 см. Содержит находки археологического слоя IV. Кремневые изделия и кости животных, найденные в четвертом слое центральной камеры, не имеют никаких следов окатанности. Площадь распространения слоя ограничивается квадратами Л–О/21–26. Мощность слоя — 0,25–0,45 м.

5. Прослойка обожженности в центральной камере залегает в основании четвертого слоя и лишь частично захватывает верх шестого слоя. Ее толщина — 0,1–0,15 м. Она распространяется только на кв. Л–О/21–26. На других квадратах четвертый слой залегает на нижележащем шестом, как бы переходит в него и не имеет четкого контакта.

6. Суглинок коричнево-красный с мелкой и крупной угловатой щебенкой и с обилием камней, особенно в нижней части, где он переходит в довольно ровное скальное дно грота. Его мощность — 0,3–0,55 м.

В нише и ее карманах в северо-восточной части центральной камеры, а также у восточной стенки, где скальное дно сильно выступает, этот слой отсутствует. Здесь непосредственно на скале залегает тонкая прослойка пещерной глины с примесью мелкой угловатой известняковой щебенки зеленовато-серого цвета. Ее мощность — 0,04–0,1 м (рис. 7: А).

Южная камера. В этой камере выявлена самая большая мощность рыхлых отложений, варьирующая от 0,6 м на площадке вне линии нависания козырька до 2,5 м в юго-восточной части, т.е. в глубине грота (рис. 11). Стратиграфия слоев в этой части грота изучена по поперечным профилям линии квадратов 5–6, 8–10, 16–17 и 19–20, и может быть представлена следующим образом, сверху вниз:

Слой 1. Чернозем, сильно перемешанный с кизяком. Он образовался из смытого с плато чернозема и перегнившего кизяка, насыщен мелкой, угловатой известняковой щебенкой, образовавшейся в результате «шелушения» стен и потолка грота в холодное время. В южной и средней части камеры этот слой прослеживается только на площадке, в основном вне линии нависания козырька. На кв. линий 16–19 он прослеживался на всей площади, а в глубинной части, на кв. Д–Е/16–19, опускается вниз до глубины более 1 м. На краю площадки грота это единственный слой, который почти полностью состоит из делювиального чернозема, смытого с плато, а на линии кв. Е–М/6–9 он до такой степени насыщен щебенкой, что составляет сверху и до скального дна щебнистую толщу. Содержит находки

археологического слоя I. В слое обнаружены находки, относящиеся к различным периодам, от эпохи энеолита до позднего средневековья.

Слой 2. Суглинок рыхлый пылеватый, скорее всего золотого происхождения, насыщенный мелкой угловатой известняковой щебенкой и мелкими обломками известняка. Реже встречаются отдельные известняковые камни. Его цвет желтовато-бурый с зеленоватым оттенком. Судя по литологическому содержанию, второй слой мог образоваться только в период интерстадиала в прохладном, но сухом климате, с большими перепадами температуры. Частые и, возможно, сильные ветры заносили в грот, который имел уже современную конфигурацию, пылевые частицы. Слой распространен не равномерно по всей площади, а только в виде отдельных сохранившихся участков на кв. Б–К/6–10, В–Г/11–13, Г–Е/15–19, Е, Ж, З/13–16; Г–Н/17–18 и Д–Н/19. На остальных квадратах этот слой разрушен при изъятии кизячного слоя. Его мощность достигала 0,25–0,5 м. Он содержит культурные остатки верхнепалеолитического времени (археологический слой II), которые представлены кремневыми и костяными изделиями, костями плейстоценовых животных и следами от кострищ. Особенно богато представлены фаунистические остатки, которые на кв. И–Л/6–9 и А–Б/7–9 составляли скопления костей древней лошади и зубра (бизона), северного и благородного оленей, кулана, сайги и других плейстоценовых животных. Некоторые части скелетов животных были найдены в анатомическом порядке. Особенно ценна находка в первом скоплении целого черепа благородного оленя с естественно отпавшими рогами. Глубина залегания — 0,2–0,55 м.

Слой 3. Суглинок желтовато-бурого и светло-бурого до палевого цветов, пылеватый, с частицами иловатого грунта разной мощности (от 0,3 до 0,6 м) заполненный крупным, средним и часто мелким известняковым щебнем с окатанной поверхностью. Степень окатанности зависит от участка грота. В центральной камере и на крайних северных квадратах южной камеры преобладают сильно окатанные слои, имеющие вид «галечника», связанного с верхней частью слоя мощностью от 0,2 до 0,3 м. В нижней части слоя преобладают обломки известняка крупных и реже средних размеров с менее окатанной поверхностью. Геолог М. Н. Грищенко выделяет две прослойки третьего слоя — «а» и «б», верхняя с большим содержанием суглинистого материала, нижняя — известняковой щебенки. В верхней прослойке он отмечает присутствие обломков травертинов. Третий слой распространен в основном на южных квадратах южной камеры, отсутствуя на значительной части западных квадратов.

Он не имеет четкого единого уровня залегания и то уходит под второй слой, то выступает прямо на поверхность. В профиле он имеет волнообразные очертания с отдельными более сильными конусовидными выступами. Не обладает он и четким контактом с ниже и вышележащими слоями. Следует отметить, что, если на отдельных квадратах южной камеры, особенно в ее средней части, этот слой выходит на поверхность, то он нигде не заходит под нижележащий четвертый слой. Кроме того, на всех квадратах, где прослеживается третий слой, ниже залегает четвертый. Положение подошвы этого слоя четко указывает на то, что на значительной части раскопа он лежит на размытой поверхности четвертого. Эти промозины часто читаются на продольных разрезах.

Содержит находки археологического слоя III. Заметная часть находок кремневых изделий слоя III, происходящих из галечника, отличает характерная окатанность. При этом кремневые изделия несут следы ударов друг о друга в виде петлистых трещинок на поверхности, плоские участки как бы сглажены, а края сильно сбиты. Даже предметы с четко выраженными следами обработки рукой человека (наличие ударного бугорка, ударной площадки, негативов предшествующих сколов, а также ясно выраженной ретуши) окатаны и часто забиты до такой степени, что эти черты теряются. Бинокулярные исследования, проведенные С. А. Семеновым, показали, что кремневые изделия третьего слоя приняли такой облик в результате окатывания в водном потоке. С. А. Семенов не исключает окатывание даже в русле реки или водных потоках, которые в весеннее время несут не только песок, но и камни. Следы ударов друг о друга особенно хорошо заметны на кремневых изделиях с патинированной поверхностью. Кроме ударов и сбитых краев на поверхности кремневых изделий хорошо видны многочисленные царапины в виде тонких, глубоких штрихов и типичная при окатывании заполировка (заключение Экспериментальной трасологической лаборатории ЛО ИА АН СССР, подписанное С. А. Семеновым от 12 мая 1959 г.). Правда, обнаружены отдельные участки с почти неокатанными или слабо окатанными артефактами. Удалось установить, что наиболее часто окатанные изделия находились в северной части грота, в то время как в средней и юго-восточной части южной камеры преобладали слабо окатанные. В этом отношении наиболее показательными были квадраты, расположенные в пределах раскопа 1973 г., где мощность отложений иногда превышала 2 м. Здесь, на кв. В–М/15–19, где толщина слоя возростала, основное количество каменных изделий найдено ниже горизонта слабо

выраженного здесь «галечника» в пылеватом суглинке буровато-серого цвета с зеленоватым оттенком. Найденные на этих квадратах кремневые изделия слабоокатаны или нередко неокатаны вообще.

Кости животных, найденные в слое III южной камеры, как крупные, так и мелкие, целые и небольшие осколки, также нередко окатаны. У сломанных костей края имеют ту же характерную сбитость, а их плоские поверхности несут следы ударов, царапин и имеют типичную для окатанных предметов заполировку. Правда, отмечены немногочисленные неокатанные обломки костей. Почти все предметы, найденные в культурном слое, не образуют единого и четкого горизонта залегания; в слое они часто найдены в вертикальном положении, с наклоном в ту или другую сторону, нередко горизонтально.

Слой 4. Четвертый слой в южной камере распространяется почти на всех квадратах, которые не выходят за линию нависания козырька. Содержит находки археологического слоя IV. Он состоит как минимум, судя по раскопкам 1973 г., из трех горизонтов. Наиболее насыщенный находками горизонт связан с кровлей слоя, ниже идет стерильная прослойка до 20 см, а следующий горизонт с артефактами и костями животных связан с поверхностью крупных обломков известняка и желтоватым суглинком. Третий горизонт обнаружен только под большими камнями, являющимися частями разрушенного карниза. Последние свидетельствуют о том, что процесс разрушения пещеры и превращения ее в грот начался уже после возникновения в гроте стоянки, связанной с четвертым слоем. Правда, не всегда эти три горизонта не являются хорошо распространенными. Часто плохо выделяется второй горизонт, который обычно характеризуется обилием обломков и осколков костей, но редкими кремневыми артефактами. Не обнаружен IV слой также на площади самых южных кв. К/10, И/9, Ж–З/8 и южнее. Отсутствует он и в углублении (ниже) юго-восточной части камеры на кв. А–В/10, А–Г/8–9 и на всей седьмой линии.

По своему литологическому составу в различных частях южной камеры слой 4 различен. Так, в нише (юго-восточном углу) это темно-бурый суглинок, не пылеватый, плотный с включением мелкой угловатой щебенки и обломков известняка. Здесь он залегает на слое 6, в котором прослойка обожженности не прослеживается. В центральной части южной камеры слой состоит из двух пачек. Его верхняя часть, мощностью 0,15–0,25 м, представляет собой пещерный суглинок темно-бурого цвета, не пылеватый, без щебенки и гальки известняка. Прерывистые линзы и пятна обожженности с серовато-розовым оттенком наблюдаются только в нижней части.

Основание слоя 4 состоит из плотного по составу суглинка (пещерной глины), обогащенного угловатой известняковой щебенкой и небольшими обломками известняка от 10 до 30 см в поперечнике. Эта часть слоя почти всюду переслаивается с линзами обожженности серовато-розового цвета, мощность которых достигает до см. На отдельных квадратах линза обожженности почти сплошная.

Найденные в слое IV кремневые изделия, а также кости плейстоценовых млекопитающих (древней лошади, бизона, пещерных хищников: медведя, тигрольва и гиены) только в исключительных случаях имеют слабые следы окатанности. Зато некоторые кости животных имеют следы различной степени деформаций, напоминающих обожженность. Многие кости, особенно пещерного медведя, сильно фрагментированы. На некоторых прослеживаются погрызы.

В северной части южной камеры на квадратах Л–К/19–20 слой 4 распадается на несколько прослоек, литологически хорошо отличающихся одна от другой. М. Н. Грищенко выделил здесь напластования следующих прослоек (Грищенко 1969: 138–139):

а) суглинок светло-зеленовато-серый, с редкой примесью крупной щебенки и обилием мелкообломочного известняка и обожженных костей, а также тонких прослоек зольной массы малинового и сиреневого цвета — 25 см;

б) прослойка щебня — 5 см;

в) суглинок темно-бурый, пылеватый, без щебня и гальки; окраска породы, возможно, связана с примесью зольного материала — 10–35 см;

г) суглинок светло-зеленовато-бурый, не обожженный — 20 см.

В основании четвертого слоя на большой площади южной камеры залегает прослойка обожженного грунта, которая по своей мощности от 10 до 25 см и распространенности может быть выделена в отдельный пятый прослой. Особенно компактно очажный прослой залегает на продольных линиях кв. Ж/8–20 и не прослеживается в глубине камеры. Так, от восточной стенки южной камеры грота граница обожженности проходит на расстоянии 3–5 м. У входа с запада упавшие с навеса камни лежат на прослойке обожженности, а сами камни как бы служат границей распространения слоя. Западнее, на площадке грота, следы обожженности отсутствуют.

Характер обожженности, как полагал Н. А. Кетрару, также различен. На поверхности скального дна грота — это обожженная скала, причем степень ее обожженности довольно высока. Имеются даже куски спекшегося известняка с характерной черной коркой, под которой находится известняковая, мучнистая, пылеватая масса.

Такой же характер имеет обожженная прослойка в том месте, где она залегает на поверхности нижележащего шестого слоя. Лишь на кв. Е–Ж/9–10 — это сильно обожженная прослойка пещерной глины бурого цвета, которая в других местах не прослеживается.

На поверхности обожженной прослойки были найдены только сильно потрескавшиеся от обжига кости лошади и бизона, зубы пещерных хищников и многочисленные мелкие осколки очень плохой сохранности. М. Н. Грищенко характеризует прослойку обожженности как слой очажной массы из костей и золы на поверхности известнякового рухляка (Там же: 138). Однако в действительности зола отсутствует, так же как и древесный уголь. Не было здесь найдено и кремневых изделий. Для сравнения, в очажных слоях грота Киик-Коба культурные остатки были хорошо представлены и, как отмечает Г. А. Бонч-Осмоловский, эти слои IV и VI были наиболее насыщены кремневыми изделиями и костями плейстоценовых млекопитающих (Бонч-Осмоловский 1940: 32–49). В гроте Старые Дуруиторы такой картины мы не наблюдаем. Поэтому следует предположить, что, если очажные слои грота Киик-Коба образовались в периоды интенсивного обитания человека в гроте, то в Старых Дуруиторах эта прослойка возникла, по предположению Н. А. Кетрару, в результате разложения больших костров для осушения пола грота в период его первоначального заселения первобытным человеком. Возможно, это была и одна из форм борьбы людей с пещерными хищниками, которые жили в гроте до появления людей³.

На самом деле, как показали раскопки 1973 г., этот слой нельзя воспринимать как единый культурный слой. Здесь можно выделить три уровня обитания: в кровле слоя, в лежащей ниже щебнистой прослойке и на поверхности «обожженности». В прослойке обожженности и ниже находок каменных изделий нет. Здесь встречаются единичные обломки костей и зубы пещерных хищников. В верхней части слоя прослеживаются отдельные промоины, а найденные в них каменные изделия отличаются слабой окатанностью.

Слой 5. Известняковый «рухляк», мощностью 0,25–1,5 м. Он состоит из мелкой и крупной известняковой угловатой щебенки, известняковых камней, размеры которых увеличиваются по мере приближения к скальному основанию грота. На кв. А–Д/6–11, Д–К/16–19 скальное дно грота выступает на глубине 2,6 м от условной нулевой линии. Это наиболее увлажненный участок южной

³ Эта так называемая «обожженность» имеет, как полагал Б. Г. Ерицян, посещавший раскопки грота, естественное происхождение. Данное объяснение не лишено основания.

камеры, рыхлые отложения которой начали формироваться через незначительное время после образования полости пещеры. Именно в этой части грота, в шестом слое были найдены известняковые камни, вернее остатки разрушенных известняковых камней в виде рыхлых «мучнистых» образований. Среди целых камней мучнистой массы и в щебенке были найдены отдельные кости и зубы хищников: пещерного медведя и гиены с большой степенью фоссилизации. Их окраска приобрела темно-коричневый, почти черный цвет от большой насыщенности солями марганца. В отличие от костей хищных животных, обнаруженных в нижних слоях пещеры и отложениях грота Бутешты (Кетрару 1969; 1970: 113–114; Давид, Штейлер 1969; Давид 1980), здесь ни одна кость не была найдена в анатомическом порядке. Были разрознены даже зубы и фрагменты челюстей.

Ниже залегает плита известняка, на отдельных участках сильно потрескавшаяся, с небольшими выступами и углублениями, составляющая скальное основание грота. На его поверхности иногда обнаруживался маломощный слой суглинка, обозначаемый как слой 6.

Следует отметить, что наиболее полно отложения сохранились именно в южной камере, где они достигали мощности 2 м. Здесь же был обнаружен слой 6, представленный суглинком коричневого цвета, который лежал непосредственно на разложившемся щебне скального основания грота.

Приведем описание поперечного разреза северной стенки раскопа по линии кв. Д–И/12 (рис. 7: Б).

Общая мощность отложений составляет здесь немногим более 1 м. На этом участке раскопа голоценовых слоев нет. Непосредственно на поверхности был только слой 3, кое-где перекрытый очень тонкой прерывистой прослойкой кизяка, сохранившейся лишь пятнами.

На кв. Д/12 обнаружена часть слоя 2 — суглинок желтовато-бурый, с зеленоватым оттенком, пылеватый с вкраплениями единичных обломков остроугольной щебенки. Слой прослеживается в виде линзы, западный край которой равен всего 1–2 см, а восточный — до 30–35 см. В слое найдены единичные находки пластин и отщепов, относимых к археологическому слою II.

Слой 3 распространен в виде тонкой прослойки окатанного щебня с единичными находками кремневых изделий и обломков костей животных, относимых к археологическому слою III. Слой представляет собой суглинок желтовато-бурого цвета, пылеватого, зеленоватого оттенка до палевого, переполненный щебенкой мелких и средних размеров серовато-коричневого цвета. Окатанность щебня разная, но наименее окатанные обломки встречаются

ся на кв. Д/12. Здесь этот слой перекрыт слоем 2. Мощность слоя варьирует от 35 до 10 см.

Слой 4. Суглинок тяжелый, глинистый, темно-бурого цвета, разделенный на две части горизонтом из крупных известняковых сильно разложившихся плит, связанных с желтоватым суглинком. Слой, в котором имеются кости ископаемых животных и кремневые изделия, имеет мощность 60–85 см. На кв. Д/12 слой заполнен крупными глыбами известняка, уменьшаясь в мощности до 30 см.

Слой 5 представлен разложившимися мелкими и средними обломками щебня светлого серо-желтого и серо-коричневого цветов, а находки костей и кремневые изделия отсутствуют. Обнаружены лишь единичные находки зубов пещерной гиены и пещерного медведя.

Этот разрез указывает на то, как человеческая деятельность приводит к нарушению отложений. Показательным является слой 3, верхняя часть которого срезана деятельностью человека. Накопление, а затем снятие кизяка постоянно уничтожали кровлю отложений совместно с частицами культурного слоя. Таким образом был ликвидирован слой 2 и частично слой 3.

Общее заключение по стратиграфии. Грот, без сомнения, является многослойным памятником с частично сохранившимися слоями с археологическими находками. Правда, настоящим культурным слоем можно считать лишь самый верхний слой II с каменными и костяными изделиями верхнего палеолита. Что касается сильно нарушенного эрозией слоя III, то здесь нужно указать на его возможную двугоризонтность, включая верхний — так называемый «галечник», и нижний — пылеватый суглинок с отдельными слабо окатанными обломками известняка средних и крупных размеров. «Галечник» можно считать верхним горизонтом, который состоит из разной степени окатанного известнякового щебня крупных и средних размеров. Этот горизонт окатанного щебня лежит в пылеватом суглинке желтовато-бурого и светло-бурого цветов с частицами иловатого грунта разной мощности (от 0,3 до 0,6 м). В нем находятся преимущественно окатанные кремневые изделия и отдельные обломки костей ископаемых животных. Среди окатанных кремневых и кварцитовых изделий встречены сильно окатанные образцы, которые обычно находятся в промоинах на западных квадратах раскопа. Археологический материал встречен как в верхнем, так и в нижнем горизонте.

В качестве иллюстрации приведем разрез восточной стенки южной камеры по линии кв. Ж/13–15, где слой 3 представлен окатанным «галечником», проникшим по промоине глубоко в слой 4 (рис. 8).

Современный слой здесь не сохранился. Местами представлены пятна слоя кизяка, лежащего на поверхности второго слоя.

Слой 2. Суглинок желтовато-бурого цвета сохранился в виде линзы мощностью до 40 см. В слое найдено несколько мелких обломков костей северного оленя и отдельные кремневые изделия верхнепалеолитического облика.

Слой 3. Окатанный щебень преимущественно мелких размеров с включением отдельных камней среднего размера, связанный с суглинком светло-бурого цвета. Наиболее интенсивно окатанные обломки известняка приурочены к кровле слоя. В заполнении имеются обломки костей и по-разному окатанные кремневые орудия.

Слой 4. Тяжелый суглинок бурого цвета. Отмечаются отдельные обломки костей и многочисленные кремневые изделия. Слой лежит на обожженном грунте, расположенном непосредственно на скале.

На этом разрезе хорошо читаются следы двух промоин, заполненных окатанным щебнем. Подобные промоины зафиксированы во многих местах разреза. Все промоины имеют западное и северо-западное направление, в сторону входа в грот.

Наиболее слабая окатанность артефактов из слоя III наблюдается на нескольких восточных квадратах южной камеры. На остальной площади нарушенность слоя более заметна. Здесь каменные изделия и обломки костей ископаемых животных находятся во вторичном залегании в отложениях, разрушенных водными потоками. Наиболее вероятно, что так называемый «галечник» содержит в себе в переотложенном виде несколько горизонтов обитания полностью разрушенных плейстоценовой эрозией. Нижний горизонт слоя III мощностью 0,3–0,4 м сохранился, как правило, в восточной части южной камеры и прежде всего в глубине грота, на пристеночных участках, где встречены слабо окатанные и даже вообще не окатанные кремневые изделия.

Приведем описание разреза пристеночного участка раскопа южной камеры, включая кв. Б–В/11, примыкающего непосредственно к скальной стене грота, где слой 3 имеет относительно хорошую сохранность. Общая мощность отложений равна почти 1,5 м (рис. 9):

Слой 1. Слой черной земли мощностью 5–10 см. На кв. Б/11, у стенки, его толщина увеличивается до 20 см;

Слой 2. Суглинок желтовато-бурый, пылеватый, с зеленоватым оттенком, с отдельными обломками известняка. Представляет собой участок сохранившегося слоя II. Мощность слоя достигает 35 см;

Слой 3. Суглинок желтовато-бурого и светло-бурого до палевого цветов, пылеватый, с зеленоватым оттенком. Слой заполнен мелким, средним и единично крупным щебнем, относительно сла-

бо окатанным. На пристеночном участке слой сильно увеличивается в мощности, достигая почти 55–60 см. Так называемый «галечник», который характерен почти для всей площади раскопа, здесь не представлен. Встреченные в этих слоях кремневые и кварцитовые изделия слоя III практически не окатаны. Общая мощность слоя варьирует от 20 до 65 см;

Слой 4. Бурый тяжелый глинистый суглинок, практически без щебня. В слое отмечены отдельные обломки костей и каменные изделия слоя IV. Мощность — 17–45 см;

Слой 5. Суглинок белесый, желтовато-серого цвета, заполненный мелкой и средней щебенкой, включая крупные обломки известняка с разложившейся поверхностью. Он залегал на поверхности скального дна грота. Слой стерилен, отличается значительной мощностью — 30–50 см;

Слой 6. Суглинок тяжелый глинистый, коричневого цвета. Он наблюдался в виде небольшой линзы, лежащей на скале. Мощность этой линзы — 7–10 см.

Характер отложений грота, как мы видим из приведенного выше описания, весьма сложен. Это касается не только сильно нарушенного слоя 3, но и лежащих ниже слоев. В этом отношении стратиграфическое деление археологического материала, если говорить только о слоях III и IV, более чем условно. В определенной мере положение «спасает» только единство каменных индустрий.

Интересно отметить наличие в общей массе непатинизированных кремневых изделий, предметов с патиной белого цвета, а также с голубовато-серой и голубой. Их наличие указывает на то, что изделия достаточно долго находились на поверхности в отдельные моменты прекращения эрозионных процессов. Весьма показательны, что среди находок нет заведомо верхнепалеолитических и мустьерских, но представлены только среднепалеолитические, которые не отличаются от каменных изделий слоя III. Это говорит о том, что разрушение отложений произошло как минимум в ранне/средне-вюрмское (мустьерское) время, продолжалось в течение всего вюрма до второй половины верхнего палеолита. Возможно, этот процесс начался, как это часто бывает, в микулинское/рисс-вюрмское межледниковье, неоднократно возобновляясь позднее. В это время грот не был пригоден для обитания, исключая кратковременные эпизоды прекращения эрозионных процессов, о чем, вероятно, свидетельствуют отдельные кремневые изделия среднепалеолитического облика с выраженной патиной.

Слой 4 сохранился значительно лучше, хотя и в нем наблюдаются следы эрозионных процессов, но, к счастью, незначительные. На ряде квадратов

удалось выявить четкий горизонт из крупных обломков и плит известняка, указывающих на момент существенного разрушения потолка грота. Возможно, это было связано с крупным землетрясением. В результате раскопок 1973 г. удалось установить, что слой IV состоял из ряда прослоек, что указывает на многократность поселений ископаемых людей этого времени. Возможно, это происходило трижды.

Без сомнения, между слоями 3 и 2 существовал продолжительный перерыв в накоплении отложений, связанный с обширной и неоднократно повторяющейся эрозией, во время которой водные потоки, проникающие через поноры, каждый раз последовательно уничтожали накопившиеся четвертичные отложения, которые образовывались во время оледенения перерыва. На их наличие косвенно указывают покрытые патиной кремневые изделия. Все эти артефакты имели, как уже отмечалось, среднепалеолитический облик. Видимо, во время одного из таких перерывов образовалась травертиновая корка, выделенная геологом М. Н. Грищенко (1969). Эта корка была позднее разрушена очередным водным потоком. Можно предположить, что травертин образовался в теплое время (рисс-вюрм), во второй половине которого прослеживается интенсивное размывание отложений. В гроте, как показывают палинологические данные, отсутствуют отложения самого позднего и самого холодного стадиала рисса, соответствующего изотопно-кислородной стадии (здесь и далее — ИКС) 6 или московской стадии среднеплейстоценового оледенения Русской равнины (Заррина 1991: 74; Адаменко и др. 1996; Hoffecker 2002), а также рисс-вюрма и большей части вюрма, до конца ИКС 3. До второй половины вюрмского/валдайского оледенения, включая раннюю пору верхнего палеолита, грот не был обитаем ни крупными хищниками, ни ископаемым человеком. Исключением были разнообразные хищные птицы, жизнедеятельность которых представлена погадками в виде обломков и осколков мелких костей птиц и грызунов, обитавших в гроте и в его окрестностях. Правда, наиболее значительная часть этих остатков относится уже к слою 2.

Аналогичные хиатусы засвидетельствованы на многих разрезах Европы. В качестве примера приведем грот Комб-Греналь во Франции, где между рисскими и вюрмскими отложениями прослеживается перерыв в накоплении четвертичных отложений, связанный с рисс-вюрмским межледниковьем. Правда, здесь сохранились не только рисские отложения, но и ранневюрмские с многочисленными мустьерскими слоями (Bordes et al. 1966).

Глава 4. Биостратиграфические данные: флора и фауна

До 70-х гг. XX в. в палеолите Молдавии основой для восстановления палеогеографических условий обитания палеолитических людей и относительной хронологии выступали преимущественно фаунистические данные. Они были представлены многочисленными обломками костей плейстоценовых млекопитающих и реже птиц, происходящих из различных стратифицированных стоянок. Однако костные остатки, особенно крупных млекопитающих, несмотря на их обилие и разнообразие, не всегда могли быть надежными показателями изменения климатических условий в позднем плейстоцене, а тем самым — основой относительной хронологии, построенной на биостратиграфических критериях. Более надежны определимые кости и зубы мелких млекопитающих, прежде всего грызунов, которые в силу их определенной специфики, в частности высокой плодовитости, были в большей мере подвержены изменчивости. Правда, кости этих млекопитающих, оказавшихся в культурных слоях палеолитических стоянок, чаще всего никак не связаны с деятельностью ископаемого человека. Они являются погадками хищных птиц и частично мелких хищных млекопитающих, которые селились преимущественно в гротах и пещерах, оставленных человеком.

Тем не менее очевидно, что для определения возраста археологических памятников палеолита Молдавии, существовавших главным образом в течение позднего плейстоцена, наблюдаемые изменения морфологии крупных млекопитающих явно недостаточны. Почти всегда речь идет о так называемом «верхнепалеолитическом фаунистическом комплексе», выделенном в середине XX в. В. И. Громовым (1948). Этот комплекс, как известно, был подразделен на две стадии — раннюю и позднюю. Состав основных компонентов ранней стадии весьма однообразен на огромной территории Восточной Европы, включая мамонта раннего типа, крупную архаичную лошадь, шерстистого носорога, северного оленя, бизона и овцебыка. Последний вид, что важно подчеркнуть, в большей мере типичен для более северных территорий. Он нехарактерен для Молдавии. Для поздней стадии характерными являются поздняя форма мамонта, северный олень, антилопа сайга и несколько измельчавшие формы лошадей, а также копытный лемминг. Как считается, ранняя и поздняя стадии разделены

временным интервалом, который соответствует микулинскому/рисс-вюрмскому межледниковью (Стратиграфия СССР 1982: 277–278), что весьма спорно. Для подобного заключения у нас нет надежных данных: до сих пор в Молдавии к рисс-вюрму можно отнести только нижний слой грота Выхватинцы, где костей северного оленя не обнаружено (Анисюткин, Кетрару 1982; Анисюткин 2001).

Для территории Молдавии палеозоологом А. И. Давидом был выделен особый спелеоидный фаунистический комплекс, который соответствовал фауне второй половины среднего плейстоцена, т.е., по А. И. Давиду, «ашель-мустьерскому» времени (Давид 1980: 161). В состав этого комплекса вошли все те формы, которые были характерны для ранней стадии верхнепалеолитического фаунистического комплекса, но наиболее типичными являются многочисленные обитатели пещер — пещерные медведи, гиены и львы. Представления о хронологическом положении этого комплекса основаны на данных раскопок гротов и пещер Молдавии.

К раннему комплексу прежде всего относится фауна нижних слоев грота Старые Дуруиторы, где наряду с обломками костей бизона, лошади, раннего мамонта обнаружен северный олень. Кости этого животного, дополненные данными палинологического анализа, указывают на принадлежность этих слоев к холодному ледниковому времени. К тому же, в результате дополнительных исследований, проведенных в начале XXI в., удалось установить, что кости мамонта (*Mammuthus primigenius*), прежде отнесенные к ранней форме, соответствуют более древней форме — *Mammuthus chosaricus (intermedius)*. Этот вид существовал преимущественно в рисское время (Алексеева 1980). Данная ревизия была осуществлена молдавскими палеонтологами, прежде всего Т. Обадэ, пересмотревшими материалы прежних раскопок (Obada, David 2008; Обадэ 2014), и позволила получить, вместе с прочими данными, надежные доказательства раннерисского возраста дуруиторского тайяка.

Флора

Более чутким индикатором, как считал Н. А. Кетрару, является растительный мир, который реагирует даже на самые незначительные изменения климатических условий, не говоря уже о смене холодных и теплых периодов в плейстоцене. Растительность при неблагоприятных условиях может исчезнуть совсем или сократиться в ареале, а в теплое время появиться вновь и распространиться на еще большие пространства. Поэтому в последнее время для определения климатических условий, существовавших в ту или иную эпоху, наряду с другими методами стали широко использовать палинологический. До этого большое внимание уделялось изучению видов и пород деревьев и кустарников по древесным углям (Бонч-Осмолов-

ский 1940: 61–63). Этот метод не потерял своего значения и сейчас, но древесный уголь не везде сохраняется, а в кострище могут быть представлены далеко не все виды деревьев и кустарников, произрастающих в данной местности. Правда, палеофлора, как и палеофауна, не является самодостаточной, она требует дополнительных данных.

На споро-пыльцевой анализ с кв. Д/4 из слоев 5–6 было взято 9 образцов грунта, а на кв. Г/12 из слоя 2–3 образца. Они были изучены С. И. Медяник в палеонтологической лаборатории географического факультета МГУ. Результативными оказались образцы из слоев 6 (4), 5 (1) и 2 (1).

На кв. В/11, Е/14–16 и Г/16 было взято 15 образцов из слоев II–IV, которые изучались А. А. Поповой в палинологической лаборатории сектора археологии Института истории АН Молдавской ССР. Результативными оказались 12 образцов из слоев 4 (3), 3 (3) и 2 (2). Химико-технологическая обработка образцов была произведена по методике В. П. Гричука и Френцеля-Гричука. В приложении к этой работе представляются конкретные данные о количестве зерен и процентное соотношение по видам выявленных растений.

Образцы, отбираемые в 1973 г., получены с квадратов с наиболее полно сохранившимися отложениями. Особое внимание было уделено образцам из слоя 3, который является наиболее пострадавшим от эрозионных процессов. В частности, два образца из этого слоя взяты из стенки кв. Е/16, где рядом был найден неокатанный кремневый отщеп. Охарактеризуем полученные данные послойно в общем виде.

Данные спорово-пыльцевого анализа

Слой 6, залегающий непосредственно в основании грота, образовался через небольшой промежуток времени после образования пещеры в скальной гряде. По этому слою составлен спорово-пыльцевой спектр растительности, в котором преобладающими являются травянистые (50%), представленные 12 видами. Среди них преобладает пыльца злаковых, полыни, маревых. Пыльца древесных пород составляет 20%, среди которых преобладают холодолюбивые виды: ель, сосна, береза. Большим количеством зерен представлены споры сфагнового мха. Всё это показывает, что формирование шестого слоя происходило в сравнительно холодное время, соответствующее переходному периоду от теплого миндель-рисского межледниковья к холодному рисс-днепровскому ледниковому периоду. Травянистая растительность, в которой преобладают марево-полыно-злаковые ценозы, свидетельствует о существовании открытых степных пространств с отдельными участками леса, сохранившимися в защищенных от холодного ветра долинах рек.

Слой 5, представленный единичными зёрнами пыльцы, палинологической характеристике не поддается.

Наиболее интересные данные получены из лежащих выше слоев 4 и 3. Приведем эти данные более подробно (табл. 1).

Таблица 1

Палинологические данные по слою 4 (в %)

Наименование	Образец 10	Образец 11	Образец 15	Итого
Древесные	86	83	85	84,7
Травянистые	8	9	8	8,3
Споры	6	8	7	7,0
Включая древесные				
<i>Ables</i>	3	1	2	2
<i>Picea</i>	34	32	32	32,7
<i>Pinus</i>	46	43	45	44,7
<i>Betula</i>	2	4	4	3,3
<i>Salix</i>	–	–	2	1,0
<i>Rhus</i>	–	1	–	0,7
Включая травянистые				
<i>Compositae</i>	1	–	2	1,0
<i>Plantago</i>	3	2	3	2,7
Неопределимые	4	7	3	4,6
Включая споры				
<i>Ciathteaceae</i>	1	3	2	2,0
<i>Pteridium</i>	1	–	1	0,7
<i>Polypodiaceae</i>	4	5	4	4,3

В слое 4 в составе спор и пыльцы в большой степени отмечено преобладание древесных пород, особенно хвойных. Это указывает на наличие в это время в окрестностях грота хвойных лесов с примесью березы и ивы. Важно обратить особое внимание на обнаружение единичного образца пыльцы такого древесного растения, как сумах (*Rhus*), относящегося к вечнозеленым растениям, произрастающего в настоящее время в Крыму и на Кавказе. В соответствии с имеющимися в настоящее время данными, оно было распространено в раннем плейстоцене и в эоплейстоцене, но исчезло в регионе в конце ресс-вюрмского оледенения, т.е. в самом начале позднего плейстоцена (Адаменко и др. 1996: 180). Пыльцы травянистых растений очень мало, и представлена она двумя семействами: сложноцветных и подорожниковых. О прохладном и относительно влажном климате свидетельствуют также споры папоротников, мхов и кочедыжниковых. Таким образом, можно заключить, что слой 4 формировался в довольно увлажненных и относительно холодных климатических условиях, очевидно, в начале наступления первой фазы ресско-днепровского оледенения. В данном случае речь идет

о криогигротической стадии, являющейся началом ледниковой эпохи, когда при нарастающем похолодании всё еще сохраняется достаточная влагообеспеченность (Гричук 1989).

Более сложно охарактеризовать слой 3. Споро-пыльцевой комплекс третьего слоя резко отличается от всех остальных слоев в гроте. Здесь обнаружены плиоценовые (региональные) реликты, что очень важно. Считать их переотложенными нельзя по ряду причин: во-первых, образцы были получены с тех участков, где отложения хорошо сохранились, во-вторых, речь идет о массовом материале, в-третьих, подобные реликты обнаружены в аналогичных слоях и с аналогичными показателями из одновозрастных отложений на разрезах, расположенных на речных террасах Днестра и Реута. Причем обнаруженная здесь пыльца имела хорошую сохранность. Важно, что пыльца региональных экзотов (*Rhus* — сумах), пусть единичная, была встречена и в нижележащем слое 4, отложения которого имели вполне приемлемую сохранность. В этих отложениях не наблюдалось никаких заметных и существенных размывов. Итак, приведем данные спорово-пыльцевого анализа третьего слоя (табл. 2).

Таблица 2

Палинологические данные по слою 3

Наименование	Количество	%
Древесные	89	20
Травянистые	275	65
Споры	56	15
Включая древесные		
<i>Pinus</i>	20	22,5
<i>Pinus (Dyploxilon)</i>	9	10,1
<i>Picea</i>	10	11,3
<i>Alnus</i>	4	4,5
<i>Betula</i>	9	10,1
<i>Carpinus</i>	2	2,2
<i>Quercus</i>	2	2,2
<i>Ulmus</i>	4	4,5
<i>Tilia</i>	2	2,2
<i>Ilex</i>	5	5,6
<i>Acer</i>	3	3,5
<i>Salix</i>	5	5,6
<i>Rhus</i>	2	2,2
<i>Oleaceae</i>	1	1,1
<i>Corylus</i>	10	11,3
<i>Ostrya</i>	1	1,1

Окончание табл. 2

Наименование	Количество	%
Включая травянистые		
<i>Graminae</i>	30	10,9
<i>Cyperalea</i>	4	1,7
<i>Polygonaleae</i>	28	10,2
<i>Chenopodiaceae</i>	30	10,9
<i>Caryophyllaceae</i>	5	1,9
<i>Cruciferae</i>	3	1,0
<i>Leguminosae</i>	1	0,3
<i>Plantago</i>	41	15,3
<i>Labiatae</i>	6	2,2
<i>Artemisia</i>	41	15,3
<i>Valerianae</i>	1	0,3
<i>Rosaceae</i>	1	0,3
<i>Atriplex</i>	47	16,7
<i>Cornaceae</i>	1	0,3
<i>Violaceae</i>	1	0,3
<i>Asteraceae</i>	7	2,6
<i>Compositae</i>	20	7,3
<i>Boraginaceae</i>	2	0,7
<i>Caprifoliaceae</i>	2	0,7
Включая споры		
<i>Polypodiaceae</i>	12	21,5
<i>Cyathea</i>	4	7,1
<i>Lycopodium</i>	2	3,6
<i>Bryales</i>	7	12,1
<i>Sphagnidae</i>	20	35,8
<i>Russula (?)</i>	10	17,9
<i>Indetermine</i>	1	1,7

Неожиданные и весьма ценные данные выявлены в результате спорово-пыльцевого анализа отложений нижних слоев грота, прежде всего из слоя 3, которые содержат относительно многочисленные виды древесных растений, относящихся к региональным экзотам. Спорово-пыльцевой спектр характеризуется наличием региональных экзотов, в их числе представлены такие виды, как сумах (*Rhus*), маслиновые (*Oliaceae*), хмелеграб (*Ostria*) и падуб (*Ilex*), которые были обычны в регионе в раннем плейстоцене и в эоплейстоцене, но исчезли в позднем. Из них только хмелеграб не пережил рисского оледенения, остальные посуществовали до ресс-вюрма, исчезнув в самом начале позднего плейстоцена (Адаменко и др. 1996: 180).

Эти экзоты, которые в совокупности достигали 10%, сосуществовали с такими широколиственными и теплолюбивыми древесными породами, как дуб, граб, вяз, клен и липа, лещина, составлявшими более 25%. Незначительное преобладание сосны, ели, березы, ольхи, ивы указывает на относительно теплый интерстадиальный климат.

Очень важно, что практически аналогичные условия были засвидетельствованы на важных геологических разрезах в долине Днестра. Так, сходный палиносектор выявлен в разрезе VI надпойменной террасы Днестра у села Погребя близ Дубоссар, где непосредственно над типичной завадовской (миндель-рисской или лихвинской) ископаемой почвой находилась многометровая толща днепровского лесса с остатками в ее основании двух горизонтов ископаемой почвы красновато-коричневого цвета, которая условно была определена А. М. Адаменко как «кайдакская». Аналогичные данные были получены также из разреза VI террасы Ореховая роща на р. Реут, где региональные (плиоценовые) реликты вновь встречены в нижней почве, отделенной от завадовских/лихвинских (миндель-рисских) отложений так называемым «фельским» лессом. В разрезе данная почва сопоставлена уже с более древней, «потягайловской» ископаемой почвой (Адаменко и др. 1996: 91), что выглядит более реалистично. Известно, что потягайловский горизонт перекрывается днепровским лессом с термолюминесцентными (далее – ТЛ) датами 260–240 тыс. лет назад (Степанчук 2006: 31). Кстати, ни в одном из приведенных разрезов региональных почв нет отмеченных выше экзотов, которые, как показывают основательные исследования на территории Молдавии, в основном исчезают во время последнего микулинского (рисс-вюрмского) межледниковья, а хмелеграб (*Ostria*) – даже в дебюте рисса (Адаменко и др. 1996: 180).

В этой связи важно отметить, что спорово-пыльцевые показатели из «фельского» лесса разреза Ореховая роща сопоставимы с показателями слоя 6 грота Старые Дуруиторы: в обоих случаях при наличии показателей холодного климата преобладали открытые, лесостепные и степные пространства.

В заключение еще раз подчеркнем, что эти данные сложно оспорить, увязав их с особенностями стратиграфии слоя 3, подвергнувшегося размыву на большинстве участков грота. Во-первых, образцы на пыльцу были взяты с тех квадратов раскопа, где отложения имели наименьшую поврежденность, во-вторых, речь идет не о единичных находках, а о массовых, отличающихся хорошей сохранностью. В-третьих, аналогичная пыльца была выявлена и на открытых разрезах, связанных с древними речными террасами, где переотложение из нижних слоев невозможно. К тому же, что важно подчеркнуть, здесь эта пыльца обнаружена в тех слоях, которые

соответствовали началу рисского оледенения. Важно отметить, что на всех трех разрезах, включая слой 3 грота Старые Дуруиторы, Погребя и Ореховая роща, речь идет о лесостепных условиях, соответствовавших относительно теплому интерстадиалу раннего рисса. Здесь пыльца региональных экзотов ассоциируется с наличием таких широколиственных пород деревьев, как дуб, граб, липа, вяз, орешник, а также хвойных (сосны, ели) и прочих (березы, ольхи, ивы). Такое совпадение вряд ли может быть признано случайным.

Эти факты указывают на то, что данные региональные экзоты продолжали существовать еще в самом начале рисского/днепровского оледенения, возможно, до наступления самого холодного стадиала ИКС 6, отложения которого не обнаружены в гроте. Они были размыты древними потоками. Показательно, что интерстадиальные отложения, представленные маломощными почвами в основании днепровского лесса на разрезах Погребя и Ореховая роща, вполне согласуются по времени с нижними слоями грота Старые Дуруиторы, коррелируя с типом индустрий, относящихся к тайякскому технокомплексу, основные индустрии которого существовали в Европе именно в рисское время.

Как демонстрируют данные спорово-пыльцевого анализа, в гроте представлены отложения только раннего рисса. Их перекрывают маломощные отложения конца позднего плейстоцена и голоцена.

В слое 2 доминирующее значение приобретает пыльца древесных пород — 71%, среди которых преобладает пыльца сосны и ели (23%). Значительно меньше пыльцы березы (14%), единичны зерна граба, ивы, липы, дуба и др. Пыльца травянистых растений составляет 25% и имеет подчиненное положение. Она представлена всего четырьмя семействами, среди которых более половины относится к подорожниковым. Найдены следы папоротниковых, зеленого и сфагнового мха. Эти данные указывают на наличие относительно холодного и влажного климата, соответствующая, скорее всего, концу ИКС 3.

Фауна

Обломки костей ископаемых животных, находимые на палеолитических стоянках, могут иметь особое значение по двум причинам. С одной стороны, наряду с флористическими данными, они являются важным материалом, связывающим первобытного человека с общими природными явлениями. Восстановленные по костным остаткам фаунистические комплексы, в большинстве случаев последовательно сменяющие друг друга, позволяют в определенной мере устанавливать относительный возраст палеолитических памятников и реконструировать климатические изменения. С другой стороны, большая часть обломков костей со стоянок принадлежит

животным, убитым человеком. С определением видового состава животных мы получаем возможность судить об основном способе производства того времени — охоте.

В результате раскопок грота Старые Дуруиторы получена огромная по объему коллекция фаунистического материала. Собранные остеологические находки (около 20 тыс.) в видовом отношении исключительно разнообразны. Состав фауны и сохранность костей типичны для пещерных палеолитических стоянок Молдавии. Костные остатки мелких видов животных, в частности насекомоядных, большинства грызунов и птиц, попали в культурные слои без участия человека. Часть из них была занесена с погадками птиц и экскрементами хищных животных, которые обитали в гроте, когда его покидал первобытный человек. В слое 6, где не было находок каменных изделий, найдены кости хищников: пещерного медведя, льва и гиены (Давид, Кетрару 1970: 7–15; Давид 1980). Исследованиями установлено, что обитатели четвертого культурного слоя охотились в основном на древнюю лошадь, бизона, благородного, гигантского и северного оленей, а также пещерного медведя, гиену и льва. Последние, правда, могли быть и не связаны с охотничьей деятельностью древних людей. В более поздний период, соответствующий третьему культурному слою, первобытные люди охотились на еще более разнообразное число видов плейстоценовых животных. Кроме тех животных, костные остатки которых были найдены в четвертом культурном слое, в третьем культурном слое были обнаружены также кости волков, лисиц, песцов, бурых медведей, зайцев, степных пищух, хомяков, водяных полевок, гигантских оленей и единично косуль.

Приведем общий список видового состава и численности костных остатков из грота Старые Дуруиторы, используя монографию известного молдавского палеозоолога А.И. Давида, который много и плодотворно занимался изучением фауны региона (Там же; Давид, Кетрару 1978).

Первоначально остановимся на списке фаунистических остатков из слоев 5 и 6, в которых не найдено каменных орудий ископаемого человека:

Пещерный медведь — *Spelaeartus europaeus* L. — 220 костей от 6 особей;

Пещерная гиена — *Hyaena spelaea* Goldf. — 66 костей от 3 особей;

Лошадь — *Equus latipes* Grom. — 12 костей от 2 особей;

Различные мелкие грызуны (ближе не определимые) — *Mammalia* — 28 костей.

Совершенно очевидно, что эти кости попали в грот без участия человека. Кости лошади являются остатками пищи гиен и пещерного медведя.

Приведем остальной список, включая все слои с археологическими находками (табл. 3).

Таблица 3

**Видовой состав и численность костных остатков животных
в гроте Старые Дуруиторы**

Вид	Слой 4	Слой 3	Слой 2
Волк — <i>Canis lupus</i>	—	4/2	32/5
Лисица — <i>Vulpes vulpes L.</i>	2/1	12/3	116/7
Песец — <i>Alopex lagopus L.</i>	—	6/2	14/2
Лисьи — <i>Vulpes sp.</i>	20/3	28/3	34/4
Медведь бурый — <i>Ursus arctos L.</i>	—	4/1	26/4
Медведь пещерный — <i>Spelaeoarcos spelaeus Ros.</i>	821/18	395/8	33/2
Гиена — <i>Hyena spelaea Goldf.</i>	223/9	27/4	12/2
Росомаха — <i>Gulo gulo L.</i>	—	—	4/2
Барсук — <i>Meles meles</i>	—	—	51/5
Хорек — <i>Mustela putorius</i>	—	2/1	9/3
Горноста́й — <i>Mustela erminiae</i>	—	—	8/2
Ласка — <i>Mustela nivalis</i>	—	—	12/3
Куница — <i>Martes martes L.</i>	—	—	4/2
Кошка лесная — <i>Felis silvestris Schr.</i>	—	1/1	4/2
Рысь — <i>Felis lynx L.</i>	—	—	6/2
Лев пещерный — <i>Panthera spelaea Goldf.</i>	13/2	2/1	3/1
Мамонт — <i>Mammuthus primigenius Blum. et M. intermedius J.</i>	16/2	34/4	50/4
Носорог шерстистый — <i>Coelodonta antiquitatis Blum.</i>	16/4	59/6	54/5
Бизон — <i>Bison priscus Woj.</i>	697/12	366/9	564/25
Лошадь — <i>Equus latipes Grom.</i>	468/9	1056/16	4969/91
Осел плейстоценовый — <i>Equus (Asinus) hydruntinus L.</i>	19/3	7/2	—
Косуля — <i>Capreolus capreolus L.</i>	—	5/1	28/6
Олень благородный — <i>Cervus elaphus L.</i>	22/4	41/4	76/6
Олень гигантский — <i>Megaloceros euryceros Ald.</i>	10/2	48/4	18/2
Лось — <i>Alces alces L.</i>	—	—	2/1
Олень северный — <i>Rangifer tarandus L.</i>	74/5	249/10	1249/35
Свинья — <i>Sus scrofa ferus L.</i>	—	—	1/1
Сайга — <i>Saiga tatarica L.</i>	—	1/1	3/1
Заяц русак — <i>Lepus europaeus Pall.</i>	—	28/4	208/12
Заяц беляк — <i>Lepus timidus L.</i>	—	4/2	2/1
Заячьи — <i>Lepus sp.</i>	3/1	16/4	35/7
Еж — <i>Erinaceus europaeus</i>	—	2/1	4/2
Ночница — <i>Myotis blythi Tom.</i>	—	—	1/1
Летучие мыши — <i>Vespertilio sp.</i>	—	—	1/1
Пищу́ха — <i>Ochotona pussila Pall.</i>	10/3	30/10	129/18
Пищу́ховые — <i>Ochotona sp.</i>	6/2	—	8/3
Бобр — <i>Castor fiber L.</i>	—	44/7	16/4
Су́рок степной — <i>Marmota bobak Mull.</i>	91/14	—	217/19
Неопределимые	936	1249	1646
Итого	3447	3720	9649

В составе фауны особый интерес представляют, как уже отмечалось, кости мамонта раннего типа, который в соответствии с новыми данными относится к более древнему виду *Mammuthus intermedius*, соответствуя хазарскому мамонту (Обадэ 2014; Obada 2014). Этот факт можно считать одним из важнейших показателей раннерисского возраста отложений нижних слоев грота. При этом мамонт из верхнепалеолитического слоя 2 принадлежит к позднему типу.

В фауне стоянки А. И. Давид выделил две группы животных: так называемую промысловую и непромысловую. В первую группу входят хоботные, копытные, зайцеобразные и крупные грызуны, а также крупные хищники, прежде всего пещерный медведь. Они служили источником питания ископаемых людей. Постоянным объектом охоты были лошадь, северный и благородный олень, бизон, бурый медведь, мамонт, а также степной су́рок и бобр. В окрестностях грота, как установлено, обитали животные, которые не были основной добычей: гигантский олень, носорог, косуля, бурый медведь, лисица, волк, барсук, заяц-русак, пещерный лев и гиена. К числу видов, временами появляющихся в этом районе, следует отнести росомаху, песца, европейского осла, сайгу и др. Можно сделать вывод, что в состав фауны входят виды, приспособленные к обитанию в различных ландшафтах и биотопах (Давид, Кетрару 1978).

Многочисленные костные остатки принадлежат грызунам и птицам. Среди мелких грызунов выделены следующие виды (табл. 4)

Таблица 4

**Видовой состав и численность костных остатков мелких грызунов
в гроте Старые Дуруиторы**

Вид	Слой 3–4 (?)	Слой 3	Слой 2
Суслик — <i>Citellus</i>	—	—	42/8
Тушканчик — <i>Allactaga jaculus</i>	—	1/1	3/1
Слепыш — <i>Spalax leucodon</i>	—	—	10/4
Слепыш — <i>Spalax polonicus</i>	—	—	7/3
Слепыши — <i>Spalax sp.</i>	—	4/2	30/6
Мышь желтогорлая — <i>Apodemus flavicolis</i>	—	4/3	15/5
Мышь европейская — <i>Apodemus sylvaticus</i>	—	2/1	14/5
Хомяк обыкновенный — <i>Cricetus cricetus L.</i>	—	6/3	16/6
Лемминг копытный — <i>Dicrostonyx torquatus</i>	—	—	1/1
Пеструшка степная — <i>Lagurus lagurus Pall.</i>	—	15/6	27/9
Пеструшка желтая — <i>Lagurus luteus Evers.</i>	—	—	19/6
Полевка водяная — <i>Arvicolla terrestris</i>	—	6/2	20/6
Полевка-экономка — <i>Microtus oeconomus</i>	—	3/2	30/12
Полевка обыкновенная — <i>Microtus arvalis</i>	14/6	—	101/38

Продолжение табл. 4

Вид	Слой 3–4 (?)	Слой 3	Слой 2
Полевка серая — <i>Microtus gregalis</i>	–	15/7	1/1
Полевка рыжая — <i>Clethrionomys glareolus</i>	–	–	12/5
Хомяки — <i>Microtinae</i>	21/5	–	160/18
Итого	35	56	508

Интересны находки болотной черепахи, происходящие как из нижних слоев, так и из верхнего (Давид 1980). Правда, нет полной уверенности в том, что черепаха принесена сюда древним человеком.

В гроте была определена серия обломков костей птиц (Ганя, Кетра-ру 1964). Определения были сделаны профессором М. А. Воинственским и И. М. Ганей (1972). К сожалению, точная стратиграфическая позиция этих находок недостаточно доказательна: промывка нередко велась без подразделения находок на слои. В этом плане печально, что нижние слои 3–4 взяты как единое целое, что осложняет понимание, учитывая возможную примесь находок верхнего слоя в верхних уровнях слоя 3. Это обстоятельство необходимо иметь в виду (табл. 5).

Таблица 5

Видовой состав птиц из грота Старые Дуруиторы

Вид	Слой III–IV	Слой II
Белая куропатка — <i>Lagopus lagopus L.</i>	6/2	4/2
Тундровая куропатка — <i>Lagopus mutus Mont.</i>	–	1/1
<i>L. voinstvenskii G.</i>	5/2	4/3
Тетерев — <i>Lyrurus tetrax L.</i>	28/10	36/19
Перепел — <i>Coturnix coturnix L.</i>	–	3/1
Серая куропатка — <i>Perdix perdix L.</i>	2/1	16/3
Вихрь — <i>Columba palumbus L.</i>	–	4/1
Горлица — <i>Streptopelia turtur L.</i>	–	6/2
Чибис — <i>Vanellus vanellus L.</i>	–	4/2
Стрепет — <i>Otis tetrax L.</i>	–	2/1
Коростель — <i>Crex crex L.</i>	–	2/1
Кряква — <i>Anas platyrhynchos L.</i>	4/2	8/3
Шилохвость — <i>Anas acuta L.</i>	–	4/1
Широконоска — <i>Anas clypeata L.</i>	–	2/1
Белоглазый нырок — <i>Nyroca nyroca Guld.</i>	7/4	4/2
Пустельга — <i>Falco tinnunculus L.</i>	2/1	12/3
Кобчик — <i>F. vespertinus L.</i>	–	2/1
Орел могильник — <i>Aquila rapax Temm.</i>	–	1/1
Болотная сова — <i>Asio flammeus Pont.</i>	–	3/1

Вид	Слой III–IV	Слой II
Ушастая сова — <i>A. otus L.</i>	–	1/1
Домовой сыч — <i>Athene noctua Scop.</i>	3/1	4/2
Сплюшка — <i>Otus scops L.</i>	–	3/1
Неясыть — <i>Strix aluco L.</i>	–	2/1
Удод — <i>Upupa epops L.</i>	–	2/1
Большой пестрый дятел — <i>Dendrocopos mayor L.</i>	2/1	–
Галка — <i>Corvus monedula L.</i>	9/2	58/21
Сойка — <i>Carrulus grandarius L.</i>	–	4/2
Сорока — <i>Pica pica L.</i>	3/1	–
Овсянка — <i>Emberiza hortulana L.</i>	8/3	–
Хохлатый жаворонок — <i>Galerida cristata L.</i>	–	3/1
Дрозд каменка — <i>Oenanthe oenante L.</i>	–	1/1
Дрозд черный — <i>Turdus merula L.</i>	5/2	8/3
Итого	30	85

Изобилие костей птиц указывает на то, что они, как и грызуны, в большинстве своем являются остатками добычи хищных птиц — сов, орлов, соколов, гнездившихся в гроте во время непригодности его для обитания как ископаемых людей, так и пещерных хищников — медведей, гиен, тигрольвов. Разнообразие птиц указывает на разнообразие ландшафтов, в которых они обитали. Не исключено, что большинство хищных птиц, особенно совы, устраивали свои гнезда непосредственно в гроте. На это указывают многочисленные мелкие ниши и карманы, прослеживаемые в потолке грота.

Преобладают те виды птиц, которые типичны именно для открытых, преимущественно лесостепных ландшафтов. Показательно, что формы, характерные для очень холодного климата, единичны. Так, тундровая куропатка представлена всего одним обломком кости. Это же касается и копытного лемминга, происходящего также из слоя 2, представленного всего одной костью. Основная масса костей грызунов и птиц ассоциируется, как можно допустить, с отложениями верхнего слоя.

В целом получена очень ценная и значительная по объему информация о растительном и животном мире. Она дает важные сведения о природной среде, в пределах которой существовал палеолитический человек. Как обитатели слоя 4, так и обитатели слоя 3 жили в достаточно благоприятных природных условиях. В окрестностях грота господствовали лесостепные ландшафты, где леса распространялись преимущественно в долине реки. Животный мир, включая прежде всего крупных млекопитающих, был обилен и разнообразен. Наличие среди костей птиц водоплавающих свидетельствует о существовании водоемов — возможно, старичных озер в долине р. Прут. Это же подтверждают находки обломков костей бобра и болотной черепахи.

Фауна трех слоев имеет много общего, хотя относительная малочисленность костей пещерного медведя в слое 2 обращает на себя внимание. Показательно, что обнаруженные в этом слое части скелета мамонта относятся к поздней форме. В нижних же слоях всюду встречены кости только архаичного мамонта, включая очень молодых особей. На кв. Д/12 в слое 4 найден зуб мамонтенка. В данном случае речь идет, подчеркнем еще раз, о такой форме, как *M. chosaricum*.

Во всех слоях представлен северный олень, который особенно многочислен в верхнем позднепалеолитическом слое. Основные признаки, по мнению А. И. Давида, позволяют говорить о тундровой форме (Давид 1980).

Что касается фауны грызунов, то здесь очевидно, что значительная часть ее может принадлежать только верхнему слою. Большую часть находок из нижних слоев, прежде всего из кровли слоя 3, возможно рассматривать как примесь из верхнего слоя с находками каменных изделий верхнего палеолита. Это вполне вероятно, если принять во внимание, что вся промывка производилась в раскопках ранних лет только палеозоологами, которые мало учитывали особенности стратиграфии. Без соответствующих навыков и пристального внимания очень сложно отличить кости из кровли слоя 3 и основания слоя 2, которые непосредственно лежали один на другом.

Итак, климатостратиграфические данные показывают, что слои 6 и 4 формировались в относительно холодное время. Для слоя 6 характерны прохладные лесостепные условия и открытые пространства, а для слоя 4 — некоторое преобладание лесов, указывающее на более влажный, хотя и всё еще холодный климат. Показательно, что в это прохладное время кое-где сохранялись региональные экзоты, которые были характерны главным образом для дорисского времени. В интерстадиальных отложениях, соответствующих слою 3, отмечена более многочисленная пыльца теплолюбивых древесных растений. Непосредственно на этот слой ложится слой конца позднего плейстоцена с находками верхнего палеолита. Все отложения предшествующего времени, в их числе сопоставимые с заключительным этапом рисского оледенения, соответствуя «тясминскому» времени или московскому оледенению (ИКС 6), уничтожены эрозионными процессами. Данный факт дополнительно свидетельствует в пользу того, что нижние культурные слои формировались в основном в первой половине рисского оледенения.

Глава 5. Вопросы тафономии и относительная хронология

В данной главе совместно рассматриваются тафономия и хронология, которые, как мы увидим далее, находятся в определенной связи между собой. Здесь анализируются только нижние слои, прежде всего — археологический слой III, который претерпел существенные нарушения. В ряде случаев артефакты этого слоя находятся во вторичном залегании, часто в переотложенном состоянии. Интересно заметить, что французские исследователи указывали на наблюдаемую связь индустрий типа тайяк с сильно эродированными отложениями (Bordes, Bourgon 1951: 15). Напротив, отложения верхнего слоя имеют достаточно хорошую сохранность.

Тафономия

Данный раздел, учитывая разную сохранность слоев, начнем с определения общепринятого понятия подлинного культурного слоя, для которого характерна определенная совокупность признаков: а) наличие элементарных заполнителей, б) элементов слоя и в) объектов культурного слоя (Беляева 2002; Васильев и др. 2007: 26). В нижних слоях грота присутствуют лишь отдельные элементы культурного слоя — каменные орудия и обломки костей ископаемых животных. Отмечаемая в слое так называемая «обоженность» не может считаться культурным заполнителем по причине неясности ее природы. Нужно отметить, если говорить о нижних слоях, что относительно удовлетворительную сохранность имеет археологический слой IV, который, тем не менее, состоял из нескольких горизонтов обитания, местами поврежденных локальной эрозией. Подлинным культурным слоем может быть только верхний слой II, относящийся к позднему палеолиту.

Как уже отмечено выше, археологические слои III и IV практически полностью совпадают с литологическими, т.е. здесь нельзя говорить о настоящем культурном слое со всеми характерными для него признаками. Только на ряде квадратов слоя IV, исследованного в 1973 г., прослеживались уровни, где каменные изделия и кости ископаемых животных залегали четко горизонтально, но поскольку там не было выявлено никаких структурных объектов, то и здесь нельзя говорить о подлинном культурном слое. Наиболее существенно поврежден слой III, который вообще отсутствует ниже

капельной линии, в частности на привходовых участках раскопа. Правда, как уже отмечалось, несколько квадратов южной камеры (кв. Б–Ж/10–17), имеют достаточно хорошо сохранившиеся отложения этого слоя. Здесь каменные изделия и кости ископаемых животных, залегая преимущественно горизонтально, слабо окатаны или не окатаны вообще. Они находились непосредственно под так называемым «галечником», который на этих квадратах не всегда монолитен. В свое время, при раскопках 1973 г., Н. К. Анисюткин предпочел называть этот уровень слоя III «нижним». Если обратить внимание на наиболее значительно разрушенные отложения, наблюдаемые в северной части раскопа (северная и часть центральной камеры), то можно допустить наличие интенсивного древнего водного потока, который проник из глубины грота по понорам. Последние хорошо заметны на поверхности террасы.

Согласно микростратиграфическим данным этот первоначальный размыв фиксируется уже на поверхности слоя IV. В частности, на кв. Д–Е/15, под слоем так называемого «галечника», была выявлена небольшая промоина шириной 10–20 см и глубиной 10–15 см, заполненная слабоокатанным щебнем, каменными изделиями и обломками костей животных, которая была направлена на северо-восток, вниз по склону, прослеживаясь до кв. К/19, где она, достигая мощности 40 см, исчезала у капельной линии. В этой части промоина была заполнена интенсивно окатанным материалом, включая очень сильно деформированные кремневые изделия, определение которых было более чем затруднительным. Мощная промоина, заполненная окатанным щебнем, также зафиксирована в разрезе на кв. З/14–15. Еще один мощный размыв отложений отмечен на кв. К/20, где «галечник» прорезает все лежащие отложения вплоть до скалы. Вероятно, такие размывы происходили многократно, уничтожая накопившиеся со временем четвертичные отложения. Тем не менее, можно утверждать, что почти все отложения южной камеры, расположенные под прослойкой «галечника», включая слои III и IV, занимают свое истинное стратиграфическое положение.

Оба слоя отличались разной сохранностью поверхностей каменных изделий. В слое III сравнительно много окатанных предметов, включая очень сильно оглаженные, которые происходят преимущественно из так называемого «галечника». Как уже было отмечено выше, большая серия кремневых предметов зачастую имела вид интенсивно окатанных галек, где следы обработки читались с трудом. Поэтому они были изъяты из анализа. Напротив, существенная серия артефактов имела слабую окатанность или не имела ее вообще. В слое III найдены как патинированные изделия, так и без патины, причем последние явно преобладали. На покрытых патиной предметах отмечена бело-серая и бело-голубая, а также редкая интенсивно белая патина. Приведем данные, основанные на представительной выборке

из 200 целых и выразительных кремневых орудий, нуклеусов и отщепов, происходящих с разных квадратов, которые в определенной мере отражают взаимосвязь патины и окатанности (табл. 6).

Таблица 6

Пример соотношения между патиной и окатанностью среди орудий слоя III

Окатанность и патина	Белая	Серо-белая	Бело-голубая (синяя)	Без патины
Окатаны	6	20	12	38
Слабо окатаны	2	12	17	49
Не окатаны	1	3	9	31

В таблице прослеживается определенная связь патины и окатанности. Заметно преобладание изделий без патины, которые часто вообще не окатаны. В анализируемой выборке окатанных — 76 предметов, слабо окатанных — 80 и не окатанных — 44. Показательно, что среди всех покрытых патиной изделий, которых выявлено 82, только 13 неокатанных. Напротив, среди не покрытых патиной изделий окатанных было 87, а не окатанных — 31. Среди слабо окатанных находок процент покрытых патиной заметно ниже. Наличие изделий с патиной свидетельствует о том, что они значительное время находились на поверхности. Это же в свою очередь определенно указывает на многократные эрозионные процессы⁴. Можно допустить, что «слой III», а именно галечник, представляет некую совокупность разрушенных горизонтов с находками, которые в результате эрозии отложений оказались «спрессованы» в единый литологический уровень. Лежащая под «галечником» часть этого слоя имела менее заметные повреждения. Большинство находок с удовлетворительной и хорошей сохранностью поверхностей происходят именно из нижнего уровня, удовлетворительно сохранившегося только на нескольких квадратах в глубине южной камеры.

Сохранность каменных изделий слоя IV лучше. Окатанные предметы были единичны. Преобладает слабая или очень слабая заполированность поверхностей. Много абсолютно неокатанных. Патинированные предметы единичны. Не исключено, что все они, чаще всего происходящие из ранних раскопок, могут оказаться примесью слоя III. В тех случаях, когда верхний уровень слоя III ложился непосредственно на кровлю слоя IV, прежде всего со следами размыва, отождествление изделий было затруднительно. Аналогичная картина характерна и для костей ископаемых животных.

⁴ Можно предположить, что в древности грот был так же освещен, как и в наше время.

Как уже отмечалось, среди каменных изделий многочисленны предметы с разнообразной ретушью, которая, вероятно, не всегда могла быть намеренной. Прежде всего, речь должна идти о мелкой и прерывистой, полукрутой и крутой, часто отвесной ретуши, следующей по краям изделий. Однако видеть здесь только существенные повреждения, связанные с характеристиками сохранности слоев, нельзя. Особенно важно иметь это в виду в связи с выемчатой и зубчатой обработкой, которую часто неаргументированно относят к псевдоретуши.

Как показывает практика, преобладание орудий с выемками и зубчатой ретушью характерно для всех комплексов дуруиторо-стинковского единства, будь то пещерные отложения или лессовые. Сходная обработка выявлена на открытом местонахождении Мерсына, где артефакты рассеяны в современной почве, а также на стоянке Ярово, где каменные изделия залегают в лессовидном суглинке. Зубчатая ретушь имеется и на находках нижнего слоя грота Выхватинцы с абсолютно неокатанным массовым материалом. Тем не менее нельзя полностью исключать наличия в нижних слоях грота Старые Дуруиторы (особенно в слое III) повреждений. Они, вне сомнения, имеются. Вероятно, за повреждения всё же можно принять фасетки отвесной, крутой или полукрутой не систематической, но преимущественно чередующейся ретуши, следующей вдоль относительно острых краев отщепов, затупливая их. На аналогичное явление указывали в свое время и французские ученые, выделяя в тип-листе эту категорию находок специально под номерами 46, 47, 48 (Bordes, Bourgon 1951: 15). Мелкая же ретушь часто может быть как следами утилизации, так и следами естественных повреждений. Подобная ретушь, которую нередко принимают за настоящую зубчатую, отмечена на экспериментальных отщепках. Эти отщепы использовались, как показали исследования В. Е. Щелинского, для различных видов работ, включая резание, скобление, строгание и т.д. (Щелинский 1992). Полученные в результате экспериментов макроследы почти ничем не отличаются от так называемой «микрозубчатости», которую часто путают с естественными повреждениями. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие крупные изделия, которые имели наибольшие шансы для естественных повреждений, часто сохраняют лишь незначительную иррегулярную ретушь. Напротив, все артефакты размером менее 5 см нередко имеют весьма интенсивную обработку. Все эти наблюдения дают важный материал для размышлений.

Из всего этого следует, что предполагаемые повреждения краев кремневых изделий не всегда можно легко отличить от следов интенсивной человеческой деятельности. За псевдоретушь можно с наибольшей вероятностью принять изделия с преимущественно крутой и чередующейся обработкой, следующей попеременно вдоль краев артефактов. Очень важно, что ретуши-

рованные края данных артефактов, как правило, всегда притуплены. Это особенно характерно для сильно окатанных артефактов, происходящих из промоин. Количество отщепов с подобной ретушью в слое III более чем в два раза больше, чем в слое IV, четко коррелируя с сохранностью слоев.

Хронология

В настоящее время для каменных индустрий нижних слоев грота нет надежных абсолютных дат, а имеющиеся относительные даты, ранее предложенные геологами, не выдерживают никакой критики. Так, на основе примененного М. Н. Грищенко коллагенового метода была получена абсолютная дата 48–57 тыс. лет, которая никак не согласуется с высказанным им же мнением о микулинском возрасте отложений нижних слоев (Грищенко 1969: 144–145). Не пришла к определенному выводу об относительной геохронологии памятника и специалист по четвертичной геологии Приднестровья И. К. Иванова, которая неоднократно посещала раскопки грота и детально знакомилась с разрезом в 1973 г. (Иванова 1975). По ее мнению, отложения грота формировались в течение продолжительного времени, преимущественно в верхнем плейстоцене. К сожалению, к тому времени не были известны ни результаты палинологических исследований, ни результаты ревизии зубов мамонта. Кости и зубы мамонта рассматривались упрощенно — как принадлежащие ранней форме, характерной для большинства мустьерских стоянок, существовавших в первой половине позднего плейстоцена.

Однако имеющиеся сейчас более основательные данные дают возможность для выявления относительной геохронологии. Эти данные можно подразделить на археологические, литологические и биостратиграфические, чья разрешающая способность различна. Очень важно их сочетание, взаимное дополнение друг друга.

С археологической точки зрения речь идет, если говорить о нижних слоях, о весьма архаичных комплексах, резко отличающихся от регионального мустье. Можно констатировать, что в Восточной Европе сейчас нет более или менее надежно датированных памятников с аналогичными технико-морфологическими характеристиками. В данном случае мы не будем рассматривать «тейяк» Кавказа, который при общей схожести многих технико-морфологических признаков имеет свои особенности. К тому же, кроме комплекса из Треугольной пещеры, который очень осторожно сопоставляется с протошарантьеном, все остальные, включая Яштух, лишены надежной стратиграфии (Дороничев и др. 2007).

В некоторой мере сходные индустрии происходят с местонахождения Круглик на Днепре и нижнего слоя грота Киик-коба в Крыму. Правда, если говорить о нижнем слое грота Киик-Коба, каменная индустрия которого также может с полным правом относиться к тайякскому технокомплексу,

но к варианту протокина (протошарантьен), то здесь до сих пор остается неясной относительная геохронология.

Абсолютную дату в 70 тыс. лет, предложенную Ю. Э. Демиденко для нижнего слоя грота Киик-Кобы, нужно признать абсурдной. В публикации этого ученого своеобразие данного комплекса было проигнорировано и упрощенное решение принято в результате включения его в широкий круг разновременных индустрий, объединенных лишь тем, что они имеют мелкие размеры и расположены в Центральной Европе, хотя и различаются между собой более существенными технико-морфологическими показателями (Демиденко 2005). К тому же, явно умышленно были значительно омоложены такие известные памятники раннего палеолита, как Вертешселлеш и Бильцингслебен с предложенными датами 200–350 тыс. лет вместо 300–470 тыс. лет. В одну кучу были свалены разновременные комплексы раннего и среднего палеолита с непохожими и разными по объему коллекциями каменных орудий. Чем, например, кроме размеров орудий могут быть аналогичны киик-кобинскому протошарантьену такие индустрии, как Бильцингслебен, Вертешселлеш или заведомо мустьерский комплекс Тата? Только мелкими размерами и отсутствием техники леваллуа. Этого явно недостаточно. Представленная же в качестве аналогии индустрия слоя 3 Староселья похожа на нижний слой Киик-Кобы лишь в самых общих чертах, отличаясь, если судить по малочисленным рисункам, в частности, более крупными размерами орудий.

Более приемлемой можно считать рисс-вюрмскую датировку нижнего слоя Киик-Кобы, которая предложена в интересной аналитической статье В. Н. Степанчука (Степанчук 1997: 22). Более того, нельзя исключать и удревнения этого комплекса до рисского времени, но для уверенных суждений у нас пока нет надежных данных. В настоящее время вполне очевидно, что каменная индустрия этого грота имеет полные аналогии с протошарантьеном Европы.

Что касается Круглика, то здесь следует согласиться с общим заключением В. Н. Степанчука, который предлагает рассматривать данное местонахождение как раннепалеолитическое (Степанчук 2013). Общая же коллекция этого местонахождения, если говорить о типичных формах, относительно невелика, а орудия и нуклеусы единичны (Смирнов 1973). Тем не менее можно сделать вывод о несходстве этих каменных индустрий с индустриями из нижних слоев грота Старые Дуруиторы.

С точки зрения использования более широких аналогий каменные индустрии из нижних слоев грота Старые Дуруиторы сопоставимы с комплексами рисского времени с территории Европы, прежде всего эвенозьяна Франции. В этом плане следует отметить, что изученная Н. К. Анисюткиным в 1990 г. каменная индустрия типичного клектона из коллекции Уоррена, хранящаяся в Британском музее, содержала весьма схожий с дуруи-

торским комплекс каменных орудий. В их числе показательными являются скребки на площадках отщепов (butt end scrapers) и клювовидные резакки типа bill-hook. Последние воспринимаются как наиболее характерные формы орудий английского клектона (Collins 1968; Gamble 1986). Схожей с дуруиторской была и техника первичного раскалывания камня. Клектонская индустрия относится ко второй половине миндель-рисса и имеет опубликованную абсолютную дату около 245 тыс. лет (Ibid: 140). Естественно, эту дату следует считать существенно омоложенной. Она ни в коей мере не соответствует миндель-рисскому/голштейнскому межледниковью, во время которого и существовала клектонская индустрия. Определенные бросающиеся в глаза различия между дуруиторским комплексом и клектоном Англии заключаются в относительной редкости выемчатых и зубчатых орудий и более многочисленных в клектоне отщепах средних и реже крупных размеров. Правда, это сопоставление, к сожалению, не дает обоснованного представления о хронологии грота Старые Дуруиторы.

В целом археологические данные указывают на тождественность комплексов каменных изделий из нижних слоев грота комплексам тайякского технокомплекса, существовавшего в самом начале среднего палеолита, соответствуя риссу и, возможно, рисс-вюрму альпийской системы оледенений. В данном случае археологический критерий сопоставления, основанный на технико-морфологическом анализе каменных индустрий, не является абсолютно бесполезным. Как показывает практика, в частности европейская и наша, основанная на материалах с территории междуречья Днестра и Прута, все комплексы тайякского облика всегда древнее мустьерских. Исключения очень редки и связаны с археологическими ошибками при определении.

Литологические данные для получения относительной геохронологии основаны на косвенных признаках. Во-первых, важно обратить внимание на наличие в кровле слоя III остатков травертинов, разрушенных более поздней эрозией, во-вторых, на наличие сильно разложившихся крупных блоков известняка, создающих порой иллюзию «обоженности». Во всяком случае, аналогичной обоженности нет ни в одном из региональных гротов с отложениями позднего плейстоцена. Можно полагать, что травертины образовались в гроте в рисс-вюрмское время.

Решающее значение для выявления относительной хронологии нижних слоев грота имеют биостратиграфические данные. Сразу же отметим, что фаунистические материалы позволяют получить лишь самые общие представления, давая возможность распознать здесь типичную приледниковую фауну. Наличие костей мамонта раннего типа и северного оленя не делают эту фауну очень древней, но, несомненно, вместе с прочими данными позволяют говорить о том, что она имеет ледниковый характер. Наиболее

фаунистическому критерию, подтверждая ранее предложенную Н. А. Кетрару дату, основанную только на технико-типологических данных (Кетрару 1973). В этом плане каменные индустрии нижних слоев синхронны в целом основным памятникам тайякского технокомплекса западной части Европейского континента, включая нижние слои Ля Микока, Бом Бона, Фонтешвада⁵, а также Сант-Анне-де Эвеноз.

Несколько более молодые рисс-вюрмские даты характерны для тайяка (таубахиена) Центральной Европы, включая такие известные комплексы как Ваймар, Таубах, Рабуц, Кульна. Сейчас доказано, что нижний травертин местонахождения Эрингсдорф имеет рисский возраст (Steiner 1979; Schafer 1981; Feustel 1983), что подтверждают абсолютные даты — 160–262 тыс. лет (Ibid). Таубах и Ваймар, связанные с нижней частью верхнего травертина, имеют абсолютную дату около 120 тыс. лет, соответствуя серии абсолютных торий-урановых (Th/U) дат 116–110 тыс. лет назад (Valoch 1988: 78). Для мустьероидной индустрии из нижнего травертина Эрингсдорфа имеется дата 230 тыс. лет, которая характерна для рисса, соответствуя ИКС 7 (Hoffecker 2005: 50). Таким образом, тайяк Германии может быть синхронным тайяку Молдовы, но позднее комплекса из грота Старые Дуруиторы. Не вполне убедительно доказан также и рисс-вюрмский возраст 11 слоя пещеры Кульна, каменный инвентарь которого имеет четкие протошарантские признаки, где преобладают выразительные скребла при господстве клетонской технологии. Правда, в отличие от шарантьена Франции здесь малочисленны острия типа тайяк, а чоппинги преобладают над чопперами (Valoch 1988: 75).

Итак, если опираться на биостратиграфические критерии, подкрепленные литологическими данными и археологическими аналогиями, то можно смело утверждать, что каменные индустрии археологических слоев III и IV датируются первой половиной рисского времени (рис. 12). Наиболее вероятно сопоставить слой IV с ИКС 8, а слой III — с ИКС 7 (Анисюткин 2016). Согласно современным данным, ИКС 8 имеет возраст 300–245 тыс. лет, а ИКС 7—245–180 тыс. лет (Hoffecker 2005: 50–51). Возможно, некоторые окатанные и патинированные кремневые изделия из верхнего уровня («галечника») слоя III могли существовать во время ИКС 6, хотя для этого заключения у нас нет достаточных оснований. Отсюда можно сделать окончательный вывод о том, что комплексы каменных орудий из нижних слоев грота Старые Дуруиторы существовали одновременно с большинством тайякских памятников Европы именно в рисское время.

⁵ Рисс-вюрмскую дату тайякских отложений этого грота Ф. Борд подвергал сомнению, предполагая здесь рисское время (Bordes 1958: 176).

Глава 6. Общая характеристика каменных индустрий нижних слоев грота

Каменные индустрии грота анализируются на основе методики Ф. Борда, которая широко применялась и применяется учеными Европы для описания не только мустьерских, но и тайякских индустрий. Хорошим примером может служить анализ индустрии таубахского (тайякского) комплекса слоя 11 пещеры Кульна (Valoch 1988). Правда, при использовании этой системы имеются определенные трудности, связанные с относительным обилием в комплексах тайякского технокомплекса комбинированных орудий. В описании Н. А. Кетрару очень подробно дана всесторонняя технико-морфологическая характеристика каменного инвентаря индустрий. Учтены почти все разработки по региональному среднему палеолиту, сделанные авторами в разные годы. Начнем характеристику материала с самого нижнего слоя IV⁶.

Каменная индустрия IV слоя

В процессе исследования нижнего четвертого слоя грота Старые Дуруиторы была собрана большая коллекция каменных предметов, насчитывающая 790 экз. Для изготовлений орудий обитатели грота использовали различные породы камня — кремь, кварцит, яшму, однако, как следует из табл. 8, большинство составляет кремь.

Таблица 8

Анализ сырьевого материала слоя IV

Материал	Количество	%
Кремь	777	98,2
<i>(в том числе черный)</i>	<i>(353)</i>	<i>(44,6)</i>
<i>(в том числе серый)</i>	<i>(424)</i>	<i>(53,6)</i>
Кварцит	10	1,3
Яшма	3	0,4
Итого	790	99,9

⁶ Напомним, что культурные слои обозначены римскими цифрами, литологические — арабскими.

Для производства кремневых орудий первобытный человек в качестве сырья использовал кремнь различного качества — как хорошего, так и посредственного, происхождение которого связано с меловыми отложениями сеноманского яруса.

На северо-западе Молдавии верхнемеловые отложения, содержащие отдельные кремневые конкреции, желваки или целые прослойки, обнаружены и описаны в разное время И. Ф. Синцовым (1873), Т. Вэскауцану (Văscăuțanu 1923), А. В. Друмя, П. М. Сухаревичем (Друмя, Сухаревич 1958) и другими геологами (Попова, Собецкий 1964; Бургеля и др. 1965; Собецкий, Яновская 1969).

Естественные обнажения меловых образований в этом месте выявлены в долине р. Прут и его левых притоков от пос. Липканы до с. Новые Бедражи на расстоянии около 30 км. Однако лучше всего они прослеживаются на участке между селами Ширеуцы и Перерыга. Ниже с. Новые Бедражи меловые породы погружаются под более поздние кайнозойские отложения и обнаружены в результате бурения на различных глубинах почти на всей территории Молдавии. В непосредственной близости от грота в с. Старые Дуруиторы Рышканского района кремненосный слой достигнут бурением на глубине 70 м (наблюдения Н. А. Кетрару над процессом бурения артезианской скважины на территории близлежащей фермы в 1958 г.). В зоне выхода меловых отложений кремнь встречается довольно часто в виде конгломератов и в более поздних отложениях. Хороший кремневый материал обнаружен также в песчано-гравийных отложениях, подстилающих высокие террасы долины р. Прут. Это такой же меловой кремнь, с таким же литологическим составом. Он отличается от желвачного тем, что его поверхность сильно окатана и покрыта галечной коркой.

Первобытные обитатели грота Старые Дуруиторы для изготовления орудий использовали как желвачный, так и галечный кремнь, который они добывали из естественных обнажений меловых пород и гравия, содержащих кремневые желваки и гальки.

Судя по составу кремневых изделий, обнаруженных в нижнем IV слое грота Старые Дуруиторы, как первичная, так и последующая обработка материала производилась непосредственно в гроте, начиная от обкалывания поверхности кремневого желвака и до расщепления его на отщепы. Об этом свидетельствуют такие факторы, как значительный процент нуклеусов, наличие отщепов — краевых сколов с желвачной или галечной поверхностью и большого числа мелких чешуек и осколков. Следует, однако, отметить, что и эти предметы, кроме части нуклеусов, носят на себе следы вторичной обработки или утилизации. Это вообще является характерной чертой для тайякских индустрий, в материалах которых почти не существует категории «отбросы производства». Практически все расщепленные кремневые изделия являются заготовками, часть из которых уже была использована в работе, а другая — еще нет.

Каменные изделия IV слоя преимущественно не окатаны, хотя в нем имеются отдельные предметы с незначительной окатанностью. Это связано с функционированием небольших промоин, фиксируемых в верхней части слоя. Одновременно присутствуют кремневые изделия очень хорошей сохранности.

Техника первичной обработки — расщепление — характеризуется в основном нуклеусами и предметами, сколотыми с их поверхности: пластинами, отщепами, осколками. Для многих древнепалеолитических индустрий, особенно тайякских комплексов, набор орудий которых не отличается разнообразием, техника первичной обработки камня лучше всего позволяет анализировать производственную деятельность первобытных мастеров.

Нуклеусы. В коллекции выделено 67 нуклеусов и 14 нуклевидных предметов. Нуклевидные обломки в основном имеют небольшие размеры и представляют собой куски желвачного или галечного кремня, носящие на поверхности следы скалывания одного, реже двух отщепов. Иногда это просто обломки какой-то части нуклеуса и, хотя негативы сколотых отщепов четко прослеживаются, по сохранившейся части невозможно установить форму, тип и размеры самого нуклеуса. Имеющиеся нуклеусы в целом сложны для определения. Отмечено использование в качестве заготовок для нуклеусов крупных отщепов. Одна из особенностей нуклеусов, происходящих как из нижнего, так и из вышележащего слоя III, заключается в использовании при расщеплении техники «дробления». Она фиксируется прежде всего на очень мелких, остаточных нуклеусах, прямое расщепление которых отбойником невозможно. Очень часто негативу снятия противолечит либо забитость, либо еще один негатив.

В основу классификации нуклеусов положены разработки советских и зарубежных исследователей палеолита (Паничкина 1959; Любин 1965; Bordes 1961; Коробков 1965а). Следует только отметить, что существующие на сегодняшний день разработки по типологии раннепалеолитических остаточных ядрищ касаются в значительной степени более поздних индустрий мустьерского времени (классическое мустье, мустье-леваллуа и др.) и классического ашеля (Bordes 1950; Bourgon 1957; Combiér 1967: 31–127).

Все нуклеусы нижнего IV слоя грота Старые Дуруиторы разделены нами на следующие группы: 1) дисковидные; 2) шаровидные; 3) ашельские одноплощадочные; 4) многогранники; 5) пирамидальные; 6) атипичные. Правда, нужно отметить, что различия между шаровидными и многогранниками незначительны.

Дисковидные нуклеусы представлены 13 экз., среди которых 10 односторонних и 3 двусторонних (рис. 13: 1–3; 14: 2, 4). Почти все они полностью сработаны и практически с их поверхности уже невозможно снять даже

небольшой отщеп. Особенно полно использованы двусторонние экземпляры, о чем свидетельствует не только сильная уплощенность, но и размеры 3,5–4 см в поперечнике. Размеры односторонних дисков более вариабельны: самые большие имеют в поперечнике 6 см, самые маленькие 4 см. Среди ядрищ с односторонней обработкой 8 предметов имеют форму почти правильного диска. На их рабочей поверхности сохранились следы нескольких (двух-трех) снятий с глубокими лунками. Скалывание подтреугольных отщепов небольших размеров производилось ударами, направленными радиально от краев к центру. Только у некоторых нуклеусов заметны следы грубой подправки края ударной площадки, у других она полностью отсутствует. Тыльная сторона покрыта желвачной или галечной коркой.

Шаровидных нуклеусов — 12 экз. Для них характерно отсутствие специально подготовленной ударной площадки, в качестве которой всегда служил негатив предшествующего скола. Скалывание небольших утолщенных и бесформенных отщепов производилось вкруговую по всей поверхности кремневого желвака или гальки. Шаровидный тип нуклеусов, являющийся в какой-то мере показателем клетонской техники скалывания, довольно часто встречается в раннепалеолитических комплексах, в том числе и тайякских (Breuil 1932). В Днестровско-Прутском междуречье, кроме материалов гота Старые Дуруиторы, шаровидные нуклеусы не только многочисленны, но даже преобладают над другими типами в индустриях таких памятников, как Мерсына, Осыпка, Бобулешты 5 (Кетрару, Анисюткин 1967; Кетрару 1973; Анисюткин 2001). Отличаются они только по размерам: в Бобулештах 5 и Осыпке они значительно крупнее и достигают в поперечнике 8 см (Анисюткин 1971: 14–15), в Старых Дуруиторах и Мерсыне эти ядрища небольшие, их размеры варьируют в пределах 4–6 см в диаметре.

Многогранники. Эта группа нуклеусов состоит из 12 предметов (рис. 14: 3). От вышеописанной группы шаровидных нуклеусов многогранники отличаются только по форме: подчетырехугольной или подтреугольной. Их размеры несколько больше шаровидных. Самые крупные экземпляры имеют в поперечнике 7–6 см, а самые маленькие — 3,5–4 см.

В индустрии некоторых синхронных памятников Пруто-Днестровского междуречья (Мерсына, Осыпка, Выхватинцы) нуклеусы-многогранники подразделяются на две подгруппы: одноплощадочные и многоплощадочные. Многогранники слоя IV гота Старые Дуруиторы относятся только к подгруппе многоплощадочных. Все они не имеют специально выработанной ударной площадки и четкой формы. Негативы снятых отщепов имеют довольно глубокие лунки и расположены в самых разных плоскостях. Ударные площадки могут быть названы таковыми весьма условно, так как для этой цели каждый раз использовался негатив предшествующего скола, причем с одной ударной площадки почти всегда скалывался только один отщеп.

Наиболее часто встречаемые многогранные ядрища являются характерным типом нуклеусов для раннепалеолитических индустрий. И. И. Коробков, описывая нуклеусы Яштуха, выделил многогранники в отдельную тайякскую подгруппу, соответствующую самому древнему периоду (Коробков 1965а: 85, рис. 2). Подобные нуклеусы особенно многочисленны в клетонских и тайякских комплексах Западной Европы (Paterson 1945: fig. 1; Lumley 1969: 210, fig. 136, 137; 1969b: 307).

Одноплощадочные нуклеусы нелеваллуазского типа — 13 экз. Для всей этой группы характерно наличие одной гладкой ударной площадки, приготовленной путем снятия одного крупного скола без последующей подправки (рис. 13: 4). На рабочей части обычно прослеживаются следы — негативы снятия одного небольшого отщепа, реже в сочетании с несколькими мелкими сколами. Судя по сохранившимся на поверхности нуклеуса негативам с глубокими лунками, сколотые отщепы были широкими, но короткими, массивными, имели хорошо выраженный ударный бугорок на нижней плоскости, охватывающий часто более половины ее поверхности.

Только один экземпляр из этих нуклеусов находится в самой начальной стадии скалывания. Это небольшая кварцитовая галька размерами 7×8,5×6 см, по форме близкая к конусовидной, с довольно ровным основанием и округленной вершиной. С основания в виде ровной плоскости одним ударом снят крупный плоский отщеп, превративший тем самым эту часть гальки в ударную площадку. С последней был получен только один небольшой краевой отщеп подтреугольной формы. На рабочей части нуклеуса оставался негатив скола с едва заметной лункой — местом ударного бугорка, который, по-видимому, был не очень выразительным. С этого же края ударной площадки было снято еще несколько мелких сколов, которые, возможно, являются результатом процесса подправки края ударной площадки или выравнивания рабочей поверхности нуклеуса.

На противоположном конце — в основании конуса — прослежен негатив небольшого отщепа, отколовшегося произвольно, непреднамеренно, так как каких-либо следов лунки незаметно. Следует предположить, что в момент нанесения удара для снятия основного отщепа основание нуклеуса упиралось в какой-то твердый предмет, скорее всего, камень, и скол произошел от контрудара. Вся остальная поверхность нуклеуса покрыта естественной галечной коркой и незаметно никаких следов отщепления. По каким-то причинам нуклеус остался неиспользованным, хотя сырьевой материал, на наш взгляд, довольно высокого качества, поскольку это твердый мелкоструктурный кварцит. Другие нуклеусы этой же коллекции из средне- и крупнозернистого кварцита были использованы полностью.

Таким образом, мы видим, что вышеописанный нуклеус находится в самой первоначальной стадии рабочего процесса. Но чаще всего нам

встречаются остаточные ядрища, которые фиксируют рабочую поверхность нуклеуса в момент оставления его мастером. И трудно даже предположить, как изменилась бы форма и тип нуклеуса, если бы он был использован до конца.

Пирамидальных нуклеусов — 4 экз. По характеру скалывания с их поверхности небольших подтреугольных отщепов этот тип нуклеусов близок к дисковидным односторонним (рис. 14: 1). Они близко напоминают форму невысокого конуса с широким основанием — горизонтальной площадкой, с которой по кругу вниз под углом и производилось скалывание. Горизонтальная площадка двух нуклеусов подготовлена путем снятия одного крупного плоского отщепа. У остальных двух она представляет собой участок ровной поверхности кремневого желвака, подправленной несколькими мелкими сколами. Размеры этих нуклеусов также небольшие: диаметр горизонтальных площадок 5,5–3,5 см, высота 4,5–3 см.

Очень близкие аналогии пирамидальным нуклеусам Старых Дуруиторов мы находим в индустриях аморфной стадии грота Киик-Коба в Крыму (Бонч-Осмоловский 1940: 73, 204, табл. 1–5), древнего комплекса Яштуха на Кавказе (Коробков 1965б: 84, 85, рис 2–5), нижнего слоя Стинки 1 на Среднем Днестре (Анисюткин 2005). Этот тип нуклеусов наиболее характерен и для клеттона Англии (Collins 1968).

Атипичные нуклеусы — 13 экз. В эту группу включены все нуклеусы и обломки нуклеусов, носящие на себе следы скалывания с отдельными элементами дисковидных, шаровидных, одноплощадочных и других типов. Все они невыразительны, у них отсутствует выработанная ударная площадка, иногда скалывание производилось непосредственно с желвачной или галечной поверхности куска кремня. Отсутствие установившейся формы сказалось и на расположении негативов сколов. Трудно даже установить какую-нибудь систему в их распределении на поверхности нуклеусов. Все негативы размещаются беспорядочно и имеют случайные очертания и самые различные направления.

Как правило, на одной какой-то стороне нуклевидного обломка прослеживается только один негатив с глубокой, хорошо выраженной лункой, которую сопровождают несколько мелких, совершенно неправильных сколов, имеющих весьма случайный характер. Все эти сколы являются, по-видимому, результатом неудачных, наугад наносившихся ударов.

Как видно на основании изучения нуклеусов и сколотых с их поверхности отщепов, можно дать общую характеристику техники первичного расщепления камня. Для комплекса слоя IV грота Старые Дуруиторы характерна весьма примитивная техника получения отщепов-заготовок с нуклеусов с невыработанной ударной площадкой, которой чаще всего был предшествующий скол. В данном случае можно уже говорить об установив-

шихся приемах расщепления кремня для тайякских индустрий, характерных для раннепалеолитического времени. Нередко нуклеусы использовались в качестве орудий. Это проявляется в дополнительных подработках острых концов или подходящих участков, которые затем использовались в качестве скребковидных орудий.

Отщепы. Большинство каменных изделий слоя IV грота представляют собой отщепы, значительная часть которых носит на себе следы утилизации или повреждений (рис. 15, 16). Последнее весьма вероятно, если принять во внимание имеющиеся следы естественных повреждений слоя. Все отщепы очень грубые, часто массивные и не образующие четких форм. Ударный бугорок у большинства из них хорошо выражен своей выпуклостью и занимает более половины или двух третей нижней плоскости отщепа. На ударной площадке некоторых сколов сохранились следы предшествующих ударов в виде сосцеобразных выступов. Всё это свидетельствует о том, что скалывание производилось при помощи твердого отбойника, удар наносился резкий и сильный. Такими же были, очевидно, и подставки-наковальни. Мы предполагаем наличие в описываемой нами индустрии отщепов, сколотых в результате ударов самих нуклеусов или кусков кремня по камню-наковальне (block-on-block technique). Для характеристики нижнепалеолитических индустрий большое значение приобретает размер сколотого отщепа и его соотношение с размерами нуклеуса, с поверхности которого он снят. Если рассматривать с этой точки зрения индустрию слоя IV грота Старые Дуруиторы, то можно заметить, что в основном размеры сколов и нуклеусов довольно близки. Это наглядно показано в табл. 9, в которой приводятся размеры всех сколов, в том числе и обломанных.

Таблица 9

Размеры сколов слоя IV

Все сколы, включая обломанные			Только целые предметы		
Длина (в мм)	Количество	%	Длина (в мм)	Количество	%
До 30	169	32,7	До 30	62	24,8
До 40	130	25,1	До 40	62	24,8
До 50	122	23,6	До 50	67	26,8
До 60	57	11	До 60	34	13,6
До 70	21	4	До 70	12	4,8
До 80	14	2,7	До 80	9	3,6
> 80	4	0,8	> 80	4	1,6
Итого	517	100	Итого	250	100

В коллекции преобладают сколы небольших размеров в пределах 30–50 мм в длину. Совсем мало крупных изделий длиной до 70–80 мм и более, что позволило В. Н. Гладилину (1966: 14) отнести комплекс слоя IV грота Старые Дуруиторы к «микромустье зубчатому».

Преобладают массивные отщепы, среди которых много сколов с сохранившейся коркой, включая первичные. Для выявления общего коэффициента массивности, основанного на методике, предложенной М. Бургоном (Bourgon 1957: 33–34) с дополнениями Н. К. Анисюткина (1968: 5–8), были определены параметры 102 целых предметов и получены следующие результаты: средняя длина отщепов равна 42,6 мм, средняя ширина — 41,8 мм, средняя толщина — 16 мм.

$$\text{Удлиненность } A = \frac{A \times 100}{B} = \frac{42,6 \times 100}{41,7} = 102,1.$$

$$\text{Сечение } S = \frac{D \times 100}{B} = \frac{16 \times 100}{41,7} = 38,3.$$

$$\text{Массивность } M_3 = \frac{B \times 100}{A} = \frac{38,3 \times 100}{102,1} = 37,5.$$

Коэффициент массивности (более 37) необычайно высок. Он позволяет отнести индустрию IV слоя грота Старые Дуруиторы к группе раннепалеолитических домустьерских памятников. Такие же показатели индекса массивности (более 30) имеют аналогичные домустьерские памятники Мерсына, Бобулешты 5, Варваровка 7 (ранний комплекс), Выхватинцы (нижний слой) и Яштух на территории бывшего СССР и Ла Микок (слои 2, 3, 5), Ла Феррасси (нижний слой А большого грота) и другие на территории Франции (Там же: 7, рис. 1). Для сравнения, массивность мустьерских, особенно леваллуазских комплексов всегда ниже 24 (Там же; Кетрару 1970: 121–122).

При исследовании раннепалеолитических индустрий большое внимание уделяется характеру ударных площадок отщепов (табл. 10), являющихся хорошим показателем степени подготовленности нуклеуса, а следовательно, и вообще техники расщепления камня в целом. Для этого воспользуемся методом французского исследователя Ф. Борда (Bordes 1950: 19–34).

Таблица 10

Показатели техники первичного расщепления слоя IV⁷

Изделия	Ударные площадки								
	гладкие		подправленные				точечные	с коркой	бисерные
	косые	прямые	фасетированные		двугранные				
косые			прямые	косые	прямые				
Отщепы	127	64	13	9	17	3	14	11	2
Пластины	2	6	–	–	–	–	2	–	–

⁷ У 293 отщепов и 5 пластин ударные площадки не сохранились.

Для индустрии четвертого слоя грота Старые Дуруиторы определены следующие показатели⁸:

$$IL = \frac{5 \times 100}{558} = 0,8 \text{ (индекс леваллуа практически равен 1 \%);}$$

$$IF = \frac{42 \times 100}{225} = 18,6 \text{ (индекс подправки ударных площадок — широкий);}$$

$$IF_s = \frac{22 \times 100}{225} = 9,8 \text{ (индекс фасетированных ударных площадок — узкий);}$$

$$I_{lam} = \frac{20 \times 100}{558} = 3,6 \text{ (индекс пластин).}$$

Полученные индексы показывают очень низкий процент леваллуазской техники, пластин и подправки ударных площадок. Леваллуазские сколы немногочисленны (5 экз.). Они представлены двумя типичными и тремя атипичными отщепами. Наличие двух типичных изделий может указывать на знакомство обитателей стоянки с техникой леваллуа, которая по каким-то причинам оказалась невостребованной. Настоящие острия леваллуа отсутствуют. Как видно, индекс подправки ударных площадок (IF) также низок. Среди отщепов с сохранившимися ударными площадками преобладают гладкие площадки (80%). Большинство этих отщепов имеют скошенные и широкие площадки, у которых угол между плоскостью брюшка и ударной площадкой обычно более 110°. Сколы с углами более 120° составляют 37%. Нами был получен индекс клеттона (ICL), который мы вычислили на основе методики Жана Комбье — процента скошенных площадок по отношению ко всем сохранившимся (Combieg 1967: 27). Он почти равен 60%. Отщепов с естественными площадками немного — менее 10%, что одновременно указывает на наличие крупногабаритного сырья. Показательно весьма широкое применение реберчатых сколов, из которых изготавливались разнообразные орудия. Подобные реберчатые сколы обычно многочисленны в индустриях с преобладающей клеттонской техникой первичного расщепления.

Итак, индустрия слоя IV относится к числу нелеваллуазских индустрий, с очень низким показателем пластин — I_{lam} — 3,6% и подправки — IF — 18,6%. Ее основу составляли мелкие и массивные клеттонские отщепы со скошенными ударными площадками — ICL — 60%.

Типологическая классификация орудий слоя IV грота Старые Дуруиторы произведена по методу Ф. Борда (Bordes 1961). Описание предметов дается последовательно с соблюдением номера, закрепленного за каждым типом изделия в списке, однако в связи с тем, что в Старых Дуруиторах значительная часть предметов не являются типичными, мы приводим их

⁸ В публикациях Н. К. Анисюткина, где для статистики использовано меньшее количество предметов, эти показатели, хотя и несколько более высокие — IL-1,7; IF-28; I_{lam} -4,3 — всё же вполне совместимы (Анисюткин 2009).

подробное описание. Из списка исключены лишь номера тех типов орудий, которые в данной коллекции отсутствуют, но значительно пополнен № 62, в который включен целый ряд орудий, характерных для тайякских комплексов Пруто-Днестровского междуречья, впервые выделенных Н. К. Анисюткиным и Н. А. Кетрару (Кетрару, Анисюткин 1967: 24–31; Анисюткин 2005). Среди тех орудий, которые классифицируются по тип-листу Ф. Борда, имеются изделия, сочетающие несколько типов орудий — скребло-скребок, скребло-резчик и некоторые другие. И. И. Коробков предлагает метод классификации таких орудий как многоплановых с выделением нескольких — 1, 2, 3 и даже 8 рабочих элементов на одном предмете, объединяя их в отдельные группы комбинированных орудий (Коробков, Мансуров 1972: 67). На наш взгляд такая классификация тайякско-зубчатых орудий имеет ряд положительных черт, но излишне громоздка, не давая полной картины функционального назначения многочисленных типов орудий. Нам представляется более целесообразным выделение в одном предмете одного главного элемента, имеющего основное функциональное назначение, определенное первобытным «мастером» в процессе превращения простого отщеп в орудие. Безусловно, в процессе работы могли использоваться и другие режущие, скребущие или колющие части этого предмета, которые могли быть созданы позже при переоформлении орудия или могли возникнуть в процессе его утилизации. В данной работе при встрече со сложно организованными орудиями использован метод преимущества, разработанный Ф. Бордом (Bordes 1961). Естественно, следует заранее оговориться, что и тип-лист Ф. Борда, выработанный на базе изучения изделий классических ашело-мустьерских комплексов, всё же недостаточен для классификации орудий тайякских индустрий. Поэтому в наших дальнейших построениях первостепенное значение имеют особые формы, выделенные на региональных материалах. Обращает на себя внимание широкое использование углов массивных отщепов, включая специально выделенные выемкой — bill-hook английских исследователей.

Острия псевдолеваллу. Имеется только один экземпляр, без вторичной обработки.

Остроконечники мустьерские. Как показывает мировая практика, остроконечники нехарактерны для тайяка. В коллекции IV слоя найден небольшой фрагмент относительно тонкого отщепы, который только условно можно описать как мустьерский остроконечник.

Скребла. При общей характеристике скребел важно определиться с самим понятием категории «скребло». Под скреблом Ф. Борд предлагал понимать орудие, изготовленное на отщепе или пластине, леваллуазской или не леваллуазской, с непрерывной ретушью, плоской или крутой, чешуйчатой, ступенчатой или иной, нанесенной на один или несколько краев, таким

образом, чтобы сформировать лезвие полуострое, прямое, выпуклое или вогнутое, без явных выемок или зубчатости. Крутая ретушь скребел не является такой же, как отвесная и крутая ретушь скреблышек (raclettes) или обушков ножей с затупленной спинкой. При наличии крутой ретуши мы можем говорить о скребле, а не о ноже «à dos abattu» в том случае, если противоположный край покрыт коркой или ретуширован.

Вопреки распространенному мнению, Ф. Борд считал, что ретушь скребла не предназначается для того, чтобы дополнительно заострить его. Как писал этот ученый — «нет ничего острее необработанного, только что сколотого кремневого или обсидианового отщепы. Напротив, частично затупленное ретушью и одновременно выравненное лезвие имеет большую сопротивляемость для работы, чем простой отщеп» (Ibid: 25–26).

В коллекции IV слоя грота Старые Дуруиторы выделено 41 скребло. Многие из них атипичные, довольно грубые, массивные по пропорциям, что, естественно, соответствует характеру исходных заготовок в целом. Они обработаны разнообразной ретушью, обычной для скребел ранне- и среднепалеолитического времени, типы которых описаны различными авторами. Так, Ф. Борд в работе, посвященной классификации орудий раннего и среднего палеолита, установил пять типов, или вариантов ретуши. Чешуйчатую ретушь он делит на чешуйчатую крутую и предельно крутую (Ibid: 8–10). А. де Люмлей выделил в процессе описания мустьерской коллекции из грота Каригуэла девять типов, а Р. Х. Сулейманов для изделий стоянки Оби-Рахмат добавил еще два типа — ретушь мелкую крутую и ретушь отжимную. Дополнительные типы ретуши, установленные этим ученым (Сулейманов 1966: 21–23), скорее всего, следует рассматривать как повторение разработок Ф. Борда и А. де Люмлея.

Для скребел из грота Старые Дуруиторы Н. А. Кетрару выделяет шесть весьма характерных типов ретуши. Преобладают изделия, обработанные уплощенной зубчатой, мелкой атипичной, крутой и грубой чешуйчатой ретушью. Нет ни одного предмета, обработанного параллельной ретушью.

Очевидно преобладание ретуши уплощенной грубой и крутой при малочисленности типичной для мустье чешуйчатой ретуши. Не представлена ретушь типа кина и полукина.

Простые однолезвийные скребла — наиболее распространенная группа в категории скребел среди индустрий с преобладающими выемчатыми и зубчатыми орудиями. Остальные группы или типы, исключая скребла ретушированные со стороны брюшка, обычно малочисленны (Bordes, Bourgon 1951; Jaubert et al. 2011). Это явление характерно, как мы увидим в дальнейшем, и для индустрии из нижних слоев грота Старые Дуруиторы.

Таблица 11

Типы ретуши слоя IV⁹

Тип ретуши	Количество скребел	%
Чешуйчатая типичная	1	2,5
Чешуйчатая грубая	3	7,5
Ступенчатая грубая	1	2,5
Уплощенная грубая	14	35
Уплощенная обычная	1	2,5
Уплощенная атипичная	3	7,5
Крутая	7	17,5
Чередующаяся	3	7,5
Мелкая атипичная	7	17,5
Итого	40	100

Скребела простые прямые (racloirs simples droits) — 4 экз. (рис. 17: 7). В качестве заготовок чаще всего использовались естественно массивные кремневые и кварцитовые отщепы и очень редко левалдуазские (рис. 18: 3). Нередко их края имеют зубчатый контур, что позволяет определить их как зубчатые скребла. На некоторых скреблах имеются элементы иных форм орудий, включая скребки и остря. Одно из таких орудий является типичным скреблом и атипичным концевым скребком (рис. 20: 1).

Скребела простые выпуклые (racloirs simples convexes). Это самая многочисленная группа скребел, представленная 10 предметами (рис. 17: 1, 2, 3). Их края подготовлены часто атипичной, мелкой и крутой, а также зубчатой ретушью. Нередко дистальные концы превращены в своеобразные остря. Здесь также отмечены комбинированные формы.

Скребела простые вогнутые (racloirs simples concaves) также многочисленны (8 экз.). От выемчатых орудий они отличаются более широкой и более распространенной выемкой (рис. 19: 2). Здесь также представлены комбинированные формы.

Скребело двойное с прямыми сходящимися лезвиями (racloir convergents droits). Оно сделано из треугольного отщепа, сильно утолщенного в основании. Оба сходящихся лезвия скребла оформлены мелкой полукрутой ретушью. Его площадка переоформлена в скребковидное орудие.

Скребело двойное (racloir doubles). Орудие изготовлено на удлиненном отщепе. Оба прямых рабочих края обработаны чешуйчатой ретушью, а основание превращено в массивное острие, которое аналогично дуруиторским. Это орудие можно описать как комбинированное (рис. 17: 4). Второе, которое имеет один выпуклый и второй прямой рабочие края, изготовле-

⁹ Н. К. Анисюткин не считает полезным вычисление процента для выборок менее 50 экз.

но на первичном отщепе подтреугольной формы. Выпуклый рабочий край выделен полукрутой ретушью, а прямой — мелкой однорядной. Заостренный между ними угол имеет отчетливые сколы со стороны брюшка. В целом использование острого угла является широко распространенным. Выпукло-вогнутые скребла представлены двумя изделиями. Одно из них изготовлено на небольшом пластинчатом отщепе, один край которого обработан сплошной мелкозубчатой ретушью, а другой — грубой чередующейся. На конце отщепа имеются следы нескольких мелких сколов, не образующих, однако, какой-либо другой тип орудия. Второе скребло сделано на небольшом массивном отщепе. Оба лезвия этого орудия обработаны интенсивной ретушью.

Скребело угловатое (racloir déjeté). Сделано на фрагменте небольшого отщепа. Поперечный край оформлен крутой ретушью, а продольный — пологий (рис. 19: 5).

Скребела поперечные (racloirs transversaux). К этой группе скребел относится только 4 изделия. Они, как правило, изготавливались на отщепах (рис. 17: 5). Обращает внимание присутствие очень массивных предметов с крутой и отвесной ретушью. Одно выразительное скребло этой группы изготовлено из очень крупного кварцитового отщепа.

Скребела с ретушью с брюшка (racloirs sur face plane) представлены 9 предметами. Они относительно многочисленны и изготовлены на заготовках разного типа. Подобный тип скребел весьма распространен в зубчатом мустье (рис. 26: 8).

Скребело с обработкой лезвия с двух сторон (racloir à retouche biface). Это скребло сделано из крупного кремневого отщепа. Интенсивная ретушь имеется как со спинки, так и с брюшка. Причем спинка сложена негативами уплощенной и распространенной ретуши. Не исключено, что эта форма может рассматриваться как незавершенное листовидное острие (рис. 18: 2).

Скребело с противоположащей ретушью (racloir à retouche alterne). На массивном клетонском отщепе выделено два рабочих края — выпуклое и обработанное чередующейся ретушью скребло. Мы определили это орудие как скребло с чередующейся ретушью с учетом его относительной редкости (рис. 19: 3).

Скребки. Данная категория орудий представлена как типичными, так и атипичными образцами (grattoirs typiques и atypiques), среди которых преобладают атипичные. Скребки составляют выразительную серию из 32 экз. Из них 9 предметов относятся к скребкам, сделанным на конце отщепа. Только у пяти предметов лезвия скребков расположены на самом конце отщепа и имеют дугообразную форму. У всех остальных оно смещено вправо или влево, в зависимости от характера самого отщепа.

Семь скребков сделаны на отщепах, на одном из краев которых имеется также одна или две выемки, оформленные иногда противоположащей ретушью. Один скребок сделан на крупном отщепе в сочетании с плоским резцом, резцовый скол которого широкий, но короткий, атипичный. У четырех скребков рабочее лезвие прямое, чуть выпуклое или в виде выступа, расположено на одном крае отщепа. Они сделаны на небольших коротких отщепах и близко напоминают однотипные скребла в миниатюре. Один скребок сделан на отщепе с выступом, образованным продольным краем и концом, у другого имеются два лезвия, дугообразно расположенных на противоположных краях отщепа со спинки. Интересен скребок, выпуклое лезвие которого расположено не на конце отщепа, а на его боковой стороне (рис. 29: 3).

Шесть скребков относятся к типу «с носиком» (à museau). Их рабочие части, как правило, расположены на конце отщепа, на несколько вытянутом выступе (рис. 30: 3). По форме они близки однотипным скребкам позднепалеолитического времени, но сильно отличаются от последних характером обработки самого лезвия и особенно заготовок. Позднепалеолитические скребки типа «à museau» сделаны на пластинах или правильных отщепах уплощенной или параллельной ретушью. У скребков рабочие края нередко довольно небрежно оформлены грубой крутой или зубчатой ретушью. Некоторые из них являются переходными формами к остриям.

В коллекции имеются также шесть скребков, рабочие лезвия которых оформлены на конце или одном крае отщепа с высокой спинкой и близко напоминают позднепалеолитические *скребки каренэ* (grattoirs carénés). Лезвие одного такого скребка расположено на выступе массивного нуклевидного отщепа.

Найден скребок с двумя рабочими лезвиями, расположенными на противоположных концах грубого утолщенного отщепа с высокой спинкой. Лезвие одного из них дугообразное и сделано крупной уплощенной ретушью в сочетании с крупной зубчатой, переходящей на край отщепа, где четко выделены ретушью две выемки, отделяющиеся ретушированным выступом. Другой скребок имеет такое же дугообразное лезвие, оформленное мелкой крутой ретушью. На его рабочем крае очерчены две ретушированные выемки с выступом.

На одном отщепе сделаны два орудия — скребок и скребло.

Два скребка могут быть описаны как рабо.

Резцы атипичные (burins atypiques). Эти орудия представлены 4 экз. Они сделаны из небольших грубых отщепов с зубчатостью по краям. Резцовые сколы узкие, невыразительные и возможно имеют случайный характер. Только один предмет, имеющий подретушированные конец и край отще-

па может быть отнесен к резцам бокового типа. Дугообразно обработанный крутой ретушью край этого отщепа превращен в скребок.

Проколки (persoirs typique et atypiques) представлены 11 экз. Все они сделаны из мелких отщепов, с небольшим жальцем, выделенным мелкой ретушью, иногда противоположащей. Только три предмета можно считать типичными (рис. 29: 2).

Ножи со спинкой типичные и атипичные (couteaux à dos typique et atypiques) представлены 10 экз. Для их изготовления использованы удлиненные реберчатые сколы, одна грань которых всегда служила спинкой ножа. Эта грань подправлялась крутой и отвесной ретушью, иногда «встречной» (рис. 30: 1). Его лезвие представляет собой естественно острый край отщепа, прямой или дугообразной формы, нередко со следами утилизации и мелкой ретуши, возникшей, по-видимому, в процессе работы. Нередко данная ретушь является микрозубчатой.

Ножи с естественной спинкой (couteaux à dos naturel). Эти предметы составляют довольно большую серию из 18 экз. (рис. 20: 3, 4, 5). Для их изготовления преимущественно использованы краевые реберчатые сколы, часто с участками желвачной корки. Рабочие лезвия ножей прямые или чуть выпуклые, иногда имеют следы сработанности в виде мелкой микрозубчатой, уплощенной однорядной и крутой ретуши.

Скреблышки мустьерские (raclettes mousteriennes). Имеется 5 предметов такого рода, изготовленных на отщепах. Мелкой крутой ретушью обработаны отдельные участки края или конца отщепа. От подлинных образцов раклет эти орудия отличаются использованием преимущественно мелких, но массивных отщепов.

Выемчатые орудия (outils à encoches) представлены самой многочисленной серией изделий, включающей 131 экз. Все они сделаны на отщепах и по характеру изготовления подразделяются на несколько условных типов. Первый тип — это изделия с ретушированной выемкой, выполненной на спинке отщепа. Среди этих орудий обращает на себя внимание форма на типичном отщепе леваллуа с фасетированной площадкой (рис. 22: 5). Ко второму типу отнесены орудия с клетонскими выемками, образованными одним сколом. У некоторых предметов ретушь расположена на самом конце заготовки (рис. 23: 3).

Зубчатые орудия (outils denticulés). Как и выемчатые изделия, они составляют довольно большую группу орудий — 60 экз. (рис. 22: 1, 3; 26: 2). Зубчатым орудием мы вслед за Ф. Бордом называем изделие на отщепе или пластине с серией смежных и соприкасающихся выемок, которые могут быть клетонскими или простыми, крупными или мелкими, следующими вдоль одного или нескольких краев (Bordes 1961: 36). При этом выемки наносились не только на дорсальную или вентральную плоскости,

но и нередко были чередующимися, создавая острые зубчатые рабочие края. У 6 зубчатых орудий ретушь чередующаяся, у 38 — крупная зубчатая, у 12 — мелкая и только у 4 предметов — микрорезчатая. У 5 предметов по зубчатому краю имеются две выемки со спинки и с брюшка, образующие выступ резчика. 7 орудий сделаны из отщепов с желвачной коркой по одному краю, поэтому можно предположить, что они использовались также как ножи с естественной спинкой (рис. 27: 7). Часть изделий, имеющих мелкую зубчатую ретушь на конце, возможно, использовались как скребки.

Резцевидных острий (*becs burinants alternes*), отделанных противоположащей ретушью, 3 экз. Они изготовлены из небольших грубых и утолщенных отщепов. Жальца орудий расположены на пересечении двух краев отщепов, из которых один край отретуширован со спинки, а другой с нижней плоскости. На одном отщепе, кроме ретушированной выемки на краю, имеются два острия: одно обычное, второе — резцевидное.

Отщепы различного типа *с ретушью со стороны брюшка*, которая может быть крутой и затупленной, а также противоположащей и мелкой — 39 экз.

Мы объединили все эти формы в единую группу, так как они представляют собой различные мелкие отщепы со следами указанной выше ретуши, на том или ином участке края отщепа. Эти участки ретуши на краях отщепов не образуют лезвия каких-либо определенных орудий. Не исключено, что в ряде случаев речь идет не о намеренной ретуши, а о следах естественных повреждений.

Сколы различного типа *с ретушью двусторонней* прерывистой (*retouche bifaciale*) — 6 экз. Это отщепы с участками ретуши по одному или обоим краям. Она покрывает не весь край отщепа, а только его отдельные участки, переходя с одной плоскости на другую.

Остроконечники тайякские (*pointes de Tayac*). Это наиболее характерный тип изделий тайякских комплексов, но они чаще всего малочисленны. Выделено всего 6 изделий такого рода. Один предмет, изготовленный на массивном отщепе, имеет на месте ударной площадки скребковое лезвие (рис. 18: 1). Они обычно сделаны на треугольных отщепах с довольно неровными краями, обработанные конвергентной зубчатой ретушью как со спинки, так и с брюшка (рис. 19: 1).

Чопперы двусторонние (*chopping-tools*) — 4 экз. Эта группа орудий, хотя и немногочисленна, но представляет большой интерес как одна из показательных форм раннего палеолита. В данном случае это именно двусторонние чопперы, а не чоппинги, которые, по Х. Мовиусу, являются двусторонними в том смысле, что извилистое лезвие оформлено с двух сторон чередующимися сколами (*Ibid*: 48). Показательно, что все они имеют до-

статочно крупные размеры, демонстрируя принцип дихотомии — разделение индустрий на две части — крупных на гальках и нуклевидных формах и мелких орудий на отщепах. Этот принцип берет свое начало еще с олдована, где эти две группы часто изготовлены из разных типов сырья. Подобная дихотомия хорошо прослеживается в ашельских индустриях, но имеет тенденцию к затуханию в синхронном тайяке. В этом плане наличие крупных чопперов из некремневого сырья косвенно может указывать на древность индустрии слоя IV.

Хороший образец дихотомии можно предложить проследить на примере ашеля Западной Европы. Приведем пример, в частности, с территории юга Франции. Здесь исследователь раннеашельской стоянки Терра Амата А. де Люмлей намеренно подразделяет каменную индустрию на две части: одна, представленная галечными орудиями, включая чопперы, бифасы и кливеры, отличается крупными размерами, вторая — на отщепах — определена как микроиндустрия (*Lumley et al.* 1976a). Эта же картина, но менее контрастная, выявляется на позднеашельской стоянке Лазаре. Здесь типично ашельские бифасы имеют значительно более крупные размеры, чем орудия на отщепах (*Lumley et al.* 1976b: 15–49, 53–66). В этом плане показательным, что в слое IV грота Старые Дуруиторы галечные орудия изготавливались из некремневого сырья — кварцита и яшмы, что, на наш взгляд, является показателем значительной древности индустрии. Чопперы постоянно встречаются в тайяке, где они, чаще всего, немногочисленны.

Учитывая особый интерес, который представляют эти орудия, целесообразно дать их краткие описания.

Первое орудие сделано из кварцитовидной гальки неправильно кубовидной формы, с одного края которого по диагонали снято несколько крупных, но коротких чередующихся сколов без какой-либо предварительной подготовки. Орудие отличается весьма крупными размерами и массивностью (9,8×8×6 см). Каждый первоначальный скол являлся отбивной площадкой для последующего, сделанного в противоположном направлении. Угол между плоскостью сколов довольно острый и колеблется в пределах 60–80°. Таким образом, лезвие получилось извилистое, сильно изогнутое, почти «синусоидной» формы. Вся остальная поверхность гальки осталась нетронутой и как бы образовывала рукоятку, удобную для держания орудия в руке. На большей части поверхности гальки сохранилась естественная корка, так как обработке подверглась только примерно четвертая ее часть (рис. 24: 1).

Второе орудие крупных размеров также относится к типу двусторонних чопперов. Оно сделано из яшмовой гальки с характерной коркой на поверхности. Цвет яшмы, как первичной поверхности гальки, так и в местах

сколов — темно-желтый. Форма гальки подгрушевидная. Обработке подверглась утолщенная ее часть с двояковыпуклой поверхностью. Рабочий край выделен двусторонними уплощенными сколами с одной стороны и двумя, нанесенными с углов, с другой. Часть рабочего края имеет забитость. Возможно, эта «забитость» возникла уже в процессе утилизации орудия. Во всяком случае, лезвие получилось дугообразное, извилистое, но довольно острое. Вся остальная поверхность гальки, покрытая галечной коркой, служила обушком или своего рода рукоятью, удобной для захвата рукой (рис. 24: 2).

Третье рубящее орудие изготовлено также из крупной кремневой гальки овальной формы. Целенаправленными ударами с двух сторон снято несколько крупных сколов, формирующих довольно ровное лезвие орудия. Одна часть поверхности кремневой гальки, сохранившей желвачную корку, могла служить обушком для захвата орудия рукой. Этот чоппер по характеру обработки кремневой гальки мало чем отличается от шаровидных нуклеусов-многогранников с несколькими ударными площадками (рис. 25: 3).

Четвертое орудие изготовлено из относительно крупной кварцитовой гальки, найденной на границе со слоем III, что не дает полной гарантии того, что оно связано с этим слоем. Орудие может быть описано как односторонний чоппер. Его заостренный рабочий край выделен преимущественно односторонней обивкой. На противоположном крае имеется несколько уплощенных сколов, нанесенных сбоку от рабочего края (рис. 25: 2).

Еще один крупный чоппер с двусторонней обработкой, изготовленный из удлиненной кварцитовой гальки, найден в северной камере, где отложения сильно нарушены. Орудие напоминает одноплощадочный нуклеус с ударной площадкой с одной стороны и серией удлиненных снятий — с другой (рис. 25: 1). На наш взгляд, перед нами типичный чоппер со слабо заостренным концом. Это орудие, учитывая неясность его стратиграфического положения, может быть включено в число орудий IV слоя весьма условно.

Показательно, что все чопперы имеют двустороннюю обработку, совпадая по этому показателю с аналогичными формами из эвенозьяна Франции.

Вообще между нуклеусами-многогранниками, дисковидными ядрищами и чопперами весьма много общего в технике изготовления. Доказано, что многие чопперы, особенно двусторонние (чоппинги), могли использоваться в качестве нуклеусов. Абсолютное большинство чопперов тайякской индустрии Фонтешвада относятся именно к этому типу орудий — орудий переоформленных из нуклеусов (Henri-Martin 1957: 126–127, fig. 33–40). Они широко известны в клетонской индустрии Англии, получив назва-

ние *chopper-core*; отмечены они и в рисской индустрии Эрингсдорфа в Германии с каменной индустрией мустьероидного облика (Behm-Blanke 1960: 188, fig. 37; Steiner 1979).

Показательно, что для эвенозьяна Франции, подчеркнем еще раз, в большей мере характерны двусторонние чопперы, в то время как односторонние типичны для прото-шарантьена (Lumley 1976: 847).

Описанные выше галечные орудия аналогичны формам из олдована и раннего палеолита восточной Азии и Африки. Сериями представлены эти орудия в комплексах раннего и среднего палеолита Центральной и Восточной Азии, где они иногда служили, как считают некоторые исследователи, эквивалентом ручных рубил (Movius 1949; Bordes 1958; Hours, Copeland, Augenche 1973: 235–240; Ранов 1971). Особенно обильны эти формы в палеолите Юго-Восточной Азии (Борисковский 1971). Однако там они имеют определенные формы, отсутствующие в раннем палеолите Евразии и Африки.

На территории Европы чопперы являются обычными формами в комплексах раннепалеолитических памятников. Обильны и хорошо выражены эти орудия в раннем палеолите Кавказа (Любин, Беляева 2004; 2011). Значительная и выразительная серия, состоящая из нескольких сотен предметов, известна в соседней Румынии из нескольких памятников «галечной», или «дыржовской» культуры долины р. Олта и его притоков (Discu 1972; 1973; Николаеску-Плошор 1965: 29). Следует отметить, что здесь они, наряду с кремневыми, также нередко сделаны из галек яшмы, кварцита и кварца. Эти орудия, как показывает наше непосредственное знакомство с коллекциями «дыржовской» галечной культуры, часто имеют довольно крупные размеры, отличаясь от более мелких орудий преимущественно на клетонских отщепках.

Особые категории орудий (*outils divers*, № 63 в тип-листе Ф. Борда). В эту группу мы включили 40 экз. орудий, которые отсутствуют у Ф. Борда, но обычны в палеолите Пруто-Днестровского междуречья.

1. Клювовидные орудия-резаки (*bill-hook*) — 13 экз. Для этой группы орудий, которая впервые выявлена в клетоне Англии, характерно выделение бокового края выемкой в сочетании с поперечной ретушью конца, одним сколом или естественным обломом. Иногда выделенный таким образом выступ — лезвие резчика — имеет дополнительную подправку с нижней плоскости несколькими мелкими сколами (рис. 32: 1, 2, 4). В СССР эти формы впервые выделены Н. К. Анисюткиным среди изделий нижнего слоя стоянки Стинка 1 в Среднем Поднестровье (Анисюткин 1973а: 228–234). В Молдавии этот тип орудий распространен достаточно широко, начиная с олдованской индустрии стоянки Байраки (Анисюткин 2014), продолжаясь почти во всех комплексах раннего и среднего палеолита этой территории,

включая местонахождения Мерсына, Бобулешты 5, Осыпка, нижний слой грота Выхватинцы (Кетрару 1973: 14–37; Анисюткин 2001; 2005; Анисюткин, Кетрару 1982). Они специально отмечены в слоях раннего ашеля из пещеры Кударо 1 (Коробков 1971: 75–76; Любин, Беляева 2004) и, возможно, в Крыму.

2. *Клювовидные остря* (bes par encoches clactoniennes adjacentes) — 3 экз.

3. *Долововидные орудия* — 4 экз. Для этих орудий характерно выделение рабочего края с обеих сторон целенаправленными сколами или подретушевкой. У некоторых из них лезвие, чаще всего с брюшка, подправлено плоской ретушью или подтеской.

4. *Скребки на ударных площадках отщепов* — 12 экз. Выявлены как рабочие элементы на иных орудиях (рис. 31: 2, 3). Подобные формы характерны для клектона Англии, где они описаны как butt end scrapers. Впервые в СССР эти формы орудий описаны Н. А. Кетрару и Н. К. Анисюткиным на материалах коллекции Мерсына в Молдавии (Кетрару, Анисюткин 1967).

5. *Дисковидное орудие*. Имеется только один предмет, изготовленный из небольшого овального отщепа, весь край которого по периметру с обеих сторон обработан мелкой плоской ретушью. Ретушь охватывает только край отщепа, не заходя далеко на поверхность.

6. *Ножи «понтийского типа»* — 5 экз. Они сделаны из реберчатых отщепов с покрытой коркой дугообразной спинкой, которая, по-видимому, служила обушком орудия. Эти орудия напоминают долечные формы, известные в раннем палеолите Евразии. Обушки у трех предметов обработаны встречной ретушью, а у двух сохранили желвачную корку. Очевидно, для этого типа ножей скалывались особые реберчатые отщепы. Лезвия ножей имеют мелкую ретушь с одной или с обеих сторон, только у одного предмета оно равное, у всех остальных оно имеет зубчатый характер (рис. 30: 6, 5). Ножи «понтийского типа» малохарактерны для памятников с тайякской индустрией. Они были впервые выделены Н. К. Анисюткиным и Н. А. Кетрару в коллекции нижнего слоя грота Выхватинцы. Пока что нам известен один предмет такого типа из нижнего тайякского слоя грота Выхватинцы. Это орудие, изготовленное на долечном отщепа, обушок которого выделен частичной встречной ретушью. Лезвие обработано уплощенной двусторонней ретушью (Анисюткин 1973б: 7).

7. *Орудия с плоской ретушью конца с нижней плоскости* — 2 экз. Одно из них сделано из крупного удлиненного пластинчатого отщепа, у которого вытянутый суженный конец обработан с нижней плоскости встречной плоской ретушью (рис. 21: 5). Со спинки он подправлен двумя узкими

сколами. Один край отщепа с брюшка имеет мелкую крутую ретушь и выемку посередине. Другое орудие сделано из укороченного подтреугольного отщепа относительно крупных размеров. Его поверхности имеют частичную двустороннюю обработку уплощенной ретушью.

Бифасы представлены двумя орудиями, одно из которых можно описать как двойное скребло с частичной двусторонней обработкой. Возможно это заготовка листовидного остря (рис. 18: 2). Второй предмет, напоминающий бифас — атипичный нуклеус, одна сторона которого оббита частичной уплощенной ретушью. Это невыразительное орудие можно рассматривать и как чопперовидное.

Этим исчерпывается описание изделий четвертого слоя грота Старые Дуруиторы. В табл. 12 приводится список орудий и их процентное соотношение.

Таблица 12

Общий список орудий слоя IV

№ по Борду	Наименование орудий	Кол-во	%
5	Остря псевдоловалуа	1	0,2
6	Остроконечники мустьерские	1	0,2
9	Скребла простые прямые	4	1
10	Скребла простые выпуклые	10	2,4
11	Скребла простые вогнутые	7	1,7
15	Скребла двойные двояковыпуклые	1	0,2
17	Скребла двойные выпукло-вогнутые	2	0,5
18	Скребла двойные с прямыми сходящимися лезвиями	1	0,2
19	Скребла конвергентные выпуклые	1	0,2
21	Скребло угловатое	1	0,2
22	Скребла поперечные прямые	3	0,7
23–24	Скребла поперечные выпукло-вогнутые	1	0,2
25	Скребла с ретушью с брюшка	9	2,2
28	Скребла с двусторонней ретушью (не бифасиальной)	1	0,2
30–31	Скребки и скребки атипичные	32	7,8
34–35	Проколки типичные и атипичные	11	2,7
37	Ножи со спинкой атипичные	10	2,4
38	Ножи с естественной спинкой	18	4,4
39	Скреблыши мустьерские	5	1,2
42	Выемчатые орудия	131	32
43	Зубчатые орудия	60	14,6
44	Резцевидные остря, отделанные противоположащей ретушью	3	0,7

Окончание табл. 12

№ по Борду	Наименование орудий	Кол-во	%
45–49	Сколы различного типа: с ретушью с брюшка, крутой и тупой, противоположащей крутой, мелкой крутой, мелкой противоположащей	39	9,5
50	Сколы различного типа с двусторонней прерывистой ретушью	6	1,5
51	Остроконечники тайякские	6	1,5
61	Чопперы двусторонние	4	1
62	Различные орудия	40	9,8
62	Бифасы	2	0,5
Всего		410	99,7

Не менее важны данные по индексам: $IL_{\text{тип}}$ — индекс леваллуа типологический = 0; IA^t — индекс ашельский общий = 1,7 (высчитан только по атипичным предметам); IR — индекс скребел общий = 8,1; IS — индекс «шарантский» = 2,7; IT — индекс тайякский = 7,7; IB — бифасы = 0,4.

Исходя из индексов, представим характерные группы: I — леваллуа — 0; II — мустье — 8,5%; III — верхнего палеолита — 10%; IV — зубчатая — 15%; бифасы — 0,3%.

Высчитанные типологические индексы определены по действительно существующим орудиям. Познавательная ценность этих индексов имеет достаточно большое значение, так как количество невыразительных орудий (№ 45–50) сравнительно мало, а почти полное отсутствие леваллуазских отщепов и остроконечников не может изменить существенно картину. К тому же, что важно подчеркнуть, остроконечники мустьерские и леваллуазские обычно случайны или отсутствуют в тайяке. Тайякский индекс, предложенный Ф. Бордом и М. Бургоном, высчитан по количеству предметов № 45–49, представляющих собой отщепы с ретушью, что, на наш взгляд, является нереальным (Bordes, Bourgon 1951). Если выводить такой индекс, то он должен, по мнению Н. А. Кетрару, состоять из суммы орудий, наиболее характерных для тайякских индустрии. Поэтому наиболее подходящим для этой цели нам представляется процентное соотношение выемчатых и зубчатых орудий, резцевидных острий, сколов с двусторонней прерывистой ретушью, чопперов и группы различных орудий ко всем орудиям. Тогда эта формула могла бы выглядеть следующим образом: $IT_{\text{тайяк}} = \frac{(42+43+44+50+51+61+62) \times 100}{\text{с 1 по 63}}$.

Если высчитать тайякский индекс четвертого слоя грота Старые Дурруторы по этой формуле, то он покажет более реальную картину, поскольку будет равен 52,8%. К тому же, если включить в предложенную форму-

лу № 30–31 и 34–35 скребков и проколов, изделий довольно характерных и встречающихся почти во всех комплексах этого типа и исключить группу маловыразительных орудий № 45–49, то он будет еще более показательным $(30+31+34+35+42+43+44+50+51+61+62) \times 100 / \text{с 1 по 44 и с 50 по 63} = 66,5$.

Таким образом, как полагал Н. А. Кетрару, следовало бы также к числу характерных групп: I — леваллуа, II — мустье, III — верхнего палеолита, IV — зубчатой, V — госконской, VI — атерийской, добавить еще одну — VII — Тайякскую, которая вполне могла бы стать выразителем одной из важных раннепалеолитических индустрий, хорошо представленных в Европе и на некоторой части Азии.

В этой связи полезно отметить, что предложенный Н. А. Кетрару «тайякский индекс», несмотря на явный интерес, имеет определенные недостатки, связанные с чрезмерной загруженностью его разноплановыми показателями. Большинство этих показателей случайно и почти никак не подкреплено наблюдениями. В частности, включение обычных зубчатых орудий недостаточно убедительно по той причине, что их количество в разных «тайякских» комплексах вариабельно. Они нередко просто малочисленны. Например, если использовать данные классического памятника грота Ля Микок, то там группа IV, образованная зубчатыми орудиями, достигает всего 9,1%, а в перекрывающем слое 4 — не превышает 18% (Ibid: 18–19). Немного зубчатых орудий и в таубахиене Центральной Европы, который Карел Валох сопоставляет с тайяком. Так, в слое 11 пещеры Кульна их всего около 12% (Valoch 1988). К тому же в эту категорию допустимо включать только те формы, которые достаточно четко выражены. Известно, что микрозубчатая ретушь имеет более сложную природу: она могла быть как следами утилизации, так и следами естественных повреждений, но не намеренной обработки (Bordes 1961: 50). Также изменчиво количество чопперов, а характерные острия типа тайяк почти всегда малочисленны. К сожалению, при создании этого индекса никак не участвует такой важнейший и основополагающий показатель, как техника первичного расщепления камня. Этот показатель весьма существенный. Как известно, еще А. Брейль видел в тайяке «потомка» клеттона. На клеттонскую технологию как на наиболее показательную обращали внимание все исследователи палеолита.

Если же вычислить индексы без отщепов с ретушью, то получим так называемые «основные» (essentiels) показатели. Таких отщепов всего 45, в этом случае общее количество орудий составит 378 экз. Тогда основные показатели орудий могут быть представлены следующими индексами:

Индекс скребел — 9,3%.

Группа I (леваллуа) — 0.

Группа II (мустье) — 9,5%.

Группа III (верхний палеолит) — 11,3%.

Группа IV (зубчатые орудия) — 16,3%.

IV (бифасы) — 0,4%.

Здесь вполне очевидно заметное преобладание группы зубчатых орудий — IV, далее — верхнепалеолитической III. Особенно много скребков, в их числе ориньякоидных. Группа II, называемая Ф. Бордом мустьерской, представлена преимущественно скреблами. Она может быть дополнена одним отщепом псевдо-леваллуа и очень невыразительным мустьерским остроконечником, который является просто отщепом с ретушью. Следует обратить внимание на абсолютное преобладание среди орудий выемчатых разновидностей, где наиболее показательны «клектонские».

Композиция приведенных форм орудий располагается (по мере убывания) следующим образом: зубчатые — группа IV, верхнепалеолитические — группа III, скребла — группа II и атипичный бифас. К бифасальным формам условно можно отнести только, возможно, неоконченное листовидное острие.

Также в слое найдено два выразительных костяных острия, изготовленных из прочных трубчатых обломков костей. Они напоминают кремневые клювовидные острия, которые имеются в коллекциях обоих слоев, а также в коллекции местонахождения Мерсына (рис. 33: 1, 2). Это очень показательные формы орудий. Прочие изделия из кости менее выразительны (рис. 34) и могли использоваться как грубые проколки (рис. 35: 1, 2).

Каменная индустрия слоя III

Коллекция каменных изделий слоя III грота Старые Дуруиторы численно значительно превосходит коллекцию слоя IV. Здесь найдено 1373 экз. каменных изделий, состоящих из орудий, нуклеусов, отщепов и осколков. Мы не включили в это число около пяти тысяч экземпляров кремневых предметов, поверхность которых сильно окатана, края сбиты и не всегда имеют какие-либо выраженные признаки искусственного скалывания, такие как ударный бугорок, ударная площадка, четкие негативы ранее сколотых отщепов на спинке. Эти предметы не поддаются четкой диагностике по причине их чрезмерной окатанности и забитости краев. По заключению А. С. Семенова, все они окатаны водным потоком. Тем не менее, данные артефакты не были принесены извне водным потоком, как предполагал геолог В. Ф. Петрунь. Они были окатаны непосредственно в гроте, а заготовки кремня, как показал осмотр окрестностей, были доставлены в грот человеком. К тому же на поверхности террасы, в цоколе которой выработан грот, вообще не найдено никаких кремневых изделий.

В качестве сырьевого материала обитатели нижних слоев грота Старые Дуруиторы использовали в основном кремнь и в меньшей степени кварцит, яшму, кварц, песчаник (табл. 13). Отмечено, что в третьем слое преобладают изделия из кремня черного цвета, который по качеству несколько лучше серого. Источники такого сырья, по-видимому, те же, что и у самых ранних обитателей грота — меловые отложения с кремневыми желваками и гравийные прослойки в основаниях более высоких террас Прута и его притоков.

Довольно большой процент нуклеусов — 17,3, а также наличие мелких сколов и чешуек в культурном слое свидетельствуют, что обитатели третьего слоя, как и четвертого, первичное расщепление камня и изготовление орудий производили на месте стоянки, непосредственно в гроте. Правда, здесь нельзя исключать, что в каменных индустриях тайякского технокомплекса постоянно, как и в более древнее время раннего палеолита, широко использовались естественные обломки камня. Этот показатель, наряду с выразительной клектонской технологией первичного раскалывания камня, позволяет рассматривать тайякский технокомплекс как периглитичный ранний палеолит.

Таблица 13

Анализ сырьевого материала слоя III

Материал	Количество	%
Кремнь	1331	96,9
<i>(в том числе черный)</i>	<i>(794)</i>	
<i>(в том числе серый)</i>	<i>(535)</i>	
Кварцит	35	2,5
Яшма	5	0,4
Кварц	1	0,1
Песчаник	1	0,1
Всего	1373	100

Теперь представим характеристику техники расщепления камня, описание нуклеусов, отщепов и типологической классификации орудий нижнего слоя грота.

Нуклеусы. В третьем слое найдено 222 нуклеуса, которые подразделяются на следующие типы:

1. Многогранники — 89 экз. (40%);
2. Одноплощадочные — 30 экз. (13,5%);
3. Двуплощадочные — 11 экз. (5%);
4. Дисквидные — 26 экз. (11,7%);

5. Протолеваллуазские — 5 экз. (2,2%);
6. Грубопризматические и призматические — 10 экз. (4,5%);
7. Атипичные — 51 экз. (23%).

1. *Многогранники*. Это самая многочисленная группа нуклеусов, характерная для раннепалеолитических памятников с амфорной индустрией. У этих нуклеусов, как правило, нет специально выработанной ударной площадки и каждый предшествующий скол служил площадкой для последующего. Наиболее распространенная форма — шаровидная и кубовидная, но от шаровидных нуклеусов они отличаются по характеру скалывания; негативы на их поверхности более крупные и глубокие (рис. 36: 1, 2, 5, 6).

2. *Одноплощадочные нуклеусы леваллуазского типа*, единственная ударная площадка которых образована одним, реже двумя явными сколами без дополнительной подправки (рис. 36: 7). Почти все нуклеусы этого типа грубые, массивные, на их рабочей поверхности сохранились рельефные негативы сколотых отщепов с глубокой лункой. Размеры нуклеусов небольшие, самые крупные имеют в поперечнике 5–6 см, более мелкие — 3–4 см.

3. *Двуплощадочные нуклеусы* с хорошо выраженными ударными площадками, расположенными наискось друг к другу, перпендикулярно или на противоположных концах. Некоторые экземпляры напоминают леваллуазские типы с уплощенным скалыванием, другие — грубопризматические нуклеусы. Негативы на рабочей поверхности таких нуклеусов короткие, широкие и рельефные с глубокой лункой в месте удара.

4. *Дисковидные нуклеусы* представлены также большой серией и подразделяются на два подтипа: односторонние и двусторонние. Преобладает подтип односторонних нуклеусов — 17 экз., чья рабочая сторона носит следы-негативы сколотых отщепов подтреугольной формы с крупным ударным бугорком (рис. 36: 4). Скалывание производилось в радиальном направлении от края к центру, в большинстве случаев по всему периметру. Тыльная сторона большинства предметов покрыта желвачной коркой и лишь у отдельных нуклеусов с этой стороны снято один-два скола, скорее всего, с целью подправки края нуклеуса — ударной площадки. Размеры односторонних дисковидных нуклеусов небольшие — 40–60 мм в диаметре и только у одного диаметр достигает 105 мм. Двусторонних дисковидных нуклеусов — 9 экз. Их рабочие части расположены на противоположных плоскостях. Во всем остальном они ничем не отличаются от вышеописанных односторонних. Следует только отметить, что эти нуклеусы сильнее сработаны, поэтому, очевидно, и размеры их меньше — 30–50 мм в диаметре.

5. *Протолеваллуазские нуклеусы* представлены различными типами, выделенным Ф. Бордом. Первый экземпляр представляет собой расколотую пополам продольно гальку овальной формы. Верхняя часть ее снята несколькими сколами и превращена в ударную площадку, с которой снят

только один леваллуазский отщеп овальной формы. Два предмета имеют как бы специальное оформление черепаховидного нуклеуса для скалывания одного отщеп леваллуазского типа. Оба экземпляра могут быть описаны как одноплощадочные (рис. 36: 7).

6. *Грубопризматические и призматические нуклеусы*. Они только в самых общих чертах напоминают призматические нуклеусы позднего палеолита. С их рабочей поверхности скалывались отщепы подтреугольной формы и только изредка пластины и пластинчатые отщепы. Восемь предметов относятся к подтипу одноплощадочных и только два имеют две ударные площадки, расположенные на противоположных концах. Размеры этих нуклеусов небольшие — 40–60 мм в поперечнике, хотя многие из них находятся в первоначальной стадии расщепления (рис. 39: 6).

7. *Атипичные нуклеусы*, большинство из которых могут быть названы нуклеусами только условно. В действительности это небольшие куски кремня со следами-негативами сколотых отщепов. Одни предметы имеют следы снятия только одного отщеп, другие — нескольких. Последние только отдаленно напоминают другие типы нуклеусов. Встречаются и куски кремня, явно подготовленные для расщепления, хотя ни одного скола с их поверхности не отделено.

У одной кварцевой гальки продолговато-округлой формы концы сколоты и превращены в ударные площадки. Однако первая попытка отделить с ее поверхности отщеп не увенчалась успехом и первобытный мастер, который, как видно, плохо знал породы камня, вынужден был ее отбросить. Другая галька — яшмовая, также округлой формы, была расколота пополам. Плоскость скола была использована в качестве ударной площадки, по которой были нанесены два удара, позволившие отделить лишь небольшой отщеп и раскрошившие край «нуклеуса».

В целом для нуклеусов этого слоя типичны почти все признаки, которые выявлены для нижележащего слоя. Здесь также часто остаточные ядрища использовались в качестве орудий, что в определенной мере указывает на недостаток сырья. Возможно, это свидетельствует о том, что люди жили здесь в зимнее время, когда источники сырья были недоступны, будучи погребенными под снегом.

Отщепы. Как и в слое IV грота Старые Дуруиторы, в слое III большая часть коллекции каменных предметов состоит из отщепов. Большинство из них имеют фасетки ретуши, которая могла быть как намеренной, так и получившейся естественным образом. Отщепы этого слоя никак не отличаются от отщепов лежащего ниже слоя IV. Здесь много окатанных предметов, в том числе и весьма сильно окатанных. Их реальные размеры приведены в табл. 14.

Таблица 14

Размеры отщепов и пластин слоя III

Длина в см	Все сколы, включая фрагменты		Только целые изделия	
	Количество	%	Количество	%
До 3	273	36,8	68	24,2
До 4	185	24,9	56	20,0
До 5	154	20,7	76	27,0
До 6	82	11,0	42	15,0
До 7	32	4,5	26	9,2
До 8	10	1,3	7	2,5
Более 8	5	0,6	5	1,7
Всего	741	99,8	280	99,6

Как и в нижележащем слое, здесь абсолютно преобладают отщепы и пластины мелких размеров. Из них предметов более 5 см — свыше 82% для всех сколов и более 71% — для целых. Для вычисления индекса (коэффициента) массивности измерены параметры 194 только целых предметов и получены следующие данные: средняя длина отщепов равна 37,8 мм, средняя ширина — 33,8 мм, средняя толщина — 12 мм.

$$\text{Удлиненность } A = \frac{A \times 100}{B} = \frac{37,8 \times 100}{33,8} = 111,9.$$

$$\text{Сечение } S = \frac{D \times 100}{B} = \frac{12 \times 100}{33,8} = 35,5.$$

$$\text{Массивность } M = \frac{S \times 100}{A} = \frac{35,5 \times 100}{111,9} = 31,7.$$

Отсюда следует, что индустрия этого слоя, как и слоя IV, относится к индустриям со слабоудлиненными и супермассивными сколами. Основные технические показатели заготовок третьего слоя грота отражены в табл. 15.

Таблица 15

Показатели техники первичного расщепления слоя III¹⁰

Изделия	Ударные площадки						точечные	с коркой
	гладкие		подправленные					
	косые	прямые	фасетированные		двугранные			
			косые	прямые	косые	прямые		
Отщепы	154	65	24	3	49	5	28	42
Пластины	—	1	1	1	—	—	—	1

¹⁰ В таблицу не включены 410 отщепов и 3 пластины, у которых ударная площадка не сохранилась.

Исходя из этих данных, вычисляем индексы:

$$IL = \frac{3 \times 100}{787} = 0,3.$$

$$IF = \frac{81 \times 100}{374} = 21 \text{ (индекс подправки ударных площадок — широкий).}$$

$$IF_s = \frac{27 \times 100}{374} = 7,2 \text{ (индекс подправки ударных площадок — узкий).}$$

$$I_{lam} = \frac{4^{0 \times 100}}{787} = 4,9 \text{ (индекс пластин).}$$

Индекс техники леваллуа установлен на основании 3 типичных предметов. Два из них имеют небольшие размеры и удлиненные формы (рис. 40: 2, 3). Видеть в них инородную примесь сложно, потому что они имеют хорошую сохранность. Возможно, к числу леваллуазских отщепов можно было бы отнести три атипичных обломка небольших размеров. Однако их размеры и фрагментарность заставляют воздержаться от этого.

В целом индексы пластин, подправки ударных площадок и леваллуа весьма низкие. Пластин, среди которых преобладают массивные, менее 5%. Среди отщепов с сохранившимися ударными площадками у 80% они гладкие. Отщепов со скошенными ударными площадками около 70%, а у большинства из них угол между плоскостью брюшка и ударной площадкой составляет 110–120%. Общий индекс клеттона равен почти 60%. Характерной чертой абсолютного большинства отщепов третьего слоя, как и четвертого, можно считать наличие ретуши по краям. Из 1151 предметов только 117 не имеют ретуши, остальные, как считал Н. А. Кетрару, являются орудиями со следами вторичной обработки или ретуши, получившейся в процессе утилизации. Тем не менее, никак нельзя исключать того, что значительная часть этой «ретуши» — следы повреждений в слое. Правда, если учитывать только пещерные памятники, то присутствие подобных отщепов весьма распространено. В частности, в лежащем ниже слое IV, где эрозия не достигала того уровня, как в слое III, отмечается подобное явление.

Типологическая классификация орудий слоя III грота Старые Дуруиторы

Острия псевдолеваллуа представлены 4 экз. Это сколы правильной треугольной формы, у которых ось острия не совпадает с осью скалывания отщепа. Только у одного предмета оба края имеют участки противоположащей ретуши.

Остроконечник представлен одним атипичным орудием на массивном отщепе со слабо ретушированными краями, ударная площадка которого преобразована ретушью в скребковидное орудие (рис. 26: 1).

Скребла. В коллекции третьего слоя выделено 42 скребла, из которых немало атипичных изделий.

Скребла простые прямые (racloirs simples droits) — 7 экз. Некоторые из них были комбинированными орудиями. Одно скребло сделано в сочетании с клювовидным острием. Последнее выделено рабочим краем скребла и ретушированной выемкой на конце отщепе. Жальце острия подправлено с нижней плоскости двумя мелкими сколами. Еще одно скребло на массивном отщепе небольших размеров сочетается с клектонским выемчатым орудием (рис. 40: 1).

Скребла простые выпуклые (racloirs simples convexes) — 18 экз. (рис. 37: 10). Два изделия сделаны из отщепов с высокой спинкой, рабочий край которых имеет дугообразную форму и обработан чешуйчатой ретушью (рис. 38: 1). Два орудия относятся к типу комбинированных — это скребла-клювовидные резачки.

Скребла простые вогнутые (racloirs simples concaves) — 3 экз. Они весьма разнообразны и ничем не отличаются от таких же скребел лежащего ниже слоя (рис. 37: 12).

Скребло двойное вогнуто-выпуклое (racloir doubles concave-convexe). Имеется только один экземпляр, который изготовлен на небольшом, но массивном отщепе. Оба рабочих края этого скребла оформлены грубой чешуйчатой ретушью (рис. 37: 11).

Скребла двойные двояковыпуклые (racloirs doubles biconvexes) — 2 экз. Одно скребло сделано из тонкого кремневого отщепе овально-округлой формы, другое — из такого же кварцитового отщепе.

Скребло конвергентное (racloir convergent droit) представлено всего одним изделием. Оно является комбинированным орудием, где скребло сочетается со скребком на площадке отщепе (рис. 39: 3).

Скребло угловатое (racloir déjeté). Изготовлено на относительно крупном и массивном обломке кремня. Это единственное орудие можно считать атипичным (рис. 38: 2).

Скребло поперечное выпуклое (racloir transversoux convexes). Этот тип скребел представлен лишь одним изделием, изготовленным на крупном кварцитовом отщепе. Его рабочий край выделен полукрутой систематической ретушью (рис. 29: 7).

Скребло поперечное вогнутое (racloir transversoux concaves) напоминает выемчатое орудие и отличается от них наличием сплошной ретуши по рабочему краю.

Скребла с ретушью с брюшка (racloirs sur face plane) — 6 экз. Все они обычны для орудий этого типа. Одно из них изготовлено на небольшом реберчатом отщепе (рис. 31: 6).

Скребло частично двустороннее (racloir bifaciale). Представлено единственным предметом, чье выпуклое лезвие выделено ступенчатой ретушью типа кина.

Скребки (grattoirs typiques et atypiques) — 59 экз. Они подразделяются на 4 группы: 1) *концевые* на отщепе и реже обломках — 24 экз. (рис. 27: 1–3); 2) *карене* — 11 экз. (рис. 40: 8); 3) *«с носиком»* (à museau) — 11 экз. (рис. 39: 7) и 4) *атипичные* — 13 экз.

Среди скребков «à museau» особенный интерес представляет скребок на площадке, изготовленный на массивном реберчатом отщепе (рис. 31: 5). Очень важно присутствие в коллекциях обоих слоев так называемых «ориньякоидных» скребков — рабо (рис. 29: 4), каренэ и «с носиком», которые обычны в тайякских комплексах. На их присутствие в коллекциях слоев II и III известной стоянки Ля Микок указывал еще Д. Пейрони, сопоставлявший их с аналогичными скребками ориньяка (Peugny 1938: 268). В качестве дополнительного примера укажем на индустрию пещерной стоянки Caune de l'Arago, которая была отнесена А. де Люмлеем к архаичному тайяку. Здесь эти формы, особенно «à museau», многочисленны и выразительны (Svoboda 1980: 28). Данные типы скребков широко распространены в среднепалеолитических индустриях Пруто-Днестровского междуречья, культурно-генетически связанных с дуруиторским комплексом (Анисюткин 2001–2002; 2011).

Резцы атипичные (burins atypiques) — 5 экз. Это различные отщепы с одним невыразительным резцовым сколом. Их рабочий край обычно имеет следы сработанности. Отдельные резцовые сколы, часто плоские, прослеживаются на углах ряда изделий. В основном это атипичные изделия (рис. 39: 5).

Проколки (persoirs typiques et atypiques). В коллекции слоя III их 19 экз. 4 из них относятся к типичным образцам, у которых жальце обработано мелкой ретушью со спинки. Две проколки сделаны из пластинок.

Ножи с ретушированной спинкой — 5 экз. Это, как и в нижележащем слое, преимущественно реберчатые отщепы (рис. 30: 4). Спинки или обушки этих ножей часто имеют крутую встречную ретушь.

Ножи с естественной спинкой (couteaux à dos naturel) — 9 экз. У этих предметов один естественно острый край отщепе служит лезвием ножа, а противоположный, покрытый коркой, является спинкой. Для их изготовления часто использовались долечные отщепы. Лезвия большинства ножей имеют микроретушь или следы утилизации.

Скреблышки (raclettes) — 14 экз. Это маленькие скреблышки, вернее, мелкие отщепы, один край которых обработан мелкой и крутой (жемчужной) ретушью. Не исключено, как считает один из нас, что некоторые из этих форм естественные, связанные с повреждениями в слое.

Отщепы усеченные (eclats tronqués) — 7 экз. Все они являются отщепами, у которых конец срезан крутой ретушью (рис. 31: 1).

Выемчатые орудия (outils à encoche) — 138 экз. Они подразделяются на клетонские и простые. Два из них, со смежными выемками, могут рассматриваться как клювовидные острия.

Зубчатые орудия (outils denticulés) — 156 экз. Они составляют самую большую группу орудий третьего слоя грота Старые Дуруиторы (рис. 40: 5; 41: 1, 3). Рабочий край этих орудий состоит из серии мелких и крупных выемок, образующих зубчатое лезвие. Часто встречаются изделия, у которых кроме зубчатого края имеются небольшие ретушированные выемки на отщепе. Отмечены формы с ретушированными крутой ретушью обушками (рис. 40: 6).

Резцевидные острия (becs burinantes) — 18 экз. Для них характерно выделение острия, зачастую очень короткого, противоположащей ретушью. Данные формы встречаются не только в среднем палеолите, но и в верхнем (Bordes 1961: 37). Они могут восприниматься как различные острия (рис. 40: 4).

Отщепы различного типа, включая предметы с противоположащей крутой ретушью. Они составляют довольно большую серию изделий — 117 экз. И в то же время их можно было бы считать просто отщепами с ретушью. Подобная ретушь характерна и для многих окатанных орудий, где она часто тянется по всему периметру изделий. Многие из них, как представляется, не являются изделиями человека. Правда, в этой связи следует обратить внимание на наличие немногочисленных аналогичных форм в слое IV, где естественные повреждения в слое менее выражены.

Сколов различного типа с **двусторонней прерывистой ретушью** — 13 экз.

Остроконечники тайякские (points de Tayac) — 5 экз. Они все изготовлены из отщепов и обычно не являются многочисленными (рис. 39: 1).

Рабо (rabort) — 2 экз. (рис. 29: 4). Эти орудия напоминают крупные скребки высокой формы, массивные, изготовленные на нуклевидных обломках с четко выделенными рабочими краями. Они, как отмечал Ф. Борд, относятся к весьма редким орудиям, встречающимся в мустье (Ibid: 38).

Особые типы орудий (outils divers). Большая серия орудий третьего слоя грота Старые Дуруиторы — 98 предметов — не вписывается в типологический лист Ф. Борда. Однако эти орудия широко распространены в индустриях тайякского облика Пруто-Днестровского междуречья.

1. **Клювовидные острия обычные** — 21 экз. Они напоминают резцевидные острия, однако их острие выделено не противоположащей, а обычной ретушью, у 16 предметов со спинки, у пяти — с брюшка. Иногда они изготовлены из мелких галек яшмы или кремня (рис. 31: 4).

2. **Клювовидные острия массивные** — 17 экз. Для этих изделий характерно выделение массивного выступа, иногда отретушированного двумя выемками, расположенными почти симметрично на противоположных краях отщепе.

3. **Острия «дуруиторского типа»** — 10 экз. На конце или на одном крае укороченного отщепе с двумя выемками выделяется выступ острия, подправленный продольно или поперечно одним сколом. Выемки клетонские или обычные (рис. 27: 4). Наиболее выразительные острия (ножи, по мнению В. Н. Гладиллина) «дуруиторского типа» пока что известны только в тайякском комплексе Мерсыны (Кетрару, Анисюткин 1967: 28–30). Одно изделие подобного типа, но как элемент скребла, найдено в нижележащем слое.

4. **Скребки на ударных площадках отщепов** — 18 экз. (рис. 28: 2; 29: 6; 31: 5). Это наиболее характерные и весьма выразительные орудия, которые в Молдавии продолжали существовать даже в региональном верхнем палеолите. Они часто являются одним из элементов комбинированных орудий.

5. **Орудия с плечиками** — 6 экз. По форме они напоминают обычные острия, выделенные двумя выемками, расположенными на противоположных краях отщепе. Только в данном случае это не острие, а довольно широкий вытянутый выступ — «шип», иногда утонченный с какой-либо стороны отщепе одним или несколькими продольными сколами (рис. 37: 4).

6. **Клювовидные орудия — резаки** (bill-hook) — 13 экз. Их режущий край образован выемкой на одной стороне отщепе и подретушевкой его конца (рис. 32: 3, 7).

7. **Клювовидные орудия — резчики с рабочим краем на углу** — 6 экз. Эти изделия отличаются от вышеописанных только характером лезвия. Оно выделено на углу отщепе (рис. 41: 2). Их можно воспринимать как разновидность резаков.

8. **Долотовидные орудия** — 5 экз. Их рабочий край — лезвие — подготовлено двумя сколами. Такими же сколами с одной и другой стороны отщепе подправлено само лезвие.

9. **Ножи «понтийского типа»** — 2 экз.

Наиболее интересной категорией орудий слоя следует считать **бифасы**, которые представлены четырьмя изделиями. Три из них, изготовленные из кремня, найдены в южной камере, в пределах двух квадратов Б/12 и Ж/13. Один из бифасов обнаружен на кв. Ж/13 в верхней части слоя III, соответствующей так называемому галечнику (рис. 42: 1). Он окатан и покрыт серо-голубой патиной. Это орудие изготовлено из отщепе удлиненной формы. Оно отличается удлиненной заостренно-овальной формой

и интенсивно обработано с двух сторон уплощенной ретушью. Один из краев имеет ретушированную с двух сторон выемку, нанесенную на месте вероятного древнего облома, второй — равномерную зубчатую ретушь, следующую по краю вторично. Его поперечное сечение близко плоско-выпуклому. По форме и характеру вторичной обработки это орудие сопоставимо с бифасами таких стоянок регионального среднего палеолита, как Мамаю, нижний слой Стинки 1 и грот Буздужаны 1 (Анисюткин, 2005: рис. 43: 2, рис. 51: 3, 4). Причем все эти памятники существенно моложе дуруиторских форм. Самое раннее острие происходит из нижнего слоя Мамаи, которое, возможно, датируется рисс-вюрмским временем (Valoch 1993).

Два других орудия выявлены в нижней части слоя на кв. Б/12. Они лишены патины и практически не окатаны. Одно из них представляет миниатюрное рубильце, которое изготовлено из маленькой плоской гальки путем обработки с двух сторон частичной уплощенной и противоположащей ретушью (рис. 42: 2).

Еще один бифас, имеющий подтреугольную, угловатую форму (*déjeté*), обработан с двух сторон плоской ретушью (рис. 42: 3). Он может рассматриваться как листовидное острие с относительно тонким линзовидным сечением, напоминая *Faustkeilblatt* немецких исследователей (Bosinski 1967: 48). Еще одно крупное листовидное острие-бифас найдено в этом слое раньше. Края его оббиты частичной двусторонней ретушью (рис. 43: 1). Использование типичной плоской ретуши при изготовлении бифасов, возможно, указывает на то, что обитатели слоя III в совершенстве владели техникой изготовления этих орудий. Наличие данных форм при отсутствии переходных представляет особый интерес, указывая, возможно, на ашеломикокское влияние. Правда,стораживает единичная двусторонняя форма из слоя IV, которая в определенной мере напоминает неоконченное листовидное острие.

Этим мы заканчиваем описание изделий слоя III грота Старые Дуруиторы. Ниже приведем список орудий и их процентное соотношение.

Данные по индексам: IA^t — индекс ашельский общий = 3,1; IA^u — индекс ашельских унифасов = 2,7; IR — индекс скребел общий = 5,7; IS — индекс «шарантский» = 2,8; IV — индекс бифасов = 0,6; IT — индекс тайякский = 16,0.

Исходя из индексов, можно представить характерные группы: I — леваллуа — 0; II — мустье — 6,4%; III — верхнего палеолита — 13,3%; IV — зубчатая — 21,2%.

Основной (*essentiels*) индекс без отщепов псевдолеваллуа и с ретушью, которых в коллекции — 4 и 130 соответственно, т.е. 134, будет высчитываться от 582 орудий. Индекс скребел — 6,9%. Группа II — 7,1%; III — 16,9%; IV — 25,9%; IV — 0,6%.

Таблица 16

Общий список орудий слоя III

№ по Борду	Наименование орудий	Кол-во	%
5	Острия псевдолеваллуа	4	0,6
6	Остроконечник мустьерский	1	0,1
9	Скребла простые прямые	7	0,9
10	Скребла простые выпуклые	18	2,5
11	Скребла простые вогнутые	3	0,4
13	Скребло двойное прямо-выпуклое	1	0,1
15	Скребла двойные двояковыпуклые	2	0,3
19	Скребло конвергентное	1	0,1
21	Скребло угловатое	1	0,1
23	Скребло поперечное выпуклое	1	0,1
24	Скребло поперечное вогнутое	1	0,1
25	Скребла с ретушью с брюшка	6	0,8
28	Скребло с двусторонней ретушью	1	0,1
30–31	Скребки типичные и скребки атипичные	59	8,2
33	Резцы атипичные	5	0,7
34–35	Проколки типичные и атипичные	19	2,7
37	Ножи со спинкой атипичные	5	0,7
38	Ножи с естественной спинкой	9	1,3
39	Скреблышки (раклет)	14	2,4
40	Отщепы усеченные	7	0,9
42	Выемчатые орудия	138	19,3
43	Зубчатые орудия	156	21,8
44	Резцевидные острия, отделанные противоположащей ретушью	18	2,5
45–49	Сколы различного типа — с ретушью с брюшка, крутой и тупой, противоположащей крутой, мелкой крутой, мелкой противоположащей	117	16,3
50	Сколы различного типа с двусторонней прерывистой ретушью	13	1,8
51	Остроконечники тайякские	5	0,7
56	Рабо	2	0,3
62	Различные орудия	98	13,7
63	Бифасы	4	0,6
Всего		716	100,1

В данном случае композиция основных групп аналогична композиции из лежащего ниже слоя IV. Здесь именно группа IV, которая здесь несколько выше, нежели в слое IV, занимает первое место, затем следует группа III, а далее — группа II и бифасы. В отличие от лежащего ниже слоя здесь зубчатые орудия многочисленной выемчатых.

Каменная индустрия слоя III полностью тождественна индустрии из лежащего ниже слоя IV. Различия заключаются в наличии в слое IV типичных чопперов, а в слое III — бифасов, включая листовидные. Показательно присутствие в слое III листовидного остррия-бифаса удлиненной заостренно-овальной формы со скошенным основанием, типичной для стинковского преселета, достаточно широко распространенного в регионе (Анисюткин 2001; 2005). Листовидные остррия-бифасы, которых не найдено в нижнем слое, наиболее характерны для региональных комплексов, относящихся к среднему палеолиту и первой половине верхнего.

Можно ли видеть здесь начало зарождения этих форм? В данном случае, учитывая современное состояние источников, подобная постановка вопроса вполне реальна. Данное заключение можно, подчеркнем еще раз, подкрепить тем, что все бифасы из слоя III отличаются весьма совершенной технологией обработки. Так называемых «переходных форм» нет. Они внезапно обнаруживаются в виде законченных форм начиная именно со слоя III. Всё это, вероятно, указывает на стимулированное развитие, связанное с аккумуляцией.

Однако вполне можно рассматривать данные бифасы как инородную примесь, связанную с горизонтом так называемого «галечника», являющегося верхней частью слоя III, где каменные артефакты выявлены в переотложенном состоянии. В нем вполне могли находиться уничтоженные водными потоками слои с артефактами ископаемых людей, которые в благоприятные периоды неоднократно могли посещать грот и использовать его в качестве убежища для остановок охотников. Однако на этот вопрос сейчас сложно дать однозначный ответ. Анализ индустрии не позволяет обнаружить здесь очевидной примеси в виде типичных каменных изделий ни мустьерского облика, ни верхнепалеолитического. Всё это указывает на то, что если предполагаемая примесь и могла существовать, то она была ничтожной. Возможно, она свидетельствует о присутствии здесь кратковременных охотничьих лагерей.

Определенной «зацепкой» можно считать присутствие в слое окатанного листовидного остррия-бифаса типично стинковской формы. Это орудие имеет удлиненную заостренно-овальную форму, массивное поперечное сечение и специально выделенное скошенное основание, а наибольшая ширина находится в нижней трети изделия. Все эти признаки являют-

ся основными для листовидных остррий из нижнего слоя Стинки 1 (Там же: 118–119). Аналогичные формы найдены также в коллекциях дуруиторо-стинковского единства, в частности в комплексе Мамай, а также в слое 6 грота Буздужаны 1. В данном случае важно отметить, что листовидное острие из слоя III обнаружено непосредственно в так называемом «галечнике», где в переотложенном состоянии могло быть сосредоточено несколько различных по продолжительности горизонтов обитания, происходящих из размытых слоев. Отсюда можно заключить, что если такая примесь и могла иметь место, то, без сомнения, речь должна идти о сходных индустриальных комплексах, относящихся к дуруиторо-стинковскому единству. Вполне возможно, что грот могли иногда посещать древние охотники и в начале позднего плейстоцена, во время коротких по продолжительности благоприятных периодов. Правда, считать все листовидные бифасы более поздней примесью нельзя, потому что два типичных бифаса, весьма совершенных по формам и вторичной обработке, обнаруженные в нижней части слоя III, находились в непереотложенном положении. Отсюда можно сделать вывод о принадлежности этих форм к тайякскому технокомплексу.

Кстати, бифасы листовидных форм, достаточно совершенные по обработке, известны в тайякском слое грота Бом Бон, где их обнаружено 6 экз. (Lumley 1969; Lumley 1976b). Там они рассматриваются в качестве неожиданного явления. Напротив, на территории Пруто-Днестровского междуречья листовидные остррия-бифасы, напомним еще раз, весьма распространены в комплексах среднего и начального верхнего палеолита.

Кремневые изделия из траншеи с костями мамонта, расположенной севернее скального массива с гротом

В 1973 г. были проведены небольшие разведочные раскопки на месте находок костей мамонта, выявленных в небольшом овраге севернее грота у подножья многометрового обрыва скального цоколя более высокой террасы. В лессовидном суглинке вместе с костями было найдено десять кремневых предметов архаичного облика. В их числе были лимас, скребло ретушированное с брюшка на отщепе, зубчатое скребло на мелком реберчатом отщепе, скребок на площадке отщепа, пластинка и отщеп с ретушью, а также четыре отщепа (рис. 44). Изделия не были окатаны, имели слабую бело-голубую патину и отличались удовлетворительной сохранностью. Позднее, во время собственных раскопок костей мамонта на этом же местонахождении, палеозоолог Т. Обада нашел среди костей мамонта кремневый нож на отщепе с микрозубчатой обработкой лезвия (Обада 2014). Мамонт, определенный на данном местонахождении, а позднее и в коллекции из грота (Obada, David 2008), принадлежал

к более примитивной форме, которая существовала в рисское время. Последний, как пишет Т. Обадэ, существовал 470–130 тыс. лет назад (Obada 2014: 146), т.е. в среднем плейстоцене. Не исключено, что этот мамонт был убит древними людьми, обитавшими в гроте, когда формировались нижние слои III и IV (Обадэ 2014). Небольшая коллекция каменных изделий имеет сумму признаков, сопоставимых с каменными изделиями из нижних слоев грота. Не исключено, что это место перспективно для дальнейших раскопок. Возможно, здесь имела место облавная охота на мамонтов.

Глава 7. Место тайяка из нижних слоев грота Старые Дуруиторы в раннем и среднем палеолите Европы

Анализ каменных индустрий из нижних слоев грота показал полную идентичность их технико-морфологических показателей. Различия можно считать ничтожными. Как уже отмечалось выше, в слое IV найдена серия чопперов, а в слое III — несколько бифасов, включая листовидные. Почти все статистические показатели на удивление одинаковы. Это же касается и общей композиции индустрий, где преобладают выемчатые и зубчатые орудия, а клювовидные формы и массивные скребки многочисленны и типичны. В данном случае полезно помнить о том, что эти индустрии происходят из слоев разной степени сохранности. Поэтому связывать сохранность артефактов из слоя III только с особой сохранностью отложений неверно. Достаточно кроме статистики указать также на наличие в этом слое хорошо сохранившихся кремневых изделий. Совокупность же технико-морфологических показателей вообще характерна, как уже ранее отмечалось, для тайякского технокомплекса.

Для наглядности сопоставим некоторые количественные показатели нижних слоев грота Старые Дуруиторы с показателями клетонских комплексов рисского времени, которые аналогичны тайякскому технокомплексу Западной Европы. Для сравнения используем опубликованные данные из классических памятников Франции, включая нижние слои гротов Ля Микок, Бом Бон, комплекс открытой стоянки Сант-Анне д'Эвеноз и стоянки Котте (Bordes, Bourgon 1951; Bourgon 1957; Lumley 1969; Callow, Cornford, 1986) (табл. 17).

Из анализа таблицы следует, что практически все тайякские комплексы имеют сходные показатели, соответствуя индустриям одного типа с низкими индексами леваллуа, подправки площадок (широкое фасетирование), пластин. Всюду очень низок процент леваллуа. Исключение составляет комплекс Бом Бон, где индекс леваллуа несколько повышен, но в любом случае он ниже 20%, а это указывает на то, что это не левалуазская индустрия. В слое же 4 грота Ля Микок заметное место занимают бифасы. По показателю скребел видно отчетливое сосуществование двух групп, соответствующих подразделению тайякского технокомплекса на два типа — эвенозьян и протошарантъен. Близок эвенозьяну комплекс из слоя G стоянки Ла Котте.

Таблица 17

**Сравнение комплексов тайякского технокомплекса Европы
и каменных индустрий из нижних слоев грота Старые Дуруиторы, %**

Комплексы	II	IF	I _{am}	IR (ess)	IV(ess)	III (ess)	IB (ess)
СД-IV	0,8	18,6	3,5	9,5	16,3	11,3	0,4
СД-III	0,3	21	4,9	6,9	25,9	16,9	0,6
С-АЭ	7,0	23	9,4	10,2	18,7	15,1	0
М3b	0,2	27	2,5	9,0	19,4	?	1,3
М4b	0,8	24	2,8	27,6	18,0	?	5,4
Бом Бон	11,4	19,5	2,2	50,1	16,2	7,8	1,2
Ла Котте G	2,3	35,9	4,6	11,8	33,2	11,3	0
Кетросы 1	21	43	12	36,6	14,1	5,0	0,8

Правда, здесь полезно отметить, что при интерпретации тайякских индустрий из разных слоев грота Ля Микок некоторыми французскими исследователями были использованы такие термины, как «премутье» или «примитивное мутье». Каменная индустрия слоя 5 рассматривается даже как ашельская (Guichard 1976: 909–911). Сходный же ашель, отнесенный к так называемому «южному ашелю», с преобладающими клектонскими отщепами и преимущественно аморфными бифасами, которые сопровождалась чопперами и относительно обильными верхнепалеолитическими формами, выявлен в нижних слоях гротов Комб Греналь и Пеш дель Азе (Ibid: 909–912; Bordes 1972: 22–23). Этот комплекс, как и тайяк, в большей мере сходен с английским клектоном (Ibid: 22), чем с рисским ашелем типа Лазаре, где индустрия на отщепках, сопровождаемая типичными ашельскими бифасами, имеет явно мутьерский облик (Lumley et al. 1976b: 62–63). Клектонский характер индустрии является практически общим для всех слоев грота Ля Микок, кроме самого верхнего слоя 6, каменная индустрия которого относится к микоку. В данном случае протошарантьен характеризуется прежде всего обилием характерных для мутье скребел, изготовленных на массивных клектонских отщепках, что делает его похожим на архаичное мутье типа кина. Что касается «южного ашеля» из отмеченных выше гротов, то его индустрия может рассматриваться как специфическая, сохраняющая общие признаки с обоими технокомплексами.

Особое место занимает комплекс Ла Котте де Сант-Брелад (La Cotte de Saint-Brelade), обнаруженный на острове Джерси (Callow, Cornford 1986). Французские исследователи, основываясь на обилии в слое G зубчатых орудий, рассматривают данную индустрию как «зубчатое мутье» (Thiebaut 2005). В этой связи особое удивление вызывает очень древнее стратиграфическое положение слоя, перекрытого культурными слоями D,

E, F с индустриями премутье, имеющими абсолютную ГЛ дату 238 +/- 35 тыс. лет назад, а также лежащим выше культурным слоем С с комплексом позднего ашеля. Вся эта литологическая толща сформирована во время изотопно-кислородной стадии 7 (Ibid: 10–17). Комплекс каменных орудий из слоя G стоянки Ла Котте имеет заметное сходство с комплексом из нижних слоев грота Старые Дуруиторы. Здесь также обнаружены не только аналогичные выемчатые и зубчатые орудия, но и такие характерные дуруиторские формы, как высокие скребки «с носиком» (Callow, Cornford 1986: Fig. 26, 7: 9), ножи с ретушированными обушками (Ibid: 27, 8: 1), а также, возможно, клювовидные орудия типа bill-hook. Сколы, из которых изготовлены различные орудия, имеют преимущественно мелкие размеры. Среди них много комбинированных форм. В коллекции преобладают массивные отщепы, но малочисленны пластины и сколы леваллуа. В этой связи отнесение данной индустрии к зубчатому мутье можно считать более чем условным.

По композициям характерных групп орудий дуруиторский комплекс, подчеркнем еще раз, аналогичен эвенозьеу (С-АЭ, М-3b), но отличается от протошарантьена, представленного в нашем случае индустриями Бом Бона и Ля Микока 4b, где первое место занимают различные скребла. В эвенозьеу относительно многочисленны верхнепалеолитические формы, включая скребки каренэ и рабо. Показательно, что найденные в дуруиторской индустрии чопперы имеют, подобно, эвенозьеу двустороннюю обработку, сопоставляясь тем самым с чоппингами. Полной противоположностью тайякским индустриям Европы является комплекс типичного мутье стоянки Кетросы 1, где существенно выше индексы леваллуа, подправки площадок и пластин.

Вопреки широко распространенному среди восточноевропейских исследователей мнению о существовании особой «тейякско-зубчатой» индустрии, необходимо отказаться от данного понятия. Важно еще раз напомнить, что тайякский технокомплекс не обязательно является «зубчатым». Об этом свидетельствуют относительно невысокие индексы подлинных зубчатых орудий во многих тайякских индустриях. Показательно, что соотношения между выемчатыми и зубчатыми орудиями, выявленными в коллекциях слоев III и IV грота Старые Дуруиторы, разные.

Примененные Н. К. Анисюткиным метрические оценки индустрий Франции, частично заимствованные из монографии М. Бургона (Bourgon 1957), показали, что индустрии из нижних слоев грота Ля Микок постоянно имеют очень высокий коэффициент массивности, отчетливо сопоставимый с дуруиторскими (Анисюткин 1968: 6). Этот показатель стабильно высок для всех комплексов данного типа и является весьма показательным.

Убедительный пример замены клектонской технологии леваллуазской дает тайякский комплекс грота Фонтешвад. Здесь наблюдается заметное увеличение процента отщепов с практически прямыми ударными площадками и уменьшение сильно скошенных, прослеженных от самого нижнего тайякского горизонта к самому верхнему, т.е. выявляется процесс мустье-ризации. Обратимся к анализу табл. 18, основанной на материалах монографии Ж. Анри-Мартэн (Henri-Martin 1957: 102).

Таблица 18

Динамика изменчивости углов скальвания отщепов в индустрии грота Фонтешвад

Слой/угол скальвания	90–100°	>100–110°	>110–120°	>120°
E° количество и процент	41 (41%)	41 (41%)	18 (18%)	0
E ¹ количество и процент	30 (15%)	49 (24,5%)	116 (58%)	5 (2,5%)
E ² количество и процент	12 (6,3%)	42 (22,1%)	119 (62%)	17 (8,9%)

Приведенные данные отчетливо показывают процесс изменения техники первичного расщепления камня. В данном случае уменьшение процента скошенных ударных площадок сказывалось на уменьшении общей массивности изделий и увеличении пластинчатости отщепов, среди которых многие относятся к леваллуазским. Ж. Анри-Мартэн специально отмечала появление типичных отщепов леваллуа, начиная только со слоя E¹ и увеличение их процента выше по разрезу (Ibid: 168). Здесь важно, что все каменные изделия происходят из горизонтов, являющихся остатками сезонных стоянок в гроте. Подобное явление было, видимо, широко распространено в Европе, где тайякские комплексы не переживают последнее (рисс-вюрмское) оледенение.

В настоящее время дуруиторская индустрия представлена несколькими памятниками, открытыми в разные годы, которые дают очень важные данные, позволяющие более глубоко и разносторонне рассмотреть проблему тайяка в Восточной Европе. Новые памятники, обнаруженные в регионе, по целому ряду показателей практически полностью соответствуют комплексу из нижних слоев грота Старые Дуруиторы. На этом основании выделяется **дуруиторская группа**, памятники которой распространены на относительно небольшой территории Днестровско-Прутского междуречья, включая долины рек Днестра и Прута. В долине Прута, недалеко от грота Старые Дуруиторы, расположено местонахождение Мерсына с многочисленным подъемным материалом (Кетрару, Анисюткин 1967). В долине р. Реут, являющейся правым притоком Днестра, обнаружено и изучено местонахождение Бобулешты 5 (Кетрару 1991). Непосредственно в среднем течении р. Днестр, близ г. Хотин, выявлено два местонахож-

дения — Осыпка и Шипот 2, а ниже по течению — Ярово и грот Выхватинцы (Кетрару 1973; Анисюткин 2001). Среди них стратифицированными являются местонахождения Осыпка, Шипот 2, Ярово, а также грот Выхватинцы. В нижнем слое последнего выявлена каменная индустрия тайякского типа. К сожалению, кроме местонахождений с подъемным материалом Мерсына, Бобулешты 5, где найдено около сотни изделий с вторичной обработкой, все они обладают относительно небольшими коллекциями каменных орудий.

Что касается хронологии названных выше памятников, то здесь остается пока много вопросов, а датировки их нередко носят в определенной мере вероятностный характер. В данном случае можно с полным правом говорить только об относительной геохронологии. Несомненно, надежно датированными можно считать, кроме грота Старые Дуруиторы, только два памятника — Шипот 2 и Осыпку. Они связаны с отложениями пойменного аллювия II надпойменной террасы Днестра, который геологи однозначно относят к самому началу вюрма, но не позднее первого интерстадиала амерсфорт, т.е. древнее 110 тыс. лет (Веклич 1968; Иванова 1982; Болиховская 1995; Адаменко и др. 1996). В этом случае мы сталкиваемся с существованием тайяка в самом начале вюрмского времени, что нехарактерно для европейских аналогий. Например, комплекс из нижнего слоя Выхватинцы датируется геологами рисс-вюрмским межледниковьем (Стратиграфия СССР 1982: 394). Этому не противоречит фауна. Здесь, в частности, нет костей северного оленя и прочих явно холодолюбивых форм. Находки остатков мамонта из грота, отнесенные А. И. Давидом к ранней форме, первоначально рассматривались В. И. Зубаревой в качестве архаичной формы *Elephas trogonterii*, характерной для хазарской фауны рисского времени (Борисковский 1953: 61). Более поздняя ревизия, предпринятая палеонтологом Т. Обадэ, установила здесь наличие лесного слона (*Paleoloxodon antiquus Falc.*)¹¹, обычного для рисс-вюрмского (эмского/микулинского) межледниковья (Алексеева 1980: 71). Предварительно к риссу можно отнести отложения местонахождения Ярово с относительно многочисленными кремневыми изделиями (Анисюткин 2001).

Таким образом, рассматриваемая группа памятников существовала, как свидетельствуют имеющиеся данные, от начала рисса до самого начала вюрма (амерсфорт). Причем, что очень важно отметить, комплексы с наиболее обоснованной геохронологией расположены на концах этой хронологической цепочки: грот Старые Дуруиторы является древнейшим, существуя в начале рисса, соответствуя ИКС 7–8, а местонахождения Осыпка и Шипот 2 — наиболее поздние, датируемые самым началом вюрма (ИКС 5d).

¹¹ Устное сообщение Т. Обадэ.

За данный огромный временной отрезок (270–110 тыс. лет) заметных эволюционных изменений не наблюдается. Во всяком случае, используемая нами для анализа система выявления степени развитости индустрий позволяет констатировать лишь аналогичность количественных показателей. Тем не менее наиболее архаичный облик имеют всё же индустрии из нижних слоев грота Старые Дуруиторы и Мерсына, где найдены чоперы и отмечены ударные площадки отщепов, разбитые сильными ударами при их отделении от ядрища, представленные не только округлым, но полным конусом. Также были обнаружены отщепы с противоположными ударными площадками. Эти признаки были наиболее характерны для индустрии нижних слоев грота Старые Дуруиторы, отсутствуя в коллекциях остальных местонахождений данного типа, но присутствуя в английском клектоне.

Для наглядности сопоставим технические показатели рассмотренных выше комплексов. В табл. 19 представлены комплексы с достаточным для статистики количеством изделий. Среди них оба слоя грота Старые Дуруиторы, местонахождения с подъемным материалом Мерсына и Бобулешты 5 и стратифицированные комплексы с территории Приднестровья, включая Ярово, Осыпку, Шипот 2 и нижний слой грота Выхватинцы.

В таблице даны только технические индексы — леваллуа (IL), широкого фасетирования (IF), пластин (I_{lam}) и клектона (ICl), обеспеченные для достоверных выводов необходимым количеством материала.

Таблица 19

Сопоставление показателей техники первичного расщепления тайякских комплексов с территории Пруто-Днестровского междуречья

Комплексы	IL	IF	I_{lam}	ICl
Старые Дуруиторы, слой III	0,3	21	4,9	60
Старые Дуруиторы, слой IV	0,8	18,6	3,6	60
Мерсына	1,9	18	3,6	50
Ярово	1,7	27	3,2	48
Выхватинцы, нижний слой	1,2	26	3,7	44
Бобулешты 5	2,0	28	3,5	47
Осыпка	0	18	3,3	51

Из анализа таблицы очевидно удивительное единообразие сопоставляемых количественных показателей. Это касается всех показателей, включая индекс массивности, который варьировал в максимальных пределах от 31 до 33. Показательно, что эти комплексы относятся к памятникам разной степени сохранности. Данное единообразие процентных показателей указывает на их значимость.

Индекс техники леваллуа для всех коллекций постоянно низкий, коррелируя с прочими техническими показателями. Он характерен для индустрий с преимущественно клектонской техникой расщепления камня. В этой связи интересно отметить, что в синхронных среднепалеолитических памятниках региона, относящихся к финальному ашелю и мустье, включая коллекции из южного комплекса Кишлянского яра и из комплексов стоянки Кетросы, где многочисленны клектонские отщепы, леваллуазская технология весьма востребована (Анисюткин 2001; 2013).

Столь же низким является и показатель пластин, который подобно клектонскому индексу проявляет удивительную стабильность, варьируя в пределах 3,2–4,3%. Он согласуется с низкими показателями подправки ударных площадок, где прием «тонкого фасетирования» находился в зачаточном состоянии. Сравнительно много в коллекциях двугранных площадок. Абсолютно господствуют массивные отщепы со скошенными и гладкими ударными площадками, которые принято называть «клектонскими». Они составляют в сравниваемых коллекциях обычно около половины всех отщепов с сохранившимися ударными площадками.

Большое количество отщепов с гладкими и скошенными ударными площадками является характерной чертой рассматриваемого единства. Подавляющее большинство подобных отщепов, где угол между плоскостями брюшка и площадки превышал 110° , были массивными и короткими, имели выпуклые и распространенные ударные бугорки, занимавшие часто более половины брюшка. Использованный в статье индекс «клектон» (ICl), впервые введенный в монографии Ж. Комбье (Combiere 1967: 27), довольно показателен, характеризуя индустрии с архаичной техникой расщепления. Исключением являются разновременные комплексы мустье типа кина, где подобные сколы являются заготовками для массивных скребел кина и полукина. В использованных нами работах французских исследователей, к сожалению, нет клектонского индекса. Поэтому мы не имеем возможности видеть его динамику на французских материалах. Тем не менее важно отметить, что в публикациях, посвященных тайякскому технокомплексу, постоянно отмечают общую массивность отщепов и близость этих индустрий клектону Англии (Breuil 1932; Bordes, Bourgon 1951: 21).

Наиболее вариабелен индекс подправки ударных площадок (широкое фасетирование), который имеет максимальное значение 28% и минимальное — 18%. Его повышение связано преимущественно с количеством двугранных ударных площадок. Последние особенно характерны для реберчатых сколов.

Полное сходство отмечается и в наборе орудий. Постоянно обильны выемчатые и зубчатые орудия при относительном изобилии скребков

и скребковидных форм. Скребла играют подчиненную роль, хотя среди них много типичных форм. Важно отметить, что данное единообразие никак не зависит от особенностей памятников.

Ряд исследователей обратили внимание на нередкие случаи обнаружения отчетливых мелких фасеток, систематически нанесенных по самой кромке гладких ударных площадок клетонских отщепов, где плоскость широкой площадки, примыкающая к спинке, находится под острым углом, уже поэтому создавая скребковидный профиль. В этом случае острая кромка, которая часто бывает как бы специально «заострена» со спинки предшествующим рельефным снятием, весьма удобна для скобления и использовалась для сходных целей. Как правило, в тех случаях, когда эти фасетки ретуши покрывают всю поверхность площадок, они часто срезают точки ударов, представленные преимущественно выразительными конусами, которые нередко были двойными и даже тройными. Так естественным образом появилась скребковидная форма на ударных площадках отщепов.

На подобное явление давно обратила внимание Ж. Анри-Мартэн при описании материалов их тайякских горизонтов грота Фонтешвад (Henri-Martin 1957). Она рассматривала данные изделия с фасетками по кромкам скошенных ударных площадок как своего рода скребковидные формы, которые (по ее данным) описывались как типичные орудия клетона Англии, соответствуя butt end scrapers английских исследователей (Ibid: 46–48). Скребки на площадках отщепов, которые одновременно также являются наиболее характерными орудиями дуруиторо-стинковского единства, в палеолите Восточной Европы впервые выделены на материалах Мерсыны еще в 1965 г. (Кетрару, Анисюткин 1967). Эти орудия встречены во всех комплексах дуруиторской группы.

В общем и целом, индустрии данной группы относятся к кругу зубчатых, где выемчатые, зубчатые и клювовидные орудия преобладают над остальными. Постоянно многочисленны орудия высоких форм (каренэ), изготовленные как на массивных обломках и осколках, так и на клетонских отщепах. Одной из особенностей дуруиторской группы является относительное обилие «верхнепалеолитических» форм орудий, но при малочисленности и атипичности резцов. В коллекциях постоянно преобладают массивные скребки, в частности так называемые ориньякоидные (caréné, gabot, à musée), обычными являются различные острия, включая малочисленные проколки. Подобное сочетание технико-морфологических показателей типично, отметим еще раз, прежде всего для эвенозье-на Франции.

Одной из характерных черт для всех этих памятников является группа совместно встречающихся орудий, которую можно назвать «сопряженной

группой». Предлагаем краткую характеристику основных форм орудий, образующих эту группу:

1. *Скребки на площадках* (butt end scrapers английских исследователей) представляют один из важных элементов данной «сопряженной группы», которые характерны для рассматриваемого единства. Обычно эти формы изготавливались на ударных площадках очень массивных отщепов со скошенными ударными площадками. Нередко данные скребковые элементы сочетаются с другими орудиями. Например, можно указать на такое орудие, происходящее из коллекции Ярово, где на одном предмете представлены наряду со скребком на площадке также рабочий край скребла с ретушированным обушком. Известны и иные сочетания: в коллекции Мерсыны найден предмет с двумя элементами — скребком на площадке и клювовидным острием, а в коллекции Шипота 2 скребку на площадке противостоит скребковый край на углу отщепа. В общем, отмечены разные сочетания, которые обычны для этих форм.

2. Следующим важным показателем можно считать *орудия с обработанными крутой ретушью обушками*. Это не только собственно ножи, где на лезвиях имеются выщербины от следов утилизации, но скребла и зубчатые орудия, а иногда даже массивные острия. Для подобных орудий использовались сколы-заготовки с естественными обушками, чаще всего реберчатые отщепы удлиненных пропорций. Нередко сохранившаяся грань с остатками предшествующих негативов подправлялась лишь частично, используя так называемую «встречную» ретушь. В качестве наиболее показательного примера укажем на аналогичные ножи с массивными обушками, также обработанными крутой и отвесной ретушью, обнаруженными на ашельском местонахождении «ателье Коммона» во Франции (Bordes 1984: fig. 18, 2–3). Заготовками для этих орудий также являются массивные реберчатые сколы.

3. *Клювовидные резак* или bill-hooks, обнаруженные в коллекциях дуруиторской группы, также типичны для клетона Англии (Collins 1968: 28). В наших материалах эти орудия выявлены в виде двух вариаций — типичные «bill-hooks», когда режущая кромка образована клетонской выемкой, и атипичные — рабочий элемент выделен ретушированной выемкой. Данные формы, которые обычно немногочисленны, найдены во всех коллекциях дуруиторо-стинковского единства.

4. *Скребковидные и реже скребковидные орудия высокой формы* (каренэ) также постоянно встречаются во всех коллекциях единства. Они изготавливались на различных заготовках, но чаще на нуклевидных обломках. Иногда они неотличимы от верхнепалеолитических форм, в частности скребков рабо (gabot) или скребков «с носиком» (à musée), напоминая ориньякоидные формы.

5. Очень важными являются *клювовидные орудия с выделенными смежными выемками и заостренными концами*, которые были либо остриями, либо долотовидными формами, либо даже скребковидными, напоминая скребки с носиком («à museau»). Эти орудия изготавливались как на массивных отщепках, так и на небольших гальках и даже обломках, которыми нередко были остаточные или бракованные нуклеусы. Признаки, на основе которых выделяются данные формы, описаны в статье Н.К. Анисюткина (1973а). Иногда наряду с клювовидными остриями встречаются массивные острия с крутой ретушью краев.

В количественном отношении эти орудия относительно немногочисленны, но постоянны и заметны во всех коллекциях. Все они одинаково четко выражены и существенно не различаются в этих разновременных комплексах.

Для наглядности представим все названные выше признаки, обозначенные в табл. 20 порядковыми номерами. Напомним их еще раз: 1) скребки на площадках отщепов, 2) ножи с крутой ретушью краев (обушковые формы), 3) скребковидные или скребловидные формы каренэ, 4) клювовидные резаксы (bill-hooks), 5) различные клювовидные орудия, представленные остриями, долотовидными и скребковидными формами.

Для контраста приведем каменную индустрию типичного мустье стоянки Кетросы, расположенной также в долине Среднего Днестра, которая хронологически близка Осыпке и Шипоту 2.

Таблица 20

Наличие форм орудий «сопряженной группы» в коллекциях основных памятников раннего этапа развития

Памятники/ признаки	Скребки на площадках	Обушковые формы	Формы каренэ	Bill-hooks	Клювовид- ные орудия
Осыпка	+	+	+	+	+
Шипот 2	+	+	+	+	–
Бобулешты 5	+	+	+	+	+
Ярово	+	+	+	+	+
Мерсына	+	+	+	+	+
Старые Дуруиторы	+	+	+	+	+
Кетросы 1, 2	–	–	?	–	?

Показательно, что характерные формы и элементы вторичной обработки, типичные для «сопряженной группы», присутствуют во всех коллекциях. Они выявлены даже в малочисленной коллекции каменных изделий Шипота 2, где найдено всего 14 орудий, в которой отсутствуют только типичные клювовидные острия, что, без сомнения, зависит лишь от небольшой величины коллекции.

Представленная для контраста коллекция комплексов 1 и 2 стоянки Кетросы, соответствующая мустье типичному, которая лишь немного моложе комплексов Осыпки и Шипота 2 (Анисюткин 2013), резко отличается от дуруиторского эвенозена. Вопросительным знаком в таблице отмечены 2 атипичных клювовидных орудия, происходящие из комплекса 2 мустьерской стоянки Кетросы, а также 2 сомнительных скребковидных изделия высокой формы. Эти орудия, изготовленные на естественных обломках, отличаются от форм дуруиторо-стинковского единства невыразительной ретушью, напоминающей следы интенсивного использования. Приведенные орудия из комплекса 2 стоянки Кетросы, несомненно, являются случайными формами. Напротив, в коллекциях каменных орудий, происходящих из дуруиторской группы, это почти всегда хорошо и тщательно ретушированные предметы.

Таким образом, на относительно небольшой территории Днестровско-Прутского междуречья в течение продолжительного времени существовала группа памятников с однотипным каменным инвентарем, которая практически не развивалась. Определенные изменения, которые можно воспринимать как развитие, стали проявляться лишь в начале позднего плейстоцена. Эти изменения связаны прежде всего с появлением бифасов листовидных форм. Было ли это аккультурацией, зависимой от влияния микока, остается неясным, хотя такое предположение весьма правдоподобно. На это, возможно, указывают листовидные бифасы из нижнего горизонта слоя III грота Старые Дуруиторы.

Подлинные количественные и качественные изменения, связанные с развитием, начинают ощущаться только значительно позднее — в нижнем слое стоянки Стинка 1. Правда, общий облик индустрии всё еще сохраняет признаки тайякского технокомплекса. В частности, полностью сохранялась сопряженная группа. Всё это указывало на непосредственную и тесную преемственность индустрий. На данном основании была выделена более поздняя стинковская группа памятников, или преселет. Основой здесь явился комплекс нижнего слоя стоянки Стинка 1, расположенный в Среднем Приднестровье, в окрестностях г. Хотин (Анисюткин 2001; 2005). В его окрестностях и южнее, на территории Молдовы, выявлено несколько памятников с аналогичным каменным инвентарем, включая Шипот 1 и, возможно, многослойный грот Буздужаны 1. Правда, по мнению И.А. Борзняка, каменную индустрию последнего всё же следует рассматривать как подлинное зубчатое мустье (Chirica, Borzias 2005: 240–241). Это заключение вполне правдоподобно. Однако наличие серий специфических форм, включая листовидные острия и сопряженную группу, позволяет выявить те особенности, которые незаметны при анализе, основанном только на системе Ф. Борда.

С учетом этого было выделено более позднее подразделение **дуруиторостинковского единства**. Рассмотрим стинковскую группу более подробно.

Технологически эта группа также базируется на леваллуазской технике расщепления камня с очень заметным клетонским компонентом. Выявляется отчетливая специализация, намечавшаяся еще среди индустрий предшествующего этапа, проявлявшаяся в изготовлении орудий на мелких отщепках, среди которых постоянно преобладают изделия менее 50 мм. Данный показатель стабилен для всех памятников стинковской группы. Здесь мелкие формы часто превышают 70%. Напомним, что и в дуруиторской группе была хорошо выражена тенденция преобладания каменных изделий менее 50 мм, доля которых обычно превышала 60%, хотя наряду с ними в коллекциях присутствовали предметы средних и даже крупных размеров.

Показательно, что массивность всех индустрий, входящих в данную группу, варьирует в пределах от 28 до 24. Максимальный показатель получен для коллекции из нижнего слоя Стинки 1, а минимальный — для верхнего слоя II грота Буздужаны. В последнем случае индекс массивности всё же не соответствует леваллуа-мустье. Для грота Буздужаны использованы коллекции, происходящие из самого верхнего и самого нижнего слоев, а также из среднего уровня с переотложенным материалом (слои IV, V). Отсутствие данных по самому богатому и самому мощному слою VI обусловлено тем, что, как показали раскопки, проведенные Н. К. Анисюткиным в 1975 г., в одном из горизонтов данной толщи предполагалась небольшая примесь каменных изделий с признаками мустье типичного (табл. 21).

Таблица 21

Сопоставление показателей техники первичного расщепления на памятниках стинковской группы (в %)

Памятники/признаки	П	IF	I _{ам}	IC1
Стинка 1, нижний слой	2	19	6,2	41
Стинка 1, верхний слой	5,8	25	17,1	35
Шипот 1	10,8	35,4	11,6	34,5
Буздужаны, слой II	9,4	35,9	12,4	26,3
Буздужаны, слой IV–V	14,5	35,1	6,8	36,2
Буздужаны, слой VII–VIII	12	40,9	11	24

По сравнению с дуруиторской группой в стинковской наблюдается слабо выраженное развитие, которое характеризуется заметным увеличением индексов фасетирования, леваллуа и пластин. Одновременно уменьшился коэффициент массивности. Тем не менее индустрии, если использовать только критерии Ф. Борда, не являются строго леваллуазскими и пластинчатыми.

Коллекции из грота Буздужаны 1 и стоянки Шипот 1, в отличие от коллекций Стинки 1, имеют более отчетливо выраженную «мустьеризацию», которая выявлена по всем показателям первичного расщепления камня, хотя «слой» IV–V по индексам пластин и клетона вполне сопоставим с индустрией нижнего слоя Стинки 1. Одновременно в слоях IV–V и VII–VIII наблюдается более высокий процент леваллуазских сколов. Весьма интересно сравнение коллекций нижнего слоя Стинки 1 и местонахождения Мама в Румынии (Добруджа), которое предложено К. Валохом. По его данным, индустрия Мамаи является полной аналогией индустрии нижнего слоя Стинки 1 (Valoch 1993: 261).

Общей же чертой для всех сопоставляемых коллекций является абсолютное преобладание изделий мелких размеров, что сложно объяснить только особенностями сырья. Из подобного же кремня в индустриях регионального типичного мустье и микока изготавливали изделия средних и крупных размеров. Как можно предположить, подобная пестрота показателей характеризует индустрии стинковской группы как развивающиеся. Это отличает их от индустрии дуруиторской.

Краткая характеристика орудий и сопряженная группа

Как уже отмечалось, в коллекциях из разных слоев грота Буздужаны прослеживается один и тот же набор орудий. Отличия незначительны и не являются принципиальными. Во всех слоях даже количество бифасов одинаково — всюду они малочисленны, но преимущественно типичны.

Для наглядности обратимся к табл. 22, в которой орудия сопряженной группы в коллекциях стоянок из нижнего слоя Стинки 1, грота Буздужаны и Шипота 1 сопоставляются с коллекциями типичного мустье из слоя IV стоянки Молодова I и нижнего слоя IV грота Тринка I. Наличие признака отмечено крестом.

Таблица 22

Орудия сопряженной группы стинковской группы

Наименование памятников / орудий	Скрепки на площадках	Обушковые формы	Формы каренэ	Bill-hooks	Клювовидные орудия
Стинка 1	+	+	+	+	+
Буздужаны	+	+	+	+	+
Шипот 1	+	?	+	+	+
Молодова I, слой IV–V	–	+	–	?	–
Тринка I	–	+	–	–	–

Из таблицы следует, что для всех комплексов стинковской группы характерно сочетание выявленных форм сопряженной группы. Лишь в коллекции из Шипота 1 нет выразительных орудий с обушками. Это в наибольшей мере зависит от небольшой величины коллекции. Показательно, что количество орудий, составляющих группу сопряженных форм, несколько выше в стинковской коллекции, где их 12,6%, в то время как в буздужанской только 8,3%. В целом же эти пропорции вполне сопоставимы.

К примеру, в коллекциях молодовского леваллуа-мустье присутствуют ножи с ретушированными обушками на плоских леваллуазских сколах, но не найдено ни орудий высоких форм, ни клювовидных. Следует указать на единственный, но невыразительный нож с обушкой из нижнего слоя грота Тринка I.

В целом же табл. 22 наглядно демонстрирует определенное единство комплекса орудий стинковской группы, где тем не менее прослеживается очевидный процесс начинающейся перестройки структуры индустрий стинковской группы. В этом плане, если использовать материалы верхнего слоя Стинки 1 и близких по облику индустрий регионального верхнего палеолита (Бобулешты 6, нижний слой грота Брынзены, Климауцы I, слои Ia и Ib стоянки Рипичень-Извор), очевидно исчезновение ряда важнейших форм, включая типичные клювовидные орудия, ножи с ретушированными обушками, заметное усовершенствование орудий высокой формы, но сохранение группы скребков на площадках отщепов. В верхнем слое Стинки 1 найдено даже несколько микропластинок с мелкой ретушью, которые, с наибольшей вероятностью могут указывать на верхнепалеолитический возраст индустрии.

Таким образом, дуруиторо-стинковское единство представляет комплекс, индустрии которого связаны преемственностью. Очевидное развитие не является постоянным и непрерывным. Заметные изменения каменных индустрий отмечаются дважды. Во-первых, на этапе формирования нижнего слоя Стинки 1, в которых тайяк преобразуется в своеобразный средний палеолит с относительно многочисленными и типичными листовидными бифасами. Во-вторых, на этапе образования верхнего слоя этого же памятника, где появляются микропластинки с мелкой ретушью. Здесь можно наблюдать образец стимулированного развития, где на первом этапе произошло вероятное взаимовлияние ашело-микока и тайяка, а на втором — верхнего палеолита ориньякоидного типа.

В регионе с тайяком сосуществовали индустрии с двусторонними формами, которые сопоставляются или с ашелем, или с миokoком. Среди них памятники рисского времени единичны. Самым ярким является культурно-хронологический комплекс Va Королево I, который происходит из отложений внутририсской ископаемой почвы (Гладилин, Ситли-

вый 1990: 49–54). В так называемом ашельском слое найдены выразительные бифасы, включая многочисленные листовидные формы, которые описаны В. Н. Гладиллиным как наконечники. В этой связи важно указать на комплекс из Восточной Европы, схожий с королевским ашелем, который найден непосредственно в Среднем Приднестровье. Речь идет о южном местонахождении среднего палеолита Кишлянский Яр, где выявлены немногочисленные, но типичные бифасы (Кулаковская 1989; Анисюткин 2001). К сожалению, хронология этого комплекса неясна. Основной материал собран на поверхности. Для относительной хронологии может быть использован лишь археологический, технико-типологический показатель. Как представляется, этот комплекс зможно сопоставить с горизонтом V местонахождения Королево I (Там же). Также к ашело-микоку можно отнести комплекс с ручным рубилом из аллювиального слоя стоянки Кетросы, синхронный Осыпке и Шипоту 2 (Там же; Анисюткин 2013). Все эти объекты расположены по соседству и связаны с пойменными отложениями второй террасы Днестра, что позволяет говорить об их одновременности. Важно отметить, что речь идет о разнотипных индустриях: если каменные изделия из аллювиального комплекса стоянки Кетросы могут быть определены как микокские, то из Шипота 2 и Осыпки как тайякские.

Второй комплекс, который сопоставляется с миokoком, представлен местонахождением Великий Глыбочек, происходящим с территории Подолии. Он датируется заключительным этапом рисского оледенения (Ситник 2000). Правда, эта дата не всеми исследователями принимается однозначно (Пясецкий 2014)¹². Как следует из публикации, наиболее выразительные формы бифасов лишены стратиграфии. Непосредственно в слое найдены лишь обломки листовидных острий.

Наиболее выразительный микокский комплекс происходит из среднего слоя грота Выхватинцы, относящегося к несколько более позднему времени — к рисс-вюрмскому межледниковью. Здесь обнаружены наиболее показательные бифасы, включая микокские и типа Клаузеннише. Они сопровождаются мустьеоидными формами орудий, часто изготовленными на отщепе или пластине леваллуа (Анисюткин, Кетрару 1999).

Таким образом, в регионе в конце раннего — начале среднего палеолита можно отметить существование двух технокомплексов. Они сосуществовали в течение продолжительного времени и, как можно предположить, оказывали друг на друга взаимное влияние. Правда, если иметь в виду единичные бифасы, появившиеся уже в слое III грота Старые Дуруиторы, то можно твердо говорить лишь о микокском влиянии.

¹² Согласно мнению В. П. Чабая, высказанному Н. К. Анисюткину в устной беседе, этот объект следует считать переотложенным.

Сейчас существует точка зрения, рассматривающая тайяк, как и клектон, в качестве определенной линии развития индустрий без бифасов, сопоставимых в целом с комплексами типа Mode 1 (Fernando Diez Martin 2002: 11). Похожие комплексы (прежде всего с отщепами мелких размеров) весьма распространены в Европе, в частности по соседству — в Центральной Европе. Можно упомянуть Бильцингслебен, Вертешселлеш, Шенинген, Таубах, Ваймар, XI слой пещеры Кульна и прочие, возраст которых варьирует в пределах 500–120 тыс. лет. Индустрия нижних слоев грота Старые Дуруиторы входит в круг этих разнотипных памятников, но дуруиторский тайяк доживает до самого начала позднего плейстоцена. Напротив, на остальной территории Европы тайяк (=таубахиен), существовавший в Европе с ашелем и микоком, исчезает несколько раньше, уже в конце ресс-вюрмского межледниковья (Valoch 1988). Он сменяется разнообразными каменными индустриями мустьерского или микокского типа. В частности, протошарангьен или протокина эволюционирует в мустье типа кина.

Глава 8. Верхние культурные слои грота. Индустриально-хронологический статус второго культурного слоя

До недавнего времени основное внимание при исследовании грота Старые Дуруиторы уделялось находкам тайякоидного облика из нижних культурных слоев. Однако верхнепалеолитический культурный слой (II) представил не менее ценные артефакты, включая кремневые изделия граветтского типа, песчаниковые орудия, костяные и роговые инструменты, украшения и редкую антропологическую находку. Нельзя игнорировать и небольшие по объему коллекции каменных изделий с поверхности самого грота и прилегающего к нему склона, а также первого культурного слоя энеолитического возраста.

Среди *подъемных материалов*, собранных Н. А. Кетрару в первые два года работы в гроте, преобладают изделия с белой (не глубокой) и голубоватой (пятнистой) патиной. Отдельные патинизированные изделия без шифра из коллекций двух верхних культурных слоев, как предполагается, попали туда случайно в более позднее время. Особенностью находок, собранных на поверхности, являются их относительно крупные размеры. Они включают 4 отбойника на гальках, 7 нуклеусов, 2 скола оживления ударных площадок нуклеуса, 6 отщепов, 11 пластин и 4 бифаса. Для их изготовления привлекался серый желвачный кремнь светлой и темной тональности. Использование черного прутского кремня не наблюдается. Редкой разновидностью породы явилась галька из окремневшего известняка бежевого оттенка, практически вся поверхность которой испещрена мелкими выбоинами, образовавшимися при использовании этого предмета в технике пикетажа. Есть все основания воспринимать это шаровидное по форме орудие как пест-отбойник. Его максимальный диаметр составляет 6,4 см. Близкими по назначению являются два более мелких по размерам округлых отбойника, подготовленных на кремневых желваках, достигающих в поперечнике 4 и 5,5 см, с негативами отдельных сколов. Их бугристая поверхность покрыта многочисленными мелкими выбоинами, прежде всего на выступающих и угловых участках. Еще один отбойник на продолговатом кремневом желваке, сохранившем обширные участки меловой корки, использовался в качестве ретушера-отжимника. Его размеры 8×4,5×3,5 см. Не исключено, что изначально это изделие подготавливалось в качестве нуклеуса, но было забраковано из-за проявившегося внутреннего изъяна.

В группе нуклеусов, собранных на поверхности, присутствуют две пары аморфных ядрищ — одноплощадочных односторонних и двуплощадочных со встречным скалыванием, чья огранка весьма несовершенна. Еще у двух мелких атипичных ядрищ рабочий фронт был только намечен. Исключение составляет тщательно ограненный нуклеус с круговой системой снятия пластин, который был оставлен из-за поперечного облома по трещине. Возможно, этот образец происходит из энеолитического слоя. Он имеет правильные пропорции, прямую четко моделированную ударную площадку с признаками неоднократного обновления и следами использования в качестве ретушера-отжимника. С оживлением ударных площадок нуклеусов связаны два технических скола, один массивный, который, вероятно, был результатом неудачного скалывания, и плоский с негативами от предыдущих снятий. Среди отщепов три экземпляра предположительно попали на поверхность привходовой площадки из нижних слоев грота. Эти отщепы короткие, утолщенные, имеют признаки радиальной огранки спинки, их крупные ударные площадки фасетированы или двугранны. В двух случаях по краям этих изделий заметна выщербленность, а у третьего предмета крутой зубчатой ретушью сформировано мелкое клювовидное лезвие. Пластины, в отличие от нуклеусов, имеют правильную огранку. Для них несвойственна преднамеренная фрагментация, но если она и присутствует, то связана с усечением дистального конца. Один образец крупной пластины, по всей видимости, происходит из энеолитического слоя.

Обособленное положение занимают бифасы. Они сравнительно невелики по размерам, три представлены в виде обломков, а один близок к сильно сработанному уплощенному нуклеусу, который, по всей вероятности, неудачно попытались переоформить с помощью плоских сколов подправки с двух сторон (рис. 45: 9). Первый обломок листовидного бифаса выполнен на тонком отщепе, с тщательной обработкой мелкими плоскими сколами по двум поверхностям. Он имеет линзовидное сечение и сплошную белесую патину. Его основание выпуклое, а острие утрачено. Размеры сохранившейся части — 5×4,2×1,2 см (рис. 45: 7). Второй обломок листовидного бифаса со слабой серой патиной также представлен основанием наконечника, размеры сохранившейся части которого 4,5×3×0,8 см. Он исключительно тонкий в сечении, вероятно, имел треугольную форму и прямое поперечно подготовленное основание, обработка которого, помимо плоских сколов, включала чешуйчатую и ламелярную ретушь, тщательно нанесенную по краям (рис. 45: 4). Облик этой находки допускает ее связь с энеолитическими материалами. От третьего бифаса сохранился лишь дистальный конец, размеры которого 5×3,3×1,8 см. Это изделие, видимо, имело симметричные очертания, было изготовлено из массивной заготовки со сплошной

обработкой по обеим поверхностям мелкими плоскими и пологими сколами. Одна из его поверхностей покрыта густой белой патиной, другая — серо-голубой пятнистой (рис. 45: 5). Не исключено, что он происходит из палеолитического слоя.

В коллекции кремневых изделий *верхнего культурного слоя (I)* присутствует всего 26 предметов. Это весьма выразительные образцы, что не исключает версии их преднамеренной выборки в процессе раскопок или искусственной сортировки самими обитателями грота. В составе находок можно выделить нуклеус, 3 технических скола, отщеп и 20 пластин, изготовленных из серого и черного желвачного кремня, реже темно-коричневого галечного. Из отдельности кремня бежевого цвета выполнен небольшой по размерам топор (рис. 45: 8) удлинненно-трапециевидной формы симметричных пропорций, для которого первоначально использовалась бифасиальная техника обработки обоих поверхностей, впоследствии перекрытых сплошной пришлифовкой у поперечного лезвия. Такая же пришлифовка, дополненная зеркальной заполировкой, отмечена и на остальной поверхности по выступающим граням крупных фасеток. Его боковые края отвесно срезаны, узкий массивный обушок скошен. Длина топора — 7 см, ширина лезвия — 3,2 см, ширина обушкового конца — 2,2 см, максимальная толщина — 2 см.

Единственный нуклеус из энеолитического слоя по неизвестным причинам был оставлен еще на рабочей стадии расщепления, о чем свидетельствуют его размеры — 7×5,5×3,5 см. Он относится к одноплощадочным односторонним ядрищам с негативами снятий пластинок и пластин на рабочей поверхности, с очищенной от меловой корки тыльной зоной, по краю которой подготовлено извилистое ребро. Его сильно скошенная ударная площадка имеет признаки неоднократной подправки. Присутствие в коллекции необычайно крупного реберчатого скола, мелкого резцового скола и скола оживления ударной площадки нуклеуса указывают на практику применения различных технических приемов (создание выпуклого рельефа рабочей поверхности, обновление ударной площадки нуклеуса, подготовка резцового лезвия). Среди заготовок-полуфабрикатов доминируют пластины средних размеров (13 экз.) с правильной огранкой спинки, точечной ударной площадкой, наиболее показательные из которых имеют острый дистальный конец. Длина таких пластин — 7–8 см. Преднамеренное усечение концов для них несвойственно, хотя 3 экземпляра представлены медиальными частями. Пластин крупных размеров — 6 экз.

Типичными для энеолитического слоя кремневыми изделиями, помимо шлифованного топора, являются три серпа. Первый серп (рис. 45: 3) подготовлен на изящно ограненной длинной изогнутой пластине с сохранившимся остроугольным дистальным концом и обломанным проксимальным.

Зеркальная заполировка и мельчайшая ретушь утилизации наблюдается на кромке обоих его краев, с одной стороны ближе к острому концу, с другой — на прилегающем к излому участке. Залощенность заметна и на поверхности брюшка. Второй серп (рис. 45: 2) резко отличается от предыдущего выбором массивной и в то же самое время относительно узкой заготовки, тщательно обработанной крупной регулярной ретушью по двум краям, сходящимся к основанию. Его дистальный конец обломан, а противоположный с некогда точечной ударной площадкой, видимо, в процессе эксплуатации в качестве перфоратора был нивелирован плоскими вентральными фасетками. Заполировка поверхности второго серпа прослеживается слабее. От третьего серпа сохранилась только часть изделия в виде дистального фрагмента крупной пластины, по волнистому краю которой заметна зеркальная залощенность, проникающая и дальше на прилегающие грани. Помимо серпов выявлено 8 ножевидных пластин с ретушным износом, у двух экземпляров с мелкой противоположающей ретушью утилизации. Необычна находка сечения пластины (рис. 45: 1), один конец которой обломан, другой поперечно ретуширован, а на обоих краях моделированы глубокие противоположающие выемки. Найдено единичное орудие с поперечным резцовым сколом. В коллекцию верхнего слоя включена небольшая уплощенная галька из песчаника диаметром до 6 см.

Теперь обратимся к материалам верхнего палеолита *из второго (II) культурного слоя* гrotта Старые Дуруиторы. По ранее опубликованным данным, коллекция этого слоя включала 116 кремневых находок, в том числе 8 нуклеусов, 48 пластин и 6 пластинок, 18 отщепов, 2 чешуйки, 6 резцовых сколов и 4 обломка (Chirica, Borzias 2005: 13, 16). В настоящее время на инвентарном хранении в фондах Национального музея истории Молдовы содержится несколько большее количество кремневых находок. Общее их число вместе с инородной среднепалеолитической примесью составляет 319 экз. Помимо кремневых находок присутствует 21 песчаниковая галька.

Учитывая относительно большой объем коллекции кремневых изделий второго культурного слоя, дадим расширенную характеристику используемого сырья. Не возникает сомнений в том, что весь собранный кремневый материал имеет местное происхождение. До половины от всех находок, прежде всего среди нуклеусов и наиболее многочисленной группы сколов — пластин средних размеров, — составляет желвачный кремь черного цвета. По своей цветовой гамме он варьирует от интенсивно черного (без патины) до сизого (покрытого легкой сероватой вуалью). Густой насыщенный цвет этого кремня отличает его от редкого для Среднего Попрутья черного аудийского сланца (фтонита). Черный прутский кремь обладает высокими свойствами пластичности, однородной структурой,

малой толщиной меловой корки до 2 мм при отсутствии глубоких каверн и незначительной трещиноватостью. Особое отношение к этой разновидности кремня заметно при изготовлении резцов. Цветовая тональность желвачного кремня плавно меняется от черного цвета к темно-серому и далее к светло-серому пятнистому, в отдельных случаях комбинированного с участками светло-коричневой породы. Как темно-, так и светло-серый кремь занимают в коллекции дуруиторских изделий до 20 % каждый. Все они происходят из меловых отложений, вскрываемых глубокими долинами левобережных притоков Прута или же связаны с обнажениями руслового аллювия древних прутских террас. Предполагается принос на стоянку уже апробированных нуклеидных обломков и желваков, а также готовых к расщеплению пренуклеусов до 10 см в поперечнике, у которых остатки частично окатанного корочного покрытия составляют по толщине от 2 до 5 мм.

Редкими находками являются изделия из коричневатого галечного кремня, аналогичного днестровскому, отличающегося исключительно высоким качеством. В нашем распоряжении нет самих галек, но сколы с них длиной до 7 см предполагают не меньшие их размеры. На двух пластинах прослежены остатки рыжеватой галечной корки толщиной лишь в 1 мм. Всего одной находкой представлен отщеп, изготовленный из окремневшего известняка бежевого цвета. Помимо кремневых галек обитателей дуруиторского гrotта интересовали гальки из плотного песчаника, несколько меньше — из кварцита и яшмы. Все они в изобилии были доступны на галечниках Прута. Предпочтение отдавалось не столько округлым или эллипсоидным галькам, сколько уплощенным их вариантам, имеющим в поперечнике в среднем 6–8 см.

Система раскалывания кремня была ориентирована на получение правильно огранных пластин средних размеров, в несколько меньшей степени крупных пластин и в ограниченном количестве — мелких. Судя по крайне малому числу микропластин, ширина которых не превышает 7 мм, их производство не было востребовано. Из 14 нуклеусов и их обломков один образец представлен кубовидной формой размером до 10 см. Большая часть его поверхности очищена от меловой корки посредством крупных широких сколов, для снятия которых последовательно использовалась грань предшествующего скола. Два других нуклеуса типа одноплощадочных призматических были выведены из процесса эксплуатации на начальной стадии раскалывания из-за внутреннего изъяна, ранее невидимой трещины. На обоих таких правильно огранных нуклеусах имеются негативы снятия пластин (рис. 46: 8; 49: 7) по достаточно протяженному рабочему фронту с широкой неоднократно подправленной ударной площадки, в одном случае вогнутой, в другом — гладкой скошенной. С одноплощадочными

односторонними нуклеусами связан и более истощенный экземпляр, рабочий фронт которого имеет заметную уплощенность от снятия пластин, в том числе крупных (рис. 46: 6). Еще один массивный нуклеус относится к типу двуплощадочных со встречным скалыванием пластин, забракованный в связи с сильной редуцией его предельно скошенных ударных площадок. Остальные нуклеусы также сильно истощены, из них 4 экз. являются подпризматическими одноплощадочными односторонними, с негативами сколов отщепов. Еще 3 сработанных нуклеуса — двуплощадочные с более правильной огранкой и встречным скалыванием, чья тыльная сторона сохранила корочное покрытие. Одна из редких форм нуклеусов высотой до 4,5 см относится к типу конусовидных с гладкой вогнутой ударной площадкой, предназначенный для снятия мелких пластин по большей части его периметра. К сожалению, на этом нуклеусе нет шифра, но он почти полностью покрыт патиной и хранился вместе с находками второго культурного слоя.

В коллекции присутствуют 5 сколов оживления ударных площадок нуклеусов, два достаточно широких, первичных, остальные более мелкие, вторичные. Еще два технических скола образовались в ходе подправки края ударной площадки нуклеусов, а 7 образцов, в том числе массивных реберчатых, явились результатом подготовки выпуклого рельефа рабочего фронта нуклеусов. К техническим сколам относятся и 12 резцовых отщепков, доля которых непропорционально велика. 9 из них получены при начальном оформлении резцового лезвия, остальные — в ходе его обновления. При этом у нескольких таких сколов заметна мелкая ретушь, но только у одного она преднамеренная, регулярная.

Среди верхнепалеолитических изделий доминируют пластинчатые сколы (табл. 23). Всего собрано 204 экз. Пластины крупных размеров, чья ширина превышает 2,5 см, представлены 44 находками. Большая их часть — это целые образцы длиной от 5 до 10 см, достаточно массивные с субпараллельной огранкой спинки, иногда с остатками корки на поверхности (рис. 47: 4, 6, 8). Лучшую огранку имеют пластины крупных размеров с обломанным верхним или нижним концом. Невыразительны экземпляры с двумя усеченными концами.

Пластины средних размеров (шириной от 1,2 до 2,5 см) наиболее представительны. Они имеют правильную огранку и удлиненные пропорции. Среди целых образцов есть несколько изделий, чья длина превосходит ширину почти в 5 раз. Именно в этой подгруппе прослежены самые искривленные в профиле изделия (рис. 46: 1–3, 5, 7) длиной до 8,5 см. Среди пластин выделяется сравнительно многочисленная серия изделий с двумя усеченными концами, часто используемых для оформления резцов.

Таблица 23

Распределение пластинчатых сколов по размерам и сохранности

Наименование изделий	Целые	Нижние концы	Сечения	Верхние концы	Всего	%
Пластины крупные	25	5	3	11	44	22
Пластины средних размеров	56	22	25	21	124	61
Пластинки	14	5	2	4	25	12
Микропластинки	7	3	–	–	10	5
Итого	102	35	30	36	203	100
%	50	17	15	18	100	

Большая часть пластинок шириной от 0,7 до 1,5 и длиной от 2 до 5,5 см сохранилась целиком и имеет преимущественно прямой профиль. Слабая фрагментация характерна и для микропластинок, хотя в профиле они чаще изогнуты. Общим признаком мелких пластинок можно считать наличие естественно острого дистального конца.

В группу отщепов включена выборка из 54 предметов, включая 14 экз. крупных размеров, 26 — средних и 14 — мелких. Они характеризуются отсутствием каких-либо стандартов в морфологии и весьма несовершенной огранкой дорсальной поверхности. Исключительно мало среди них первичных и полупервичных сколов, по 3 и 4 экз. соответственно. Несмотря на то что архаичные отщепы, попавшие в коллекцию второго слоя из нижних отложений, были отобраны в ходе осмотра в отдельную группу, многие из оставшихся отщепов выглядят аморфно, часто имеют широкие ударные площадки, покрытые фасетками. Прежде всего это относится к коротким отщепам средних размеров, не превышающим в поперечнике 5 см.

Выборка типично среднепалеолитических находок, оказавшихся в слое верхнего палеолита случайно, содержит 21 предмет. Они резко отличаются от остальных находок сильной окатанностью и забитостью краев, обязательным присутствием патины голубоватого цвета, реже белесой и лишь в одном случае сероватой. Среди них заметны бесформенные отщепы с остатками галечной корки, толстые короткие отщепы клетонского типа, мелкие массивные отщепы с фасетированной ударной площадкой, первичные сколы. На отдельных находках просматривается краевая ретушь, завуалированная сильной сглаженностью, что позволяет отнести их к зубчато-выемчатым изделиям. Самая крупная из этих находок выполнена на продолговатом обломке, с двух сторон которого заметны негативы от радиальных снятий мелких отщепов.

Используемые для изготовления орудий заготовки — полуфабрикаты — могли привлекаться для выполнения трудовых операций без какой-либо дополнительной обработки. Такими орудиями можно считать 19 ножевидных пластин крупных и средних размеров со следами ретушной утилизации

по одному или двум краям (рис. 46: 5; 47). В целом виде сохранились 4 крупные пластины и 4 пластины средней величины. У остальных экземпляров наблюдается утрата одного из концов без видимых признаков преднамеренного удаления. Следы сработанности лезвия заметны по выкрошенной кромке, перекрытой мелкими фасетками ретуши, как единичными, так и в виде небольших участков. Лишь у двух пластин ретушь утилизации близка к мелкозубчатой, еще у двух она образует относительно протяженные участки. В двух случаях это ножи с обушком, который подготовлен продольным резцовым сколом.

К ножевидным орудиям можно отнести 4 изделия с усеченным ретушью концом. Один край таких находок имеет признаки сработанности от действия по мягкому материалу, а один конец скошен крутой ретушью по прямой или слегка выпуклой траектории (рис. 50: 5). Только у одного из этих предметов отмечен прямо срезанный отвесной ретушью проксимальный конец (рис. 50: 14). Одно из орудий этой группы подготовлено на первичном сколе.

Всего в коллекции второго культурного слоя выделено 51 изделие с вторичной обработкой и 21 — с ретушью утилизации (табл. 24). Ведущим типом заготовки являлась пластина средних размеров, ширина которой превышала 1,2 см, хотя была востребована и пластина крупных размеров шириной более 2,5 см. Мелкие пластины (пластинки шириной до 1,2 см) привлекались исключительно для подготовки микроострий с притупленным краем. Если суммировать результаты по наиболее значимым типам орудий, то заметно преобладание среди резцов пластинчатых форм, среди скребков — изделий небольших размеров, тонких в сечении, включая отщепы. Сравнительно часто привлекались к изготовлению орудий массивные краевые сколы.

Самой многочисленной группой в наборе инвентаря являются резцы (36% от всех орудий). Их почти в 2,5 раза больше, чем скребков. Многие из них подготовлены на пластинах из черного прутского кремня и найдены в виде фрагментов. Доминируют двугранные формы резцов (14 экз.) с симметричным (рис. 48: 3–5) или скошенным лезвием. Среди них выделяются как одинарные (4), так и двойные (2), включая резец с лезвиями на противоположных концах длинной пластины с интенсивными следами утилизации (рис. 48: 10). Встречаются двугранные резцы на углу массивных заготовок (6 экз.; рис. 48: 15) и на крупных реберчатых сколах (рис. 48: 6; 49: 4), к которым близок резец с многофасеточным лезвием (рис. 48: 14), судя по мелкой краевой ретуши, используемый как дополнительный режущий инструмент. Следы вторичного использования имеют и два резца на углу преднамеренно сломанной пластины (рис. 48: 8, 16). Тремя экземплярами представлены поперечные (рис. 48: 1, 2, 11) и боковые резцы. К последним отнесены одинарные косоретушированные изделия на пластинах (рис. 48: 7) и двойной косоретушированный образец с широкими плоскими резцовыми снятиями на отщепе.

Таблица 24

**Кремневые изделия с вторичной обработкой
и/или с ретушью утилизации**

Наименование изделий	Тип используемой заготовки						краевые сколы	Всего
	отщепы, см			пластины, см				
	< 3	3–5	< 5	> 1,2	1,2–2,5	> 2,5		
Резцы	–	2	–	–	20	2	2	26
Скребки	1	2	1	–	2	2	2	10
Микроострия	–	–	–	4	–	–	–	4
Скребла	–	1	2	–	–	–	–	3
Изделия с усеченным концом	–	1	–	–	3	–	–	4
Изделия с ретушью утилизации	–	–	–	–	13	8	–	21
Нож костёнковского типа	–	–	–	–	–	1	–	1
Скребок-резец	–	–	–	–	1	–	–	1
Проколка	–	–	–	–	–	–	1	1
Бифас	–	–	–	–	–	1	–	1
Итого	1	6	3	4	39	14	5	72

Каждый из 10 найденных скребков индивидуален. В группе из трех мелких боковых экземпляров представлены: скребок на тонком отщепе со слабо выгнутым лезвием по одному краю и ретушированной выемкой на противоположном, скребок на краевом сколе с тщательно проработанным выступающим лезвием, скребок на более массивном отщепе с двумя лезвиями, подготовленными полукрутой далеко заходящей на поверхность заготовки ретушью (рис. 50: 4). Три мелких концевых скребка разделяются на миниатюрный экземпляр со спрямленным лезвием на отщепе (рис. 50: 3) и два укороченных пластинчатых образца, один из которых имеет ретушированный край, другой — узкое лезвие и обломанное основание. Оставшиеся три скребка отличаются более крупными размерами. Они являются концевыми формами, у первого, выполненного на крупной укороченной пластине, моделировано тщательно проработанное арочное лезвие (рис. 50: 9), у второго, также подготовленного на крупной пластине, оформлено лезвие, близкое к стрельчатому (рис. 50: 11), у третьего, для которого использована более массивная заготовка, образованы два концевых лезвия, в одном случае симметричное равномерно выступающее, в другом — скошенное (рис. 50: 10). В коллекции присутствует единственный скребок на массивном полупервичном отщепе со стрельчатым лезвием (рис. 50: 15). Также одной находкой представлен скребок-резец на массивной пластинчатой

заготовке, у которого скребковое арочное лезвие тщательно оформлено на одном конце, а другой приострен посредством широких резцовых снятий (рис. 50: 13).

Следующая группа изделий с преднамеренной обработкой представлена тремя скреблами. Они разнородны, изготовлены из крупных отщепов с радиальной огранкой спинки и, по всей видимости, являются инородной примесью. К ним относятся: одинарное продольное скребло с чешуйчатой подработкой почти прямого лезвия на тонком сколе; атипичное скребло с продольным волнообразным лезвием, обработанным мелкой регулярной ретушью, с крупной двугранной отбивной площадкой, покрытое сплошной густой белесой патиной; конвергентное скребло с выпукло-вогнутыми рабочими краями, оформленными крутой чешуйчатой и крупной ретушью, с обширной фасетированной отбивной площадкой, изготовленное из необычного слоистого кремня, возможно, жильного происхождения.

Наше особое внимание обращено на мелкие острия с притупленным краем. Три из них относятся к группе гравецких изделий, выполненных на пластинках с усекающей заготовку ретушью на всю ее толщину. Лишь одно изделие подготовлено на микропластинке, обработанной по краю мелкой регулярной ретушью. Для двух целых изделий (рис. 50: 6, 7) свойственна массивность используемой заготовки и дополнительная подправка острия мелкой ретушью с противоположной стороны от притупленного края¹³. В общем, они имеют относительно симметричные очертания, как за счет одного естественно выступающего края, так и второго противоположного края с ретушью. Размер этих двух изделий — 5,4×0,9×0,5–0,6 см. Третьей находкой с притупленным краем является косое острие (рис. 50: 2), у которого сохранился лишь дистальный конец, подработанный усекающей ретушью весьма небрежно. Последнее, четвертое из острий выполнено на микропластинке (рис. 50: 1) с мелкой регулярной ретушью по одному краю и косо срезанным основанием.

Необычной находкой представлено сверло на краевом сколе с двумя специально подготовленными глубокими выемками и относительно длинным жалом, грани которого сработаны, как это можно наблюдать у орудий, ранее использованных как перфораторы. Не менее редкой находкой является концевой скребок (рис. 50: 12) на укороченной пластине средних размеров, чей рабочий конец имеет специфическую вентральную подтеску, сходную с обработкой ножей костёнковского типа (по данным И. А. Борзняка), хотя и не столь выраженную (по мнению П. Е. Нехорошева). Особенностью

¹³ При рассмотрении следов износа у острий, сохранившихся целиком, создается впечатление, что приострение и частичная утилизация по ретушированному краю связаны с несколько иным назначением этих изделий, нежели использование в качестве вкладышей-вставок.

данной находки можно считать и то, что она изготовлена из необычного для Среднего Попрутья кремня коричнево-оливкового цвета с прожилками, не исключая его импортное происхождение.

В нашем распоряжении сейчас находится листовидный наконечник с округлым основанием, невероятно тонкий в сечении, обработанный с двух сторон крупными уплощающими фасетками, тонкой подтеской и мелкой приостряющей ретушью (рис. 49: 3). Его размеры — 7,9×3,1×0,7 см. Он изготовлен из кремневой отдельности черного (преобладает) и темно-серого цвета, на поверхности которого какой-либо патины не прослеживается. По своему типологическому облику этот наконечник не соответствует параметрам, свойственным палеолитическим образцам, но имеет аналогии среди находок эпохи бронзы. Так или иначе, этот наконечник найден в нечетких стратиграфических условиях, в смешанных отложениях на площадке южной камеры.

Не столь выразительны песчаниковые находки из округлых и уплощенно-продолговатых речных галек (рис. 51). Средние размеры таких галек — 8–10 см. Редкие следы утилизации в виде выбоин просматриваются на их угловых участках, не образуя четко выраженного рабочего края. Из 26 такого рода находок к отбойникам могут быть отнесены всего 5 экз.

Помимо кремневых и песчаниковых находок весьма ценными оказались изделия и украшения из кости, рога или зубов животных. Во втором слое гота обнаружена рукоятка из рога благородного оленя, три наконечника, предположительно из рога северного оленя, и игла с ушком, по мнению Н. А. Кетрару, из бивня мамонта. Из зубов, кости и бивня выполнены 7 подвесок (еще одна из кальцита), а также два фрагмента диафиза трубчатой кости с преднамеренно оформленными отверстиями/отверстием, в одном случае интерпретируемым в качестве «флейты».

Для изготовления рукоятки (рис. 52: 12) был использован относительно прямой фрагмент штанги рога, с которого были удалены два боковых отростка, а конец, противоположный базальному, срезан поперек. На месте этого среза внутривогавая губчатая масса была тщательно выскоблена, а прочная костная поверхность утончена, что делало возможным установку кремневого орудия. По неизвестной причине с тыльной стороны этой рукоятки не было моделировано отверстие для возможности быстрой замены вкладыша-вставки, как это можно наблюдать на более совершенных рукоятках из Рашкова 7 (Коваленко, Кетрару 2006: 262–266).

По предварительной оценке, все три наконечника сделаны из рога северного оленя. Первый наконечник (рис. 53: 3) подготовлен на прямом стержне, округлом в сечении, предположительно веретенообразной формы, с гладкой частично отшлифованной поверхностью, включая заостренный верхний конец. Его длина — 19,2 см, диаметр стержня — 1,1 см. Второй

наконечник (рис. 53: 4) выполнен на уплощенной сильно изогнутой заготовке, линзовидной в сечении. Его поверхность — шероховатая, а боевой конец не сохранился. По своей форме и размерам (26,5×1,6×0,9 см) он существенно отличается от первого образца. Обломок третьего наконечника, представленного верхним дистальным концом, по своему оформлению близок к первому. Длина сохранившейся части — 4 см, диаметр стержня — 0,8 см. Все три наконечника находят аналогии среди восточноевропейских образцов метательного оружия, в частности со стоянки Косэуць (Коваленко, Кроитор 2016: 132).

О практике сверления трубчатых костей свидетельствуют две находки в виде продольно расколотых диафизов. Мелкий фрагмент (рис. 53: 2) длиной до 9,5 см имеет заметную шлифовку у верхнего скошенного конца, превращенного в острие, в основании которого частично сохранилось отверстие диаметром около 1 см. Назначение этого изделия остается неясным. Вторая находка не менее интересна (рис. 53: 1). Она подготовлена на более удлинённом непреднамеренно расколотом диафизе, концы которого небрежно обломаны, а в нижней половине моделированы четыре продольно ориентированные отверстия диаметром в 0,6–0,9 см. Отнесение этого предмета к «флейтам» нам кажется преждевременным, хотя известны аналогии из верхнепалеолитических слоев стоянки Молодова 5 (Черныш 1987: 87–88, рис. 41).

Следующая костяная находка — игла с ушком (рис. 52: 11) имеет необычную длину — 17 см. Ее ширина в верхней части — 0,5 см, а толщина приближается к 0,2 см. У острия она имеет округлую форму, а у противоположного конца — овальную, слегка уплощенную. Вся поверхность иглы покрыта заполировкой. Ушко, высверленное с двух сторон, имеет диаметр 0,15 см.

Особую категорию находок составляют подвески (8 экз.; рис. 52: 1–8). Три из них подготовлены из зубов молодой особи благородного оленя, еще три — из обломков трубчатой кости, одна — из бивня мамонта и последняя — из мягкой породы камня-кальцита. Все эти украшения не имеют каких-либо стандартов, различаются по форме и размерам. У каждого из них моделировано сквозное отверстие округлых очертаний диаметром 0,2–0,4 см либо у одного из концов, либо в его центре, которое, видимо, высверливалось с двух сторон.

В коллекцию второго культурного слоя не только случайно попадали, но и таинственно исчезали отдельные крайне ценные артефакты. В частности, остается загадкой судьба нижней челюсти человека (рис. 54). Судя по сохранившейся фотографии, она была хорошей сохранности, с тремя коренными зубами как по левой, так и по правой ее стороне. По данным Н. А. Кетрару, в 1960 г. она была передана заведующему кафедры антропо-

логии Московского университета Я. Я. Рогинскому для проведения лабораторных анализов, после чего каких-либо сведений о ее местоположении не поступало.

Для характеристики коллекции каменных находок из второго культурного слоя гота Старые Дуруиторы важно уточнить ее индустриальное и культурно-хронологическое положение. В рамках верхнего палеолита, к которому, без сомнения, относится данный комплекс, наибольшее сходство наблюдается с граветтоидными индустриями. Эта взаимосвязь прослеживается по трем ключевым позициям. Во-первых, по присутствию в наборе микроинвентаря вкладышей-вставок с притупленным краем и распространению типично граветтской техники вторичной обработки, с использованием вертикальной усекающей и крутой ретуши, срезающей заготовку на всю или большую часть ее толщины. Во-вторых, по наличию в коллекции второго слоя призматических нуклеусов, демонстрирующих высокоразвитую технику параллельного раскалывания, ориентированную на массовое производство пластин крупных и средних размеров, в меньшей степени пластинок, в отличие от ориньякоидных и селетоидных технокомплексов, основанных на более широком использовании отщепов. В-третьих, по развитой технике резцового скола, распространению резцов, ориентированных на изготовление изделий из кости-рога.

Культурно-хронологический статус дуруиторского верхнепалеолитического комплекса определить однозначно не представляется возможным. Отсутствие радиоуглеродных датировок, недостаточно четкое стратиграфическое положение находок второго культурного слоя, казалось бы, может быть компенсировано оригинальными по своему облику кремневыми изделиями. В рамках граветтоидного технокомплекса Пруто-Днестровского междуречья, включающего последовательно несколько стадий развития, выделяется: *ранняя совокупность молодовских памятников* (слои 9–8 стоянки Молодова 5, Вороновица, Чутулешты), *развитый граветт* (слой 7 стоянки Молодова 5, Костешты), *эпиграветтская группа памятников* (Косэуць, верхние слои стоянок Молодова 5 и 1, Кормань 4, Чобручи), и, наконец, *совокупность эпипалеолитических памятников* (Оселивка, Атаки 6, Подойма). Если рассматривать поэтапно каждый из типологических наборов каменного инвентаря указанных памятников, то наибольшая совместимость дуруиторского верхнего палеолита наблюдается с самым ранним пластом граветтоидных памятников. Это проявляется в преобладании пластинчатых сколов крупных и средних размеров над мелкими пластинчатыми заготовками. Вместе с тем, в Старых Дуруиторах нет классических раннемолодовских острий и скребков на крупных пластинах с приостренным основанием, хотя и присутствует один скребок небольшого размера с двугранным оформлением нижнего конца. С другой стороны, явное

типологическое сходство заметно благодаря таким «руководящим ископаемым», как мелкие острия с притупленным краем, изготовленные из пластинок, как и в ранних молодовских наборах инвентаря, при крайне малом присутствии других разновидностей вкладышей. Опять же, большое число двугранных резцов, среди которых имеются многофасеточные экземпляры, указывает на сравнительно ранний возраст этого памятника. Но есть неопределенность, связанная с присутствием в инвентаре боковых скребков на небольших отщепках, ранее известных лишь на памятниках финального палеолита, переходных к мезолиту. Не исключается вариант их случайного попадания в слой, хотя нет оснований отказываться и от предположения об их естественной взаимосвязи с рассматриваемым комплексом. Присутствие в инвентаре Старых Дуруитов единичного «ножа костёнковского типа» и листовидного бифаса, по нашему мнению, не является достаточным основанием для корректировки типологического возраста. Более существенными можно признать данные фаунистического анализа. Так, присутствие в составе охотничьей добычи пещерных хищников и северного оленя раннего типа вполне согласуется с нашими представлениями о датировке стоянки ранней порой верхнего палеолита. С другой стороны, на более поздний возраст верхнего палеолита из Дуруитов указывает весьма развитый облик костяной индустрии.

Заключение

Грот Старые Дуруитовы является многослойным археологическим памятником, нижние слои которого соответствуют рубежу раннего и среднего палеолита, сопоставляясь с вариантом эвеносьен (Evenosien) единого тайякского технокомплекса. Исключительное изобилие остатков четвертичной фауны и особенности стратиграфии отчетливо указывают на многократность заселения грота группами ископаемых людей, прежде всего в течение первой половины рисского времени. Позднее значительная часть этих отложений, включая в первую очередь слой III, были существенно деформированы и частично уничтожены водными потоками. После долгого перерыва грот стал обитаемым лишь в первой половине верхнего палеолита. Именно к этому времени относится культурный слой II, который был перекрыт сильно разрушенным слоем с энеолитическими находками гординештского типа.

Многочисленные кости ископаемых животных и каменные изделия, а также результаты палинологических исследований дают в сумме очень важную и ценную информацию о природной среде региона во второй половине среднего плейстоцена, а также о культуре ископаемых людей. Особый интерес наряду с костями крупных и мелких млекопитающих представляют также обломки костей птиц, большая часть которых связана с отложениями второй половины позднего плейстоцена. Эти данные указывают на то, что ископаемые люди существовали здесь в достаточно комфортных природных условиях.

Относительная геохронология нижних слоев грота Старые Дуруитовы основывается на археологических, литологических и прежде всего биостратиграфических данных. Обнаруженная в нижних слоях грота пыльца региональных экзотов (*Ilex*, *Ostrya*, *Rhus*), большая часть которых не пережила последнего межледниковья, нашла свое подтверждение в стратиграфических разрезах высоких террас Днестра и Реута. Эта пыльца была выделена в отложениях VI надпойменной террасы, непосредственно в самом основании днепровских/рисских лессовых отложений, в образцах из нижних ископаемых интерстадиальных почвенных горизонтов, хронологически соответствуя началу рисса. Данные выводы целиком подкреплены фаунистическими материалами, в частности принадлежностью костей мамонта, обнаруженного в нижних слоях, не к ранней форме *Mammuthus primigenius*, как первоначально считалось, а, как показала ревизия, к типу *Mammuthus*

intermedius, или *chosaricus*, также существовавшему в рисское время. Все эти данные позволяют отнести оба нижних слоя грота (IV и III) к началу первой половины рисского оледенения (ИКС 8–7), т.е. они существовали 280–200 тыс. лет назад. Специально отметим, что к риссу (ИКС 6–7–8) относятся основные памятники тайякского технокомплекса Европы.

Тайяк в целом можно с полным правом рассматривать, учитывая особенности индустрии, как пережиточный ранний палеолит. На это указывает характерная дихотомия сосуществования относительно крупных немногочисленных галечных орудий из некремневого сырья и преобладающих мелких кремневых изделий на отщепках и обломках. Показательно широкое использование для изготовления орудий естественных обломков и осколков, что также обычно для раннего палеолита. Определенную региональную специфику рассматриваемому нами технокомплексу, представленному индустриями из нижних слоев грота Старые Дуруиторы, придает наличие особых типов орудий, впервые выделенных в клетоне Англии, — *bill-hooks* и *butt end scrapers*, а также появление в слое III таких выразительных форм, как листовидные бифасы.

В настоящее время тайякский технокомплекс представлен на территории междуречья Днестра и Прута группой разновременных памятников, каменные индустрии которых практически идентичны по сумме технико-морфологических показателей. Эту совокупность можно рассматривать как определенную общность, прослеженную на огромном отрезке времени от среднего плейстоцена до начала позднего. Она названа «дуруиторско-стинковским единством». Данное единство состоит из двух разновременных комплексов, связанных преемственностью, из которых ранний — дуруиторский — относится к тайякскому технокомплексу, а поздний — стинковский, характеризующийся прежде всего индустрией стоянки Стинка 1 — соответствует среднему палеолиту с листовидными бифасами и сохранившимися тайякскими элементами (протоселет).

Важной особенностью дуруиторского комплекса является достаточно длительное существование его индустрии без видимых контрастных изменений от второй половины среднего плейстоцена до начальных этапов позднего. Так, если слой IV может датироваться самым началом рисса (около 280 тыс. лет назад), то наиболее поздние памятники этого комплекса (Осыпка, Шипот 2), имеющие к тому же надежную геохронологию, связаны с отложениями самого начала вюрмского времени (ИКС 5d), т.е. возникли более 110 тыс. лет назад.

За данный период, длившийся почти 160 тыс. лет, кардинальных преобразований в каменных индустриях дуруиторского комплекса не выявлено. Отчетливой эволюции нет. Как представляется, продолжительный период стазиса, где развитие почти не ощущалось, характерен для всего этого ком-

плекса. Лишь в появлении в слое III грота Старые Дуруиторы выразительных бифасов листовидных форм, вероятно, можно увидеть предтечу стимулированной эволюции, с которой позднее и началось дальнейшее развитие этого дуруиторско-стинковского единства. В данном случае налицо оригинальная модель трансформации одного из вариантов тайякского технокомплекса в средний палеолит с бифасами листовидных форм. Известные до сих пор европейские модели трансформаций указывают на то, что протокина эволюционирует в мустье типа кина, а эвенозьян — в мустье зубчатое (Lumley 1969). В отличие от Днестровско-Прутского междуречья, в Западной и Центральной Европе тайякский технокомплекс преобразуется в мустье гораздо раньше — уже в конце рисс-вюрмского времени.

Дуруиторско-стинковское единство можно рассматривать как пример трансформации, где рисский ранний/средний палеолит с единичными бифасами относительно быстро превращается в нелеваллуазский и непластинчатый вариант позднплейстоценового времени, напоминающий своеобразное зубчатое мустье, но с многочисленными и типичными бифасами листовидных форм. Этот процесс можно в предварительном плане связать с влиянием индустрий микокского технокомплекса. В дальнейшем данный среднепалеолитический вариант с листовидными бифасами — «преселет типа Стинка», сохраняя в редуцированном виде тайякские элементы, участвует в процессе формирования регионального верхнего палеолита (Анисюткин 2005; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: 159; Chirica, Borziak 2005).

Верхнепалеолитические находки из культурного слоя II сопоставимы с граветтоидным технокомплексом. Присутствие в коллекции кремневых изделий выразительных острий на пластинках с притупленным краем, многофасеточных двугранных резцов, крупных пластинчатых заготовок, дополненных находками костей пещерных хищников и северного оленя раннего типа, указывает на относительно ранний возраст этого комплекса в пределах верхнего палеолита. Заслуживает особого внимания и находка нижней челюсти человека.

Библиография

Адаменко и др. 1996: Адаменко О. М., Гольберт А. В., Осюк В. А., Матвишина Ж. Н., Медяник С. И., Моток В. Е., Сиренко Н. А., Чернюк А. В. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. Киев. 200 с.

Алексеева Л. И. 1980. Особенности териокомплекса последнего межледникового Русской равнины // Млекопитающие Восточной Европы в антропогене. Труды Зоологического института. Т. 93. С. 68–74.

Аникович М. В. 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М. С. 35–66.

Аникович М. В. 2005. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus. 2003–2004. № 1. С. 487–505.

Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб. 336 с. (Труды Костёнковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 5).

Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. Палеолит Костёнковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб. 302 с.

Анисюткин Н. К. 1968. Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. С. 5–10.

Анисюткин Н. К. 1971. Мустье Пруто-Днестровского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 26 с.

Анисюткин Н. К. 1973а. Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите // Советская археология. № 1. С. 228–234.

Анисюткин Н. К. 1973б. Раскопки Выхватинского грота в 1971 г. // Археологические исследования в Молдавии в 1970–1971 гг. С. 3–9.

Анисюткин Н. К. 1977. Об археологических культурах мустье // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. С. 5–9.

Анисюткин Н. К. 2001. Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб. 310 с.

Анисюткин Н. К. 2001–2002. О верхнепалеолитических формах в среднем палеолите юго-запада Русской равнины // Stratum plus. № 1. С. 338–349.

Анисюткин Н. К. 2005. Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему. СПб. 185 с. (Труды Костёнковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 2).

Анисюткин Н. К. 2009. Средний палеолит Восточного Прикарпатья накануне появления верхнего палеолита: хронология, вариабельность, эволюция, структура поселений, образ жизни // Stratum plus. № 1. С. 123–186.

Анисюткин Н. К. 2011. Среднепалеолитическое дуруиторо-стинковское единство на юго-западе Русской равнины // Stratum plus. № 1. С. 237–258.

Анисюткин Н. К. 2013. Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. СПб. 172 с. (Труды Костёнковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 7).

Анисюткин Н. К. 2014. Поздний комплекс раннепалеолитической стоянки Байраки на Нижнем Днестре // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник. Вып. 3. СПб. С. 110–123.

Анисюткин Н. К. 2016. Новые данные о многослойной палеолитической стоянке в гроте Старые Дуруиторы // Stratum plus. № 1. С. 103–118.

Анисюткин Н. К., Кетрару Н. А. 1982. Грот Выхватинцы и проблема домустьерских памятников Молдавии // Проблемы антропогена Молдавии. Кишинев. С. 120–132.

Анисюткин Н. К., Кетрару Н. А. 1999. Выхватинский грот (история исследования, стратиграфия, фауна, каменные индустрии) // Археологический альманах. № 8. С. 141–152.

Анисюткин и др. 2011: Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., Бурлаку В. А. Новые данные о раннем палеолите Приднестровья // Revista arheologică, serie nouă. Vol. VII, nr. 1–2. P. 108–128.

Анисюткин и др. 2012а: Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., Бурлаку В. А., Очередной А. К., Чепалыга А. Л. Байраки — новая стоянка раннего палеолита на нижнем Днестре // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (49). С. 2–10.

Анисюткин и др. 2012б: Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И., Очередной А. К. 2012. Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки в 2011 г. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (52). С. 19–27.

Анисюткин и др. 2013: Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., Ларионова А. В., Очередной А. К., Степанова К. Н., Чепалыга А. Л. Предварительные итоги междисциплинарных исследований многослойной стоянки раннего палеолита Байраки в Приднестровье // Tyragetia. Serie nouă. Vol. VII (XXII), nr. 1. P. 53–68.

Анисюткин и др. 2015: Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И. Предварительные итоги пятилетних исследований (2010–2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) // Археологические вести. № 21. С. 11–30.

Беляева 2002. Беляева В. И. Палеолитическая стоянка Пушкари I (Характеристика культурного слоя). СПб. 156 с.

Болиховская Н. Г. 1995. Эволюция лессово-почвенной формации Северной Евразии. М. 271 с.

Бонч-Осмоловский Г. А. 1940. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. I. М.–Л. 226 с.

Борисковский П. И. 1953. Палеолит Украины. М.–Л. 464 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 40).

Борисковский П. И. 1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л. 172 с.

Бургеля Н. К. и др. 1965: Бургеля Н. К., Друмя А. В., Собецкий В. А., Ткачук В. А. Сеноманский век // Палеогеография Молдавии. Кишинев. С. 59–66.

Васильев и др. 2007: Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. Четырехязычный (русский-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб. 264 с.

Веклич М. Ф. 1968. Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. Киев. 235 с.

Ганя И. М. 1972. История орнитофауны Молдавии с позднего миоцена до наших дней // Фауна наземных позвоночных Молдавии и проблемы ее реконструкции. Кишинев. С. 20–43.

Ганя И. М., Кетрару Н. А. 1964. Некоторые данные об орнитофауне из палеолитического грота Старые Дуруиторы // Известия АН МССР. Серия биол. и хим. наук. № 4. С. 45–48.

Гладилин В. Н. 1966. Различные типы каменной индустрии в мутье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР // Доклады и сообщения археологов СССР = Les rapports et les informations des archeologues de l'URSS: VII Междунар. конгресс доисториков и протоисториков. М. С. 14–17.

Гладилин В. Н. 1976. Проблемы палеолита Восточной Европы. Киев. 230 с.

Гладилин В. Н., Ситливый В. И. 1990. Ашель Центральной Европы. Киев. 268 с.

Гожик П. Ф. 1966. Геология и стратиграфия террасовых отложений долины р. Прут: Автореф. дис. ... канд. геол. наук. Киев. 16 с.

Гожик П. Ф., Чепалыга А. Л. 1964. О синхронизации террас Прута и Днестра // Известия АН МССР. Серия биол. и хим. наук. № 17. **СТРАНИЦЫ???**

Григорьев Г. П. 1989. Виллендофско-костёнковское единство и его природное окружение // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: По материалам Восточной Европы и США. Тез. докл. советско-американского симпозиума. Л. С. 45–48.

Гричук В. П. 1989. История флоры и растительности Русской равнины в плейстоцене. М. 181 с.

Грищенко М. Н. 1969. Материалы по геологической характеристике некоторых археологических памятников в пещерах и гротах северо-запада Молдавии // Охрана природы Молдавии. Вып. 7. С. 135–146.

Громов 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории

СССР. М. 521 с. (Труды Института геологических наук. Вып. 64. Геологическая серия, № 17).

Громов и др. 1969: Громов В. Н., Краснов Н. Н., Никифорова К. В., Шанцер Е. В. Схема подразделения антропогена // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 36. С. 41–55.

Громов В. Н., Никифорова К. В. 1968. Границы между неогеном и антропогеном (четвертичным периодом) // Междунар. геологический конгресс, XXIII сессия. Докл. советских геологов. М. С. 7–16.

Давид А. И. 1961. Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Старые Дуруиторы // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 3. С. 53–60.

Давид А. И. 1964. Фауна палеолитической стоянки Старые Дуруиторы // Тезисы докладов I Симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. Кишинев. С. 6–7.

Давид А. И. 1970. Распространение, численность и изменчивость козули в Антропогене юго-восточной Европы // Палеонтологические исследования верхнего кайнозоя Молдавии. Кишинев. С. 19–21.

Давид А. И. 1974. Остатки *Equus caballus latipes Grom.* в Молдавии // Млекопитающие позднего кайнозоя юго-запада СССР. Кишинев. С. 51.

Давид А. И. 1980. Териофауна плейстоцена Молдавии. Кишинев. 185 с.

Давид А. И., Штейлер А. Д. 1969. Остатки ископаемых млекопитающих из пещеры у с. Бутешты // Труды Историко-краеведческого музея МССР. Вып. 2. С. 147–159.

Давид А. И., Кетрару Н. А. 1970. Фауна млекопитающих палеолита Молдавии // Фауна кайнозоя Молдавии. Кишинев. С. 49–53.

Давид А. И., Кетрару Н. А. 1978. Фауна палеолитической стоянки «Дуруитор» и природная среда плейстоцена в Молдавии // Фауна позднего кайнозоя междуречья Прут–Днестр. Кишинев.

Демиденко Ю. Э. 2005. Проблемы эпохальной и индустриальной атрибуции комплексов находок типа нижнего слоя Киик-Коба в Крыму // Stratum plus. № 1. С. 271–301.

Дороничев и др. 2007: Дороничев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и восточной Европы. СПб. 270 с.

Друмя А. В., Сухаревич П. М. 1958. Меловые отложения Молдавской ССР и западной части Одесской области // Ученые записки Тираспольского пединститута. Вып. VII.

Заррина Е. П. 1991. Четвертичные отложения северо-западных и центральных районов Европейской части СССР. Л. 185 с.

Иванова И. К. 1975. Геологический обзор местонахождений каменного века Молдавии // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 43. С. 90–117.

Иванова И. К. 1982. Геология и палеогеография мустьерского поселения Молодова 1 // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М. С. 188–235.

Кетрару Н. А. 1964а. Исследования палеолитической стоянки в гроте Старые Дуруиторы // Тезисы докладов I Симпозиума по археологии и этнографии юго-запада СССР. Кишинев. С. 4–5.

Кетрару Н. А. 1964б. Археологические разведки в долине р. Чугур // Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР. Кишинев. С. 265–272.

Кетрару Н. А. 1965. Палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы (Предварит. информация) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 105. С. 79–84.

Кетрару Н. А. 1966. Пещеры, гроты и скальные навесы в долине р. Чугур // Проблемы географии Молдавии. Вып. 1. Кишинев. С. 120–128.

Кетрару Н. А. 1969. Исследования палеолита в Молдавии. Краткий обзор открытий и раскопок // Известия АН МССР. Серия биол. и хим. наук. № 2. С. 71–76.

Кетрару Н. А. 1970. Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты // Охрана природы Молдавии. Вып. 8. С. 113–132.

Кетрару Н. А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита. Кишинев. 180 с. (Археологическая карта МССР. Вып. 1).

Кетрару Н. А. 1991. Производственные комплексы раннего палеолита Молдовы // Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы. Кишинев. С. 5–28.

Кетрару Н. А., Анисюткин Н. К. 1967. Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. Кишинев. 39 с.

Кетрару Н. А., Борзияк И. А. 1975. Новая многослойная палеолитическая стоянка в гроте Ла Сэрэтурь // Новейшие открытия советской археологии. Ч. 1. Киев. С. 57–59.

Коваленко С. И., Кетрару Н. А. 2006. Рукоятки из рога и кости верхнепалеолитической стоянки Рашков 7 // Revista arheologică, serie nouă. Vol. 2, nr. 1. С. 262–265.

Коваленко С. И., Кройтор Р. В. 2016. Оружие из кости, рога и бивня с многослойной стоянки позднего палеолита Косэуць на Среднем Днестре // Stratum plus. № 1. С. 121–135.

Константинова Н. А. 1963. Террасы низовьев Прута и лиманов дельты Дуная // Доклады АН СССР. Т. 149, № 1. С. 56–61.

Коробков И. И. 1965а. Нуклеусы Яштуха // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 131. С. 76–110.

Коробков И. И. 1965б. Новые палеолитические находки на Яштухе (По результатам работ 1961 г.) // Советская археология. № 3. С. 91–99.

Коробков И. И. 1971. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений с разрушенным культурным слоем // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 173. С. 61–99.

Коробков И. И., Мансуров М. М. 1972. К вопросу о типологии тей-якско-зубчатых индустрий // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 185. С. 55–67.

Кулаковская Л. В. 1989. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. Киев. 124 с.

Краснов Н. Н., Никифорова К. В. 1973. Схема стратиграфии четвертичной (антропогеновой) системы, уточненная по материалам последних лет // Стратиграфия, палеогеография и литогенез антропогена Евразии. М. С. 157–188.

Левковская Г. М., Анисюткин Н. К. 1989. Первые данные о палинологической характеристике в разрезе Погребя // Четвертичный период. Палеогеография и литология. Кишинев. С. 97–102.

Лозан М. Н. 1970–1971. Грызуны Молдавии. Т. 1, 2. Кишинев. 187 с.

Любин В. П. 1965. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 101. С. 7–75.

Любин В. П. 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб. 187 с.

Любин В. П., Беляева Е. В. 2004. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо I. Центральный Кавказ. СПб. 272 с.

Любин В. П., Беляева Е. В. 2011. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб. 120 с.

Москвитин А. Н. 1963. О строении покровных образований древнейших террас Днестра // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 28. С. 33–55.

Негадаев-Никонов К. Н., Арапов А. А. 1964. О террасах долины Прута центральной части Молдавии // Известия АН МССР. Серия биол. и хим. наук. № 7. **СТРАНИЦЫ???**

Негадаев-Никонов К. М., Арапов А. А., Чепальга А. Л. 1964. Четвертичные террасы бассейна реки Реут // Известия АН МССР. Серия биол. и хим. наук. № 7. С. 12–21.

Негадаев-Никонов К. Н., Яновский П. В. 1969. Четвертичные отложения Молдавской ССР. Кишинев. 91 с.

Николаеску-Плоштор К. С. 1965. О стратиграфии и периодизации палеолита Румынии // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. К VII Конгрессу INQUA. М. С. 28–33.

Обадэ Т. 2014. Свидетельства контакта *Mammuthus intermedius* Jordan 1861 с древними людьми: Дуруитоаре Веке. Республика Молдова // Місцезнаходженне Меджибіж і проблеми вивчення нижнього палеоліту Східноєвропейської рівнини. Тернопіль. С. 217–226. (Науковий вісник. Вып. 1, ч. 2).

Орлов С. С. 1966. Распространение оползней в Молдавии и особенности борьбы с ними // Охрана природы Молдавии. Вып. 4.

Палеопедология. 1974. Киев. 215 с.

Паничкина М. З. 1959. Палеолитические нуклеусы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 1. С. 7–77.

Пидопличко И. Г. 1952. Новый метод определения геологического возраста костей четвертичной системы. Киев. 90 с.

Попова В. Т., Собоцкий В. А. 1964. Мел // Стратиграфия осадочных образований Молдавии. Кишинев. С. 65–75.

Праслов Н. Д. 1968. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л. 156 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 157).

Праслов Н. Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М. С. 94–134.

Пясецкий В. К. 2014. Какой же в действительности возраст палеолитических стоянок Подолья (по материалам А. Б. Богущкого и А. С. Сытника) // Місцезнаходженне Меджибіж і проблеми вивчення нижнього палеоліту Східноєвропейської рівнини. Тернопіль. С. 227–240. (Науковий вісник. Вып. 1, ч. 2)

Ранов В. А. 1971. Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. С. 3–53.

Синцов И. Ф. 1873. Геологический очерк Бессарабской области // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. 1, вып. 3. С. 24–35.

Ситник О. С. 2000. Середній палеоліт Поділля. Львів. 371 с.

Смирнов С. В. 1973. Палеолит Дніпровського Надпоріжжя. Київ. 172 с.

Собоцкий В. А., Яновская Г. Я. 1969. Меловая система // Геология СССР. Т. XLV: Молдавская ССР: Геологическое описание и полезные ископаемые. М. С. 120–130.

Степанчук В. Н. 1997. Индустрии типа нижнего слоя Киик-Кобы в палеолите Крыма // Археология Крыма. Т. 1, вып. 1. Симферополь. С. 21–32.

Степанчук В. Н. 2006. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы. 467 с.

Степанчук В. Н. 2013. В. Н. Даниленко и исследования по раннему палеолиту Украины // Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку — енеоліту. До 100-річчя від дня народження В. М. Даниленка. Мат-ли Міжнародн. наук. конф. Мелітополь. С. 173–180.

Стратиграфия СССР. 1982. Четвертичная система. Полутом 1. М. 551 с.

Сулейманов Р. Х. 1966. Характер развития одной из локальных ветвей эволюции каменной индустрии // История материальной культуры Узбекистана. Вып. VII. С. 19–27.

Сухов И. М. 1968. Изучение геологического строения Карпатского региона на базе разломно-блоковой тектоники // Палеонтология, геология, полезные ископаемые Молдавии. Вып. 3. Кишинев. С. 92–114.

Формозов А. А. 1958. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. М. 123 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 1).

Черныш А. П. 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V: Люди каменного века и окружающая среда. М. С. 7–93.

Шелкопляс В. Н., Морозов Г. В. 1965. Некоторые результаты исследования четвертичных отложений термолюминисцентным методом // Материалы по четвертичному периоду Украины. Киев. **СТРАНИЦЫ???**

Щелинский В. Е. 1992. Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики) // Вопросы археологии Адыгеи. С. 194–209.

Behm-Blancke I. 1960. Altsteinzetlicke Rastplätze im Travertingebiet von Taubach, Weimer, Ehringsdorf. Bd 4. Weimer.

Bordes F. 1950. Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la typologie du Paléolithique ancien et moyen // L'Anthropologie. Т. 54. P. 19–34.

Bordes F. 1958. Le passage du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur // Hundert Jahre Neanderthaler. Utrecht. S. 175–182.

Bordes F. 1961. Typologie du Paléolithique ancien et moyen // Publications de L'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Mem. I. Bordeaux. 85 p.

Bordes F. 1972. A Tale of Two Caves. New York. 180 p.

Bordes F. 1984. Leçons sur le Paléolithique: Т. 1. Le Paléolithique en Europe. Paris. 459 p. (Cahiers du quaternaire. № 7).

Bordes F., Bourgon M. 1951. Le complexe Mousterien: Mousterien, Levalloisien et Tayacien // L'Anthropologie. Т. 55. P. 1–23.

Bordes et al. 1966: Bordes F., Laville H., Paquerau M.-M. Observations sur le Pléistocène supérieur du gisement de Combe-Grenal (Dordogne) // Actes de la Société Linnéenne de Bordeaux (série B). Т. 103, nr. 10. P. 3–19.

Bosinski G. 1967. Die Mittelpaläolithischen Funde im Westlichen Mitteleuropa. Fundamenta, Reihe A/4. Köln. 205 S.

Bourgon M. 1957. Les industries moustériennes et pré-moustériennes du Périgord // Les Archives de l'Institut de paléontologie humaine. Mémoire 27. Paris.

Breuil H. 1932. Les industries à éclats du Paléolithique ancien // Le Clactonien. Prehistoire 1. P. 125–190.

Callow P., Cornford J.-M. 1986. La Cotte de St. Brelade 1961–1978: Excavations by C.B.M. McBurney. Norwich.

Chetaru N. 1992. Contribuții la cunoașterea paleoliticului inferior în Moldova // Anuarul Muzeului Național de Istorie a Moldovei, nr. II. Chișinău.

Chirica V., Borziac I. 2005. Gisements du Paléolithique inférieur et moyen entre le Dnestr et la Tissa. Iasi. 385 p.

Collins D. M. 1968. Metrischer und typologischer Beweis für die Selbständigkeit der Kultur Traditionen des Acheuleens und des Clactoniens in England und Deutschland // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Т. 52. Halle (Saale). S. 27–38.

Combier J. 1967. Le Paléolithique de L'Ardèche dans son cadre paléoclimatique // Publications de L'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Mémoire 4. Bordeaux. 462 p.

Dicu P. 1972. Descoperiri atribuite Paléoliticului inferior pe cursul mijlociu al Argeşului (jud. Argeş) // Studii și cercetări de Istorie Veche. T. 23, nr. 2. P. 223–234.

Dicu P. 1973. Noi descoperiri de unelte atribuite paleoliticului inferior pe cursul mediu al Argeşului // Studii și cercetări de Istorie Veche. T. 24, nr. 4. СТРАНИЦЫ???

Fernando Diez Martin 2002. Reassessment of the European Mode 1 occurrences: elements for their technological definition and interpretation // Trabajos de Prehistoria. Vol. 59, nr. 2. P. 11–25.

Feustel R. 1983. Zur zeitlichen und kulturellen Stellung des Paläolithikums von Weimar-Ehringsdorf // Alt-Thüringen. Vol. 19. S. 16–42.

Gamble C. 1986. The Palaeolithic settlement of Europe. Cambridge. 471 p.

Guichard G. 1976. Les civilisations du Paléolithique inférieur en Périgord // La Préhistoire Française. Paris. P. 909–928.

Henri-Martin G. 1957. La grotte de Fontéchevade. Première partie: historique, fouilles, stratigraphie, archéologie // Archives de L'Institut de Paléontologie Humaine. Mémoire 28. 288 p.

интервал страниц?

Hoffecker J. F. 2002. Desolate landscapes. Ice-Age Settlement in Eastern Europe. New Brunswick, New Jersey, London. 298 p.

Hoffecker J. F. 2005. A Prehistory of the North. Human Settlement of the Higher Latitudes. New Brunswick, New Jersey, London. 230 p.

Hours F., Copeland L., Aurenche O. 1973. Les industries paléolithiques du Proche Orient: Essai de corrélation // L'Anthropologie. T. 77, nr. 3–4. P. 229–280, 437–496.

Jaubert et al. 2011: Jaubert J., Bordes J.-G., Descamps E., Gravin A. A new look at the end of the Middle Palaeolithic sequence in Southwestern France // Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia. Proceedings of the International Symposium “Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia: Development of Culture and Evolution of Homo Genus”. Novosibirsk. P. 102–115.

Lumley H. 1969. Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. T. I–II.

Lumley H. 1976a. Les civilisations du Paléolithique inférieur en Languedoc méditerranéen // La Préhistoire Française. T. I. P. 852–874.

Lumley H. 1976b. Baum Bonne // IX Congrès de l'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Paris. СТРАНИЦЫ???

Lumley et al. 1976a: de Lumley H., de Lumley M.-A., Miskovsky J.-C., Renault-Miskovsky J. Le site de Terra Amata // IX Congrès de l'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Paris. СТРАНИЦЫ???

Lumley et al. 1976b: de Lumley H., de Lumley M.-A., Miskovsky J.-C., Renault-Miskovsky J. Grotte du Lazaret // IX Congrès de l'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Paris. СТРАНИЦЫ???

Moroşan N. 1938a. La station paléolithique de grotte de la Stâncă Ripiceni // Dacia. Vol. V–VI. СТРАНИЦЫ???

Moroşan N. 1938b. Le Pleistocène et le Paléolithique de la Roumanie du Nord-Est // Anuarul Institutului de Geologie al României. Vol. XIX. P. 1–146.

Movius H. L. 1949. The lower Paleolithic cultures of Southern and Eastern Asia. Philadelphia. 91 p. (Transaction of the American Philosophical Society. N.S. Vol. 38).

Obada T., David A. 2008. *Mammuthus cf. chosaricus* (Dubrovo, 1966) de la Duruitoarea Veche, Republica Moldova // Structura și funcționarea ecosistemelor în zona de interferență biogeografică (Simpozion internațional consacrat jubileului de la 60 ani al academiceianului Ion Toderas). Chișinău. P. 209–2011.

Obada T. 2014. Evidence of contact between *Mammuthus intermedius* (Jordan, 1861) and ancient humans from Duruitoarea Veche, Republic of Moldova: preliminary data // Scientific Annals, School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki, Greece. VI International Conference on Mammots and their Relatives, Grevena – Statista. Vol. 102. P. 145–146.

Paterson T. T. 1945. Core Culture and Complex in the Old Stone Age // Proceedings of the Prehistoric Society. N.S. Vol. 11. P. 1–19.

Peyrony D. 1938. La Micoque. Les fouilles récentes – leur signification // Bulletin de la Société préhistorique française. Vol. 6. P. 257–288.

Schafer D. 1981. Taubach // Ethnographische Archäologische Zeitschrift. Vol. 22. S. 369–396.

Steiner W. 1979. Der Travertin von Ehringsdorf und seine Fossilien. Ziemsen Verlag – Wittenberg. 200 S. (Die Neue Brehm-Bücherei. Bd. 522).

Svoboda J. 1980. Caune de l'Arago 17 (Tautavel, Pyrénées-Orientales, France): Etude préliminaire de l'Industrie Lithique // Anthropologie. T. XVIII/1. P. 15–39.

Tode A. 1960. Was ist das “Tayacien”? // Festschrift für Lothar Zotz. Steinzeitfragen der alten und neuen Welt. Bonn. S. 539–550.

Tchepalyga A. L., Anisytkin N. K. 2014. The First Peopling of Europe via North Black Sea Corridor: Discovery of Oldovanian in the Dniester Valley. XVII World Congress of The International Union for Prehistoric and Protohistoric. Burgos.

Thiébaud C. 2005. Le Moustérien à denticulés. Variabilité ou diversité technico-économique. Thèse pour obtenir le grade de Docteur en Préhistoire. Université d'Aix-Marseille. 877 p.

Valoch K. 1971. Le Paléolithique inférieur et moyen en Europe Centrale // Actes du VIII Congrès Int. de l'UISPP. Vol. 1. Beograd. P. 27–40.

Valoch K. 1984. La Taubachien, sa géochronologie, paléoécologie et paléoethnologie // L'Anthropologie. T. 88. P. 193–208.

Valoch K. 1988. Die Erforschung der Kulna-Höhle // Antropos. Bd. 24 (N.S., № 16). S. 1–200.

Valoch K. 1993. Les industries du Paléolithique moyen de Mamaia-Sat, Roumanie // L'Anthropologie. T. 97, nr. 2–3. P. 239–264.

Văscăuțanu Th. 1923. Asupra formațiunilor mediterane din Nordul Basarabiei. București. 18 p. (Academia Română: Memoriile secțiunii științifice. Seria 3, t. 3, memoire 6).

Иллюстрации

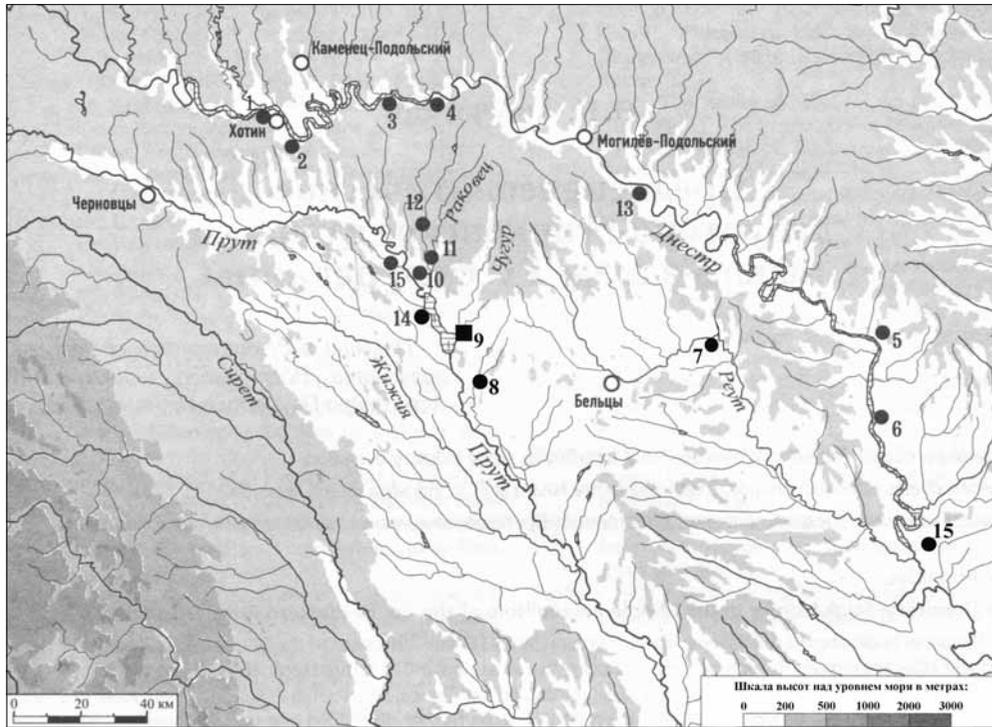

Рис. 1. Карта распространения основных памятников раннего и среднего палеолита Молдавии: 1 – Стинковская группа (Стинка 1 и 2, Осыпка); 2 – Кетросы, Шипот 1 и 2, Кишлянский Яр; 3 – Молодова V и I; 4 – Кормань IV; 5 – Хоробра; 6 – Выхватинцы; 7 – Бобулешты 5; 8 – Бутешты; 9 – грот Старые Дуруиторы; 10 – Мерсына; 11 – грот Буздужаны; 12 – гроты Тринка I, II, III; 13 – Ярово; 14 – Рипичень-Извор; 15 – Байраки

Рис. 2. Общий вид на грот (указан стрелкой) и скальный массив из села (с запада)

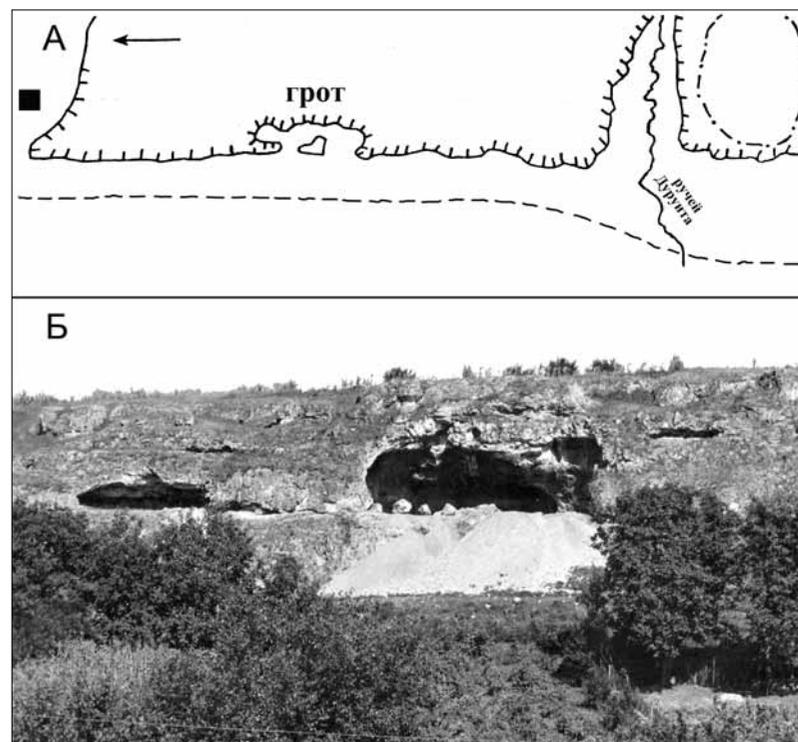

Рис. 3. Схематический план скального массива с гротом (А) и общий вид на грот с запада (Б). На северной окраине скального массива квадратом отмечено место расчистки костей мамонта

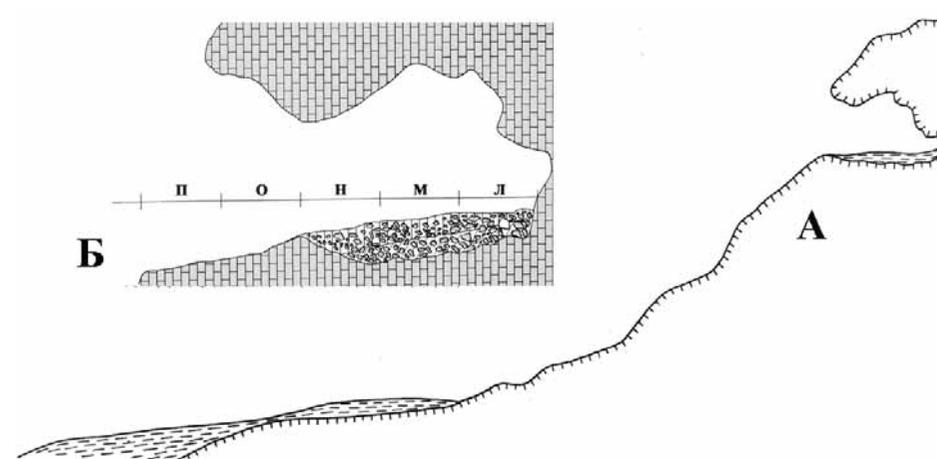

Рис. 4. А — схематический разрез скального массива с гротом;
Б — разрез северной камеры грота

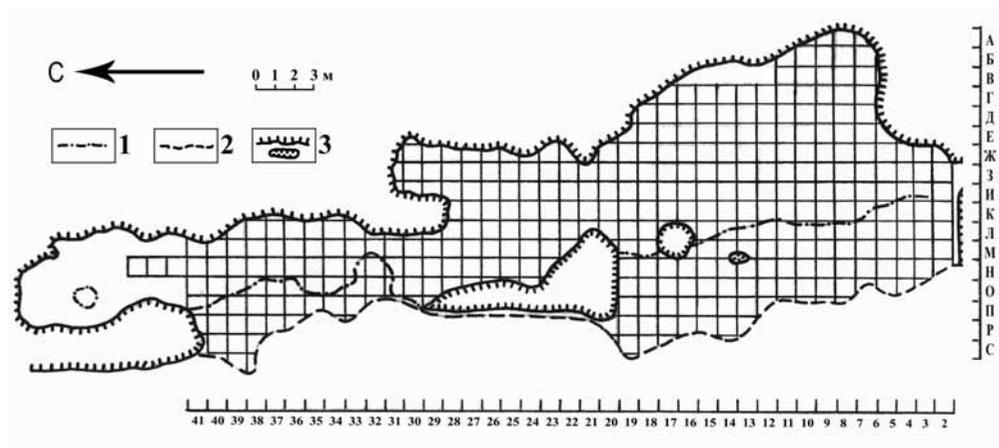

Рис. 5. Генеральный план раскопа. Условные обозначения: 1 — линия карниза; 2 — линия скального основания; 3 — скала и крупные известняковые камни

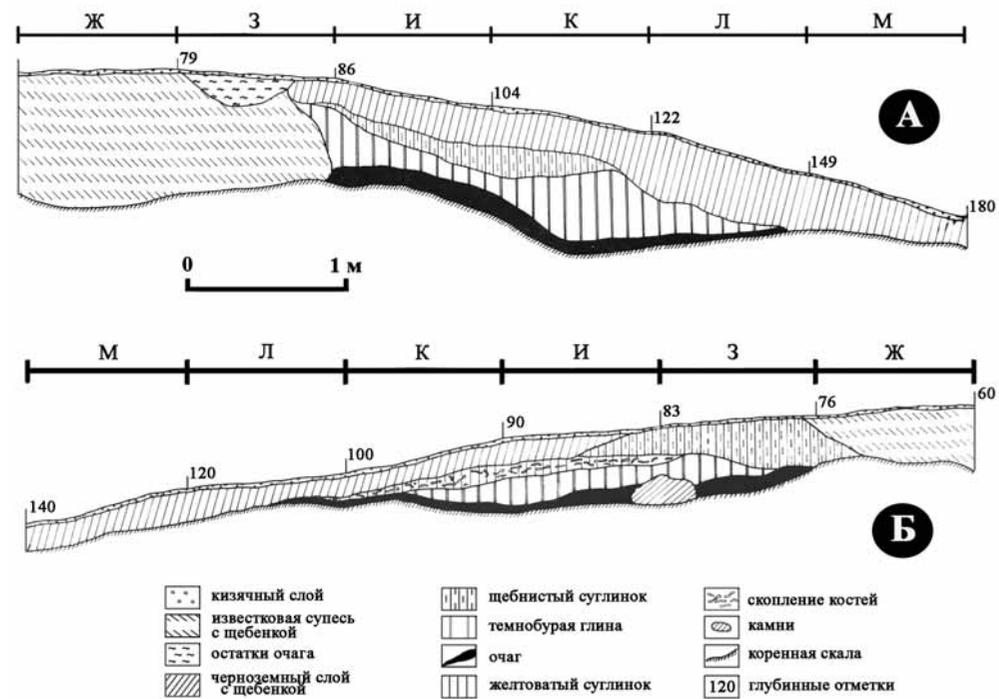

Рис. 6. А — разрез стенки раскопа по линии 5–6 (по линии восток-запад); Б — разрез стенки раскопа по линии 8–9 (запад-восток). Раскопки 1959 г.

«темно-бурая» на самой картинке
нужно написать через дефис

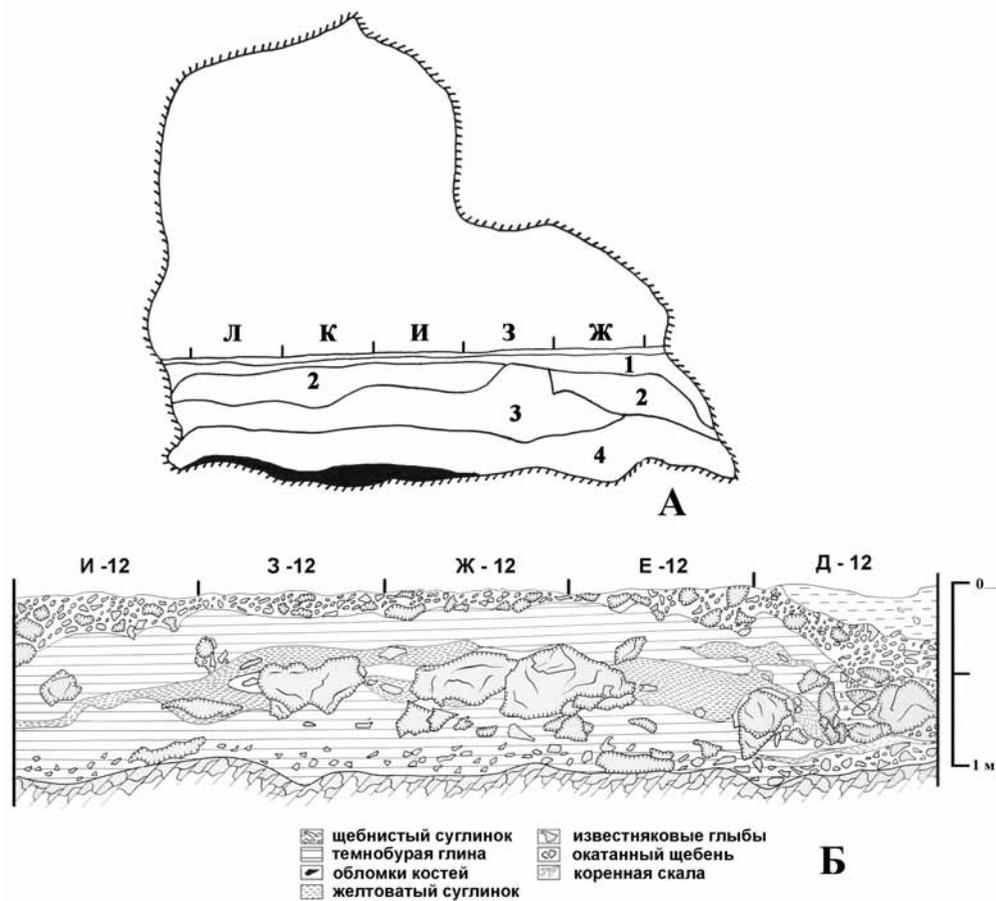
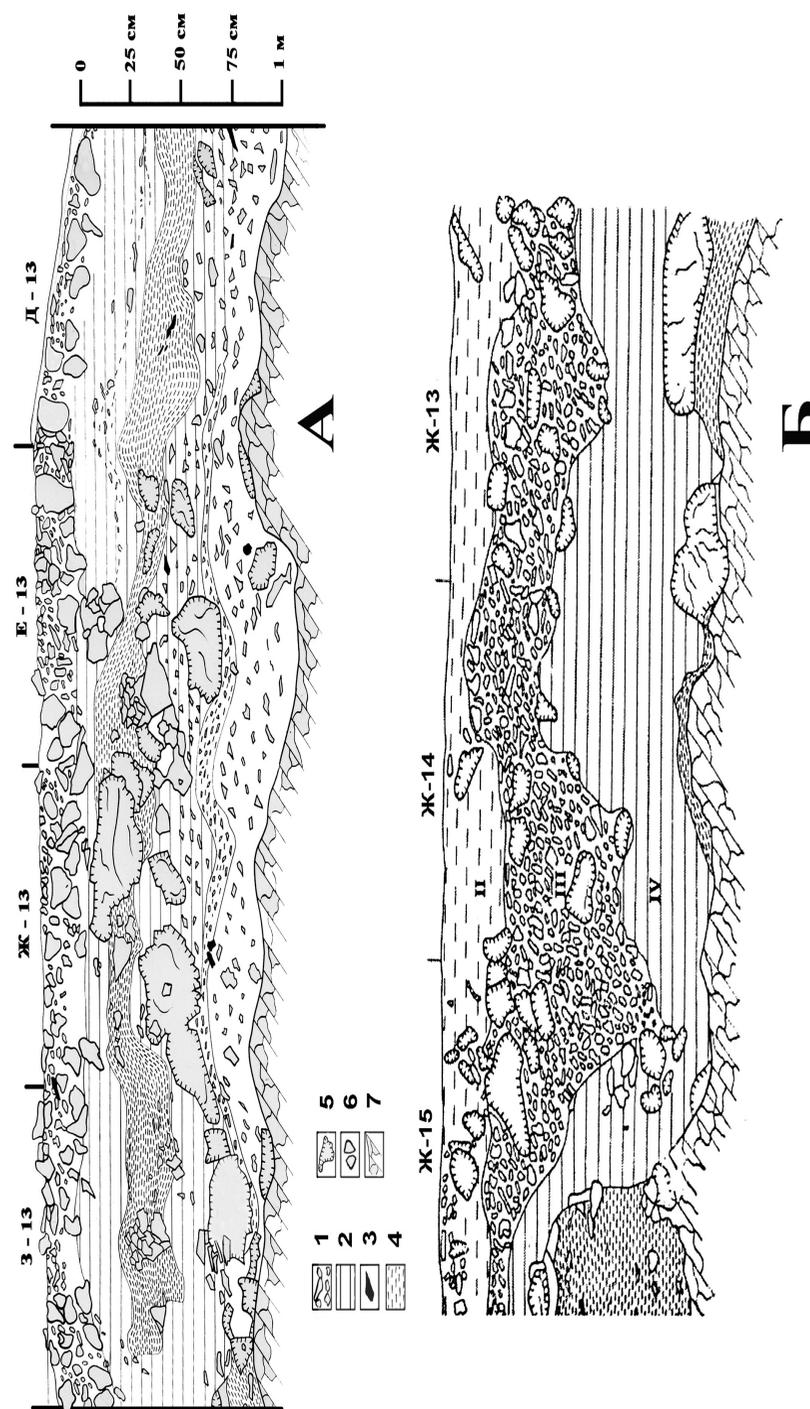

Рис. 7. А — разрез по линии 19–20/Ж–М (северная граница южной камеры);
 Б — разрез северной стенки раскопа южной камеры по линии И–Д/12. Раскопки
 1973 г. Слои обозначены арабскими цифрами

1 — слой с известняковым щебнем; 2 — суглинок тяжелой темно-бурого цвета; 3 — кости;
 4 — суглинок желтовато-серый; 5 — блоки известняка; 6 — крупные обломки известняка;
 7 — скальное основание гота. Б — разрез восточной стенки раскопа южной камеры с промывкой на уровне слоя III.
 Слои обозначены римскими цифрами. Раскопки 1973 г.

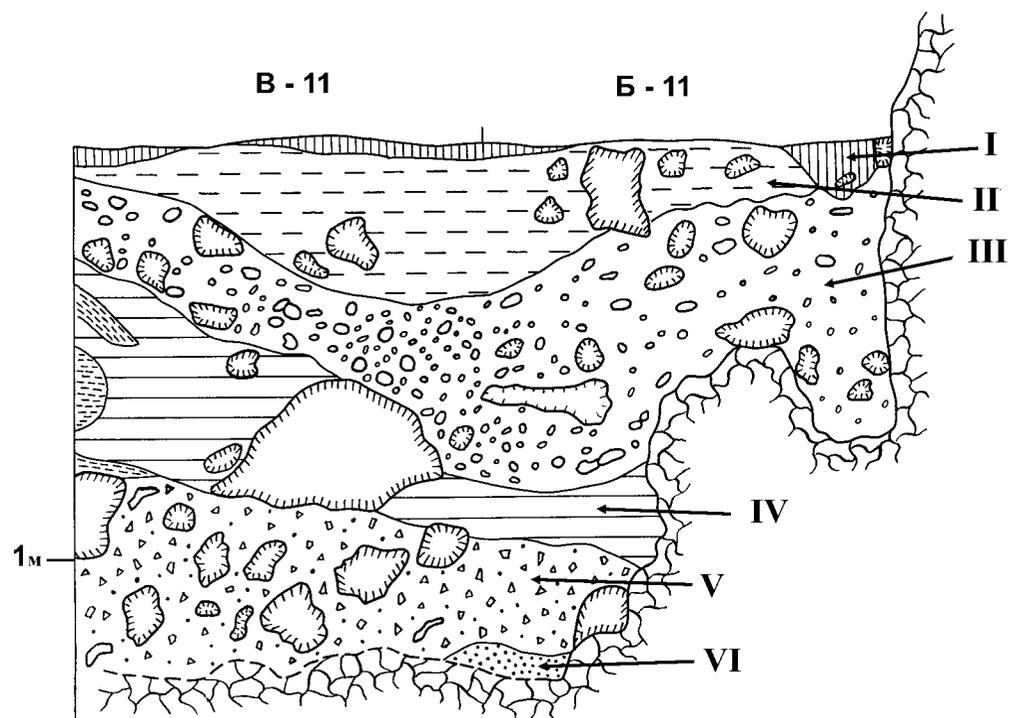

Рис. 9. Разрез пристенного участка раскопа южной камеры (восточная стенка раскопа). Слои обозначены римскими цифрами. Раскопки 1973 г.

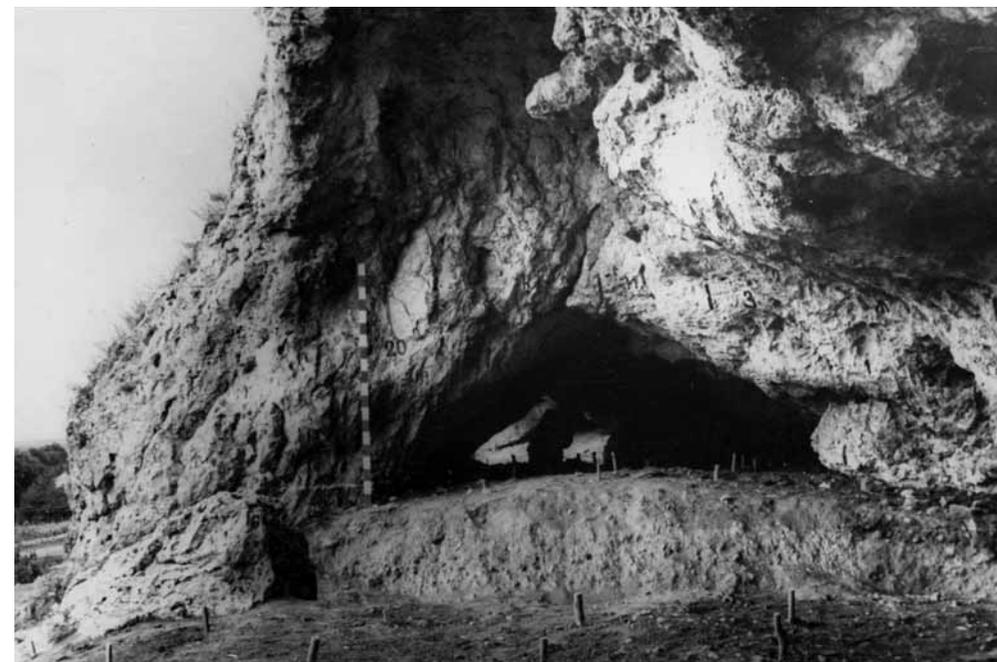

Рис. 10. Вид на северную и центральную камеры с юга

Рис. 11. Разрез стенки раскопа в южной камере. Полностью снят слой II и частично слой III

ВРЕМЯ	ТЕМПЕРАТУРА	OIS
	очень тепло	1
24,000	холод	II 2
	прохладно	3
59,000	холод	4
71,000	тепло	5
128,000	очень тепло	
	холод	6
	прохладно	
186,000	тепло	III 7
245,000	холод	IV 8
303,000	тепло	9

Рис. 12. Климатостратиграфическая шкала среднего и позднего плейстоцена и хронологическое положение слоев грота (слои обозначены римскими цифрами)

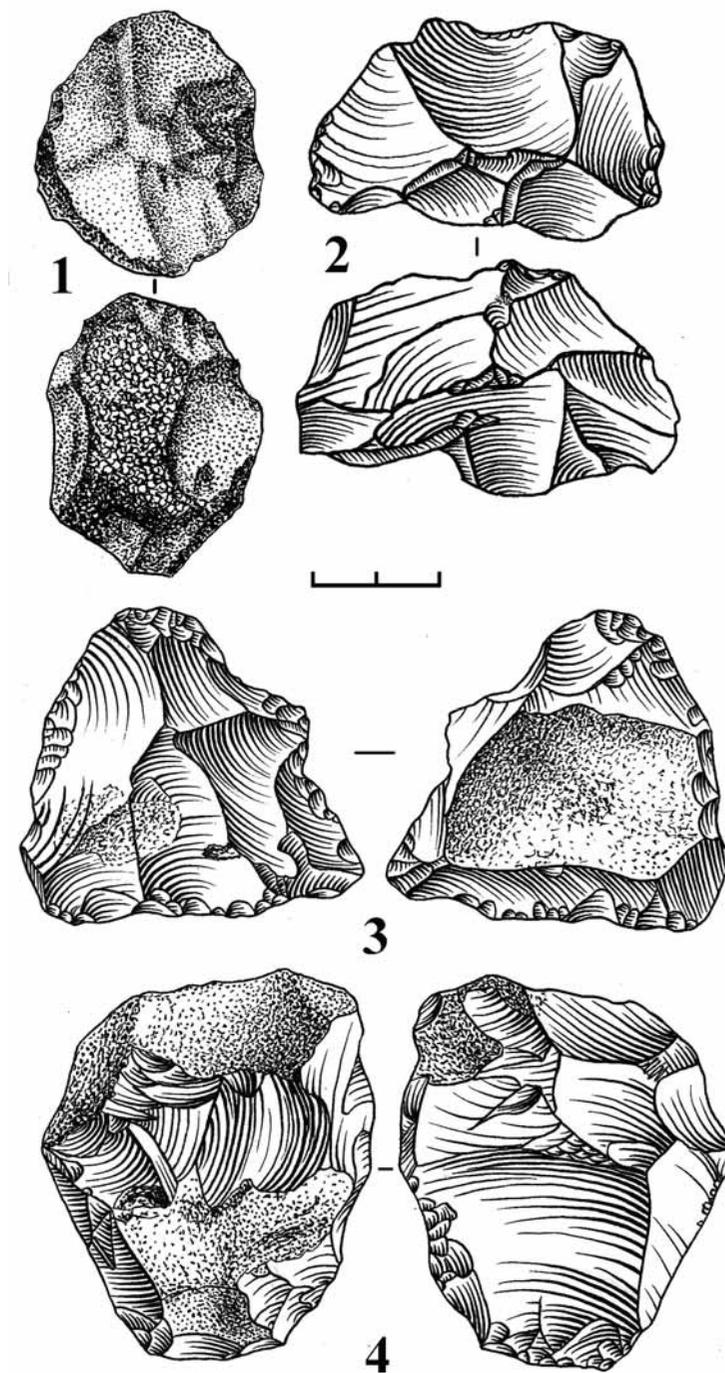

Рис. 13. Нуклеусы слоя IV: 1-3 — дисковидные (1 — кварцитовидный песчаник); 4 — одноплощадочный

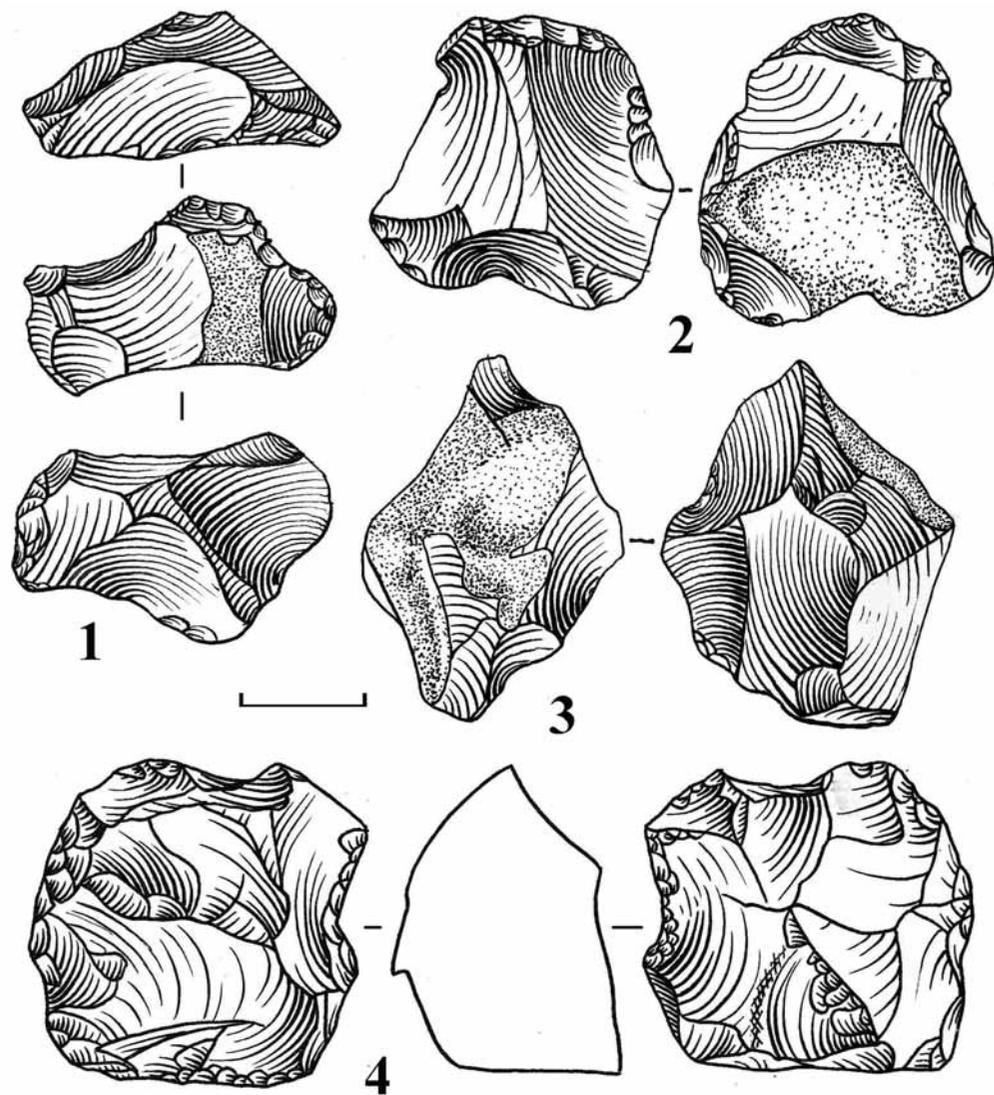

Рис. 14. Нуклеусы слоя IV: 1 — пирамидальный; 2, 4 — дисковидные;
3 — многогранник

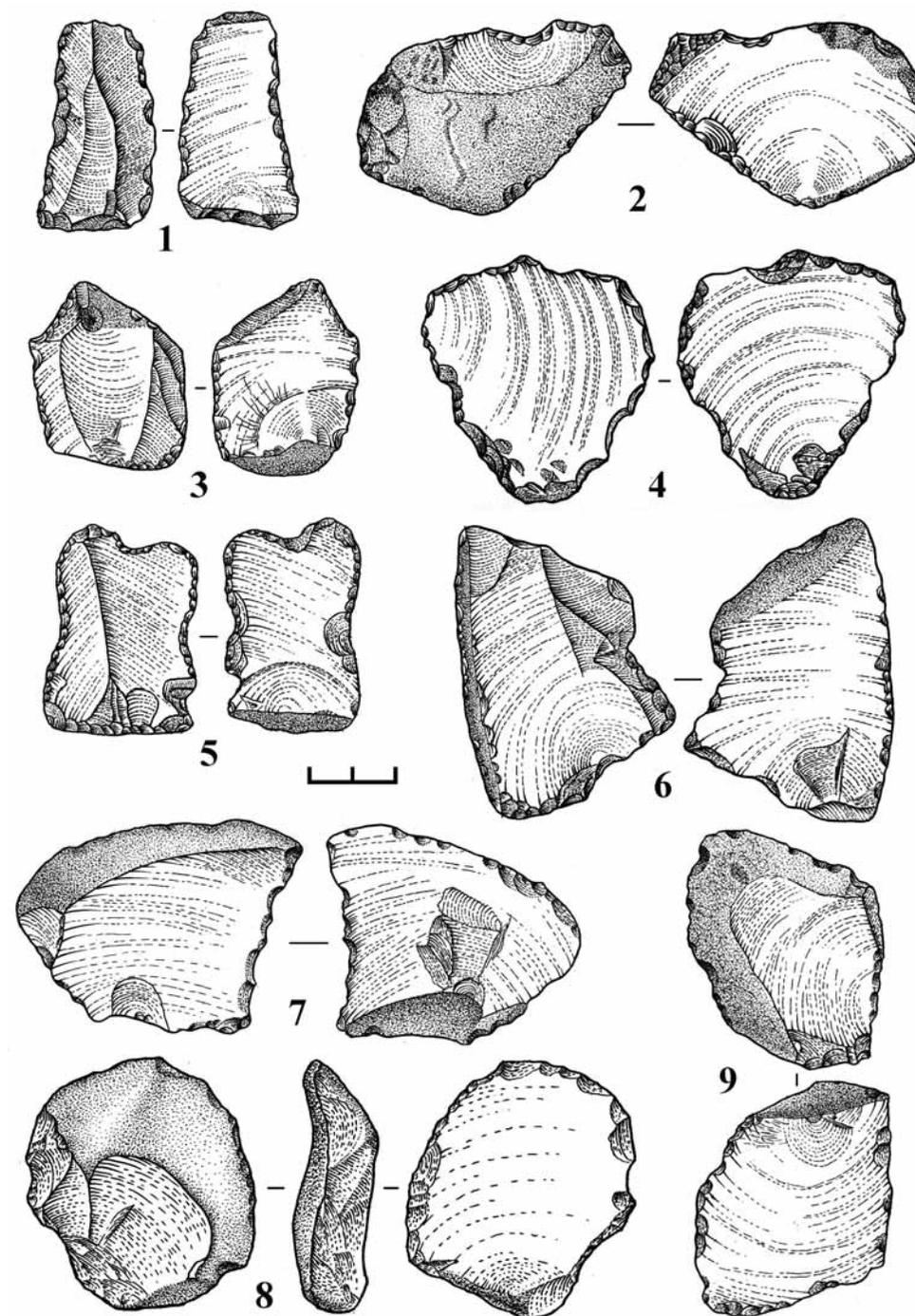

Рис. 15. Отщепы кварцевые с ретушью слоя IV
(2 — клектонское выемчатое орудие)

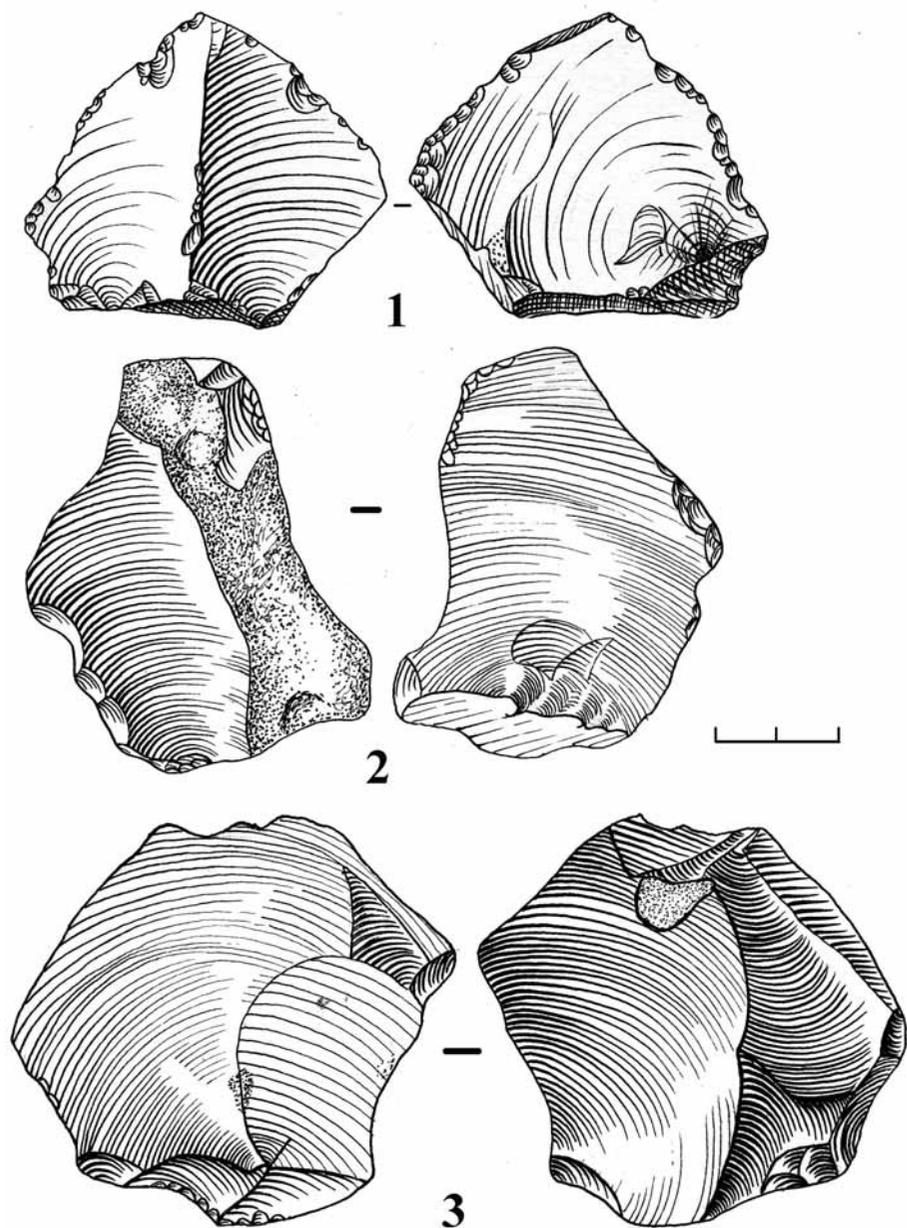

Рис. 16. Крупные клектонские отщепы с ретушью слоя IV

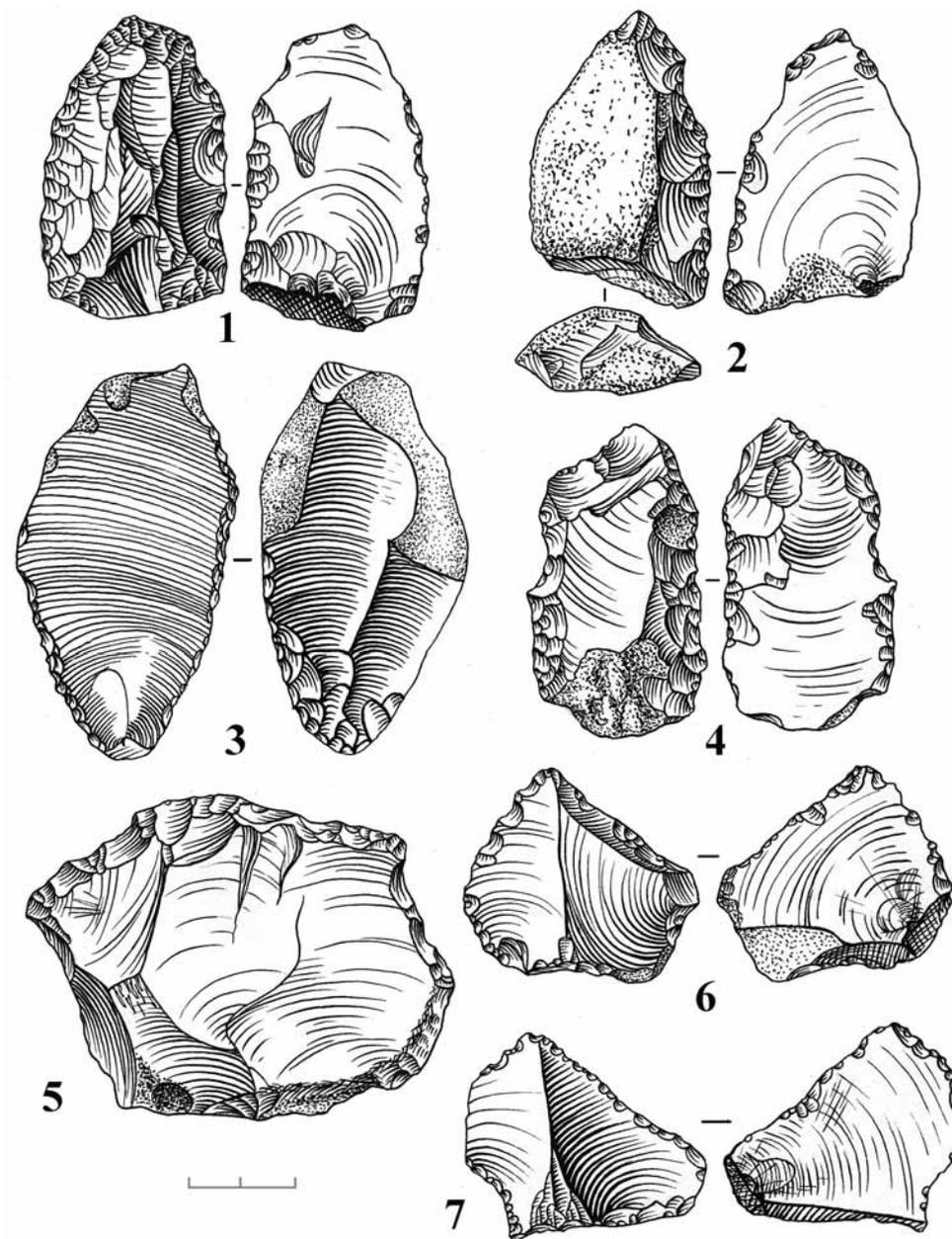

Рис. 17. Кремневые орудия слоя IV: 1 — простое скребло с прямым рабочим краем; 2, 3 — простые скребла с выпуклыми рабочими краями; 4 — двойное скребло с острием; 5 — поперечное скребло; 6, 7 — отщепы с ретушью

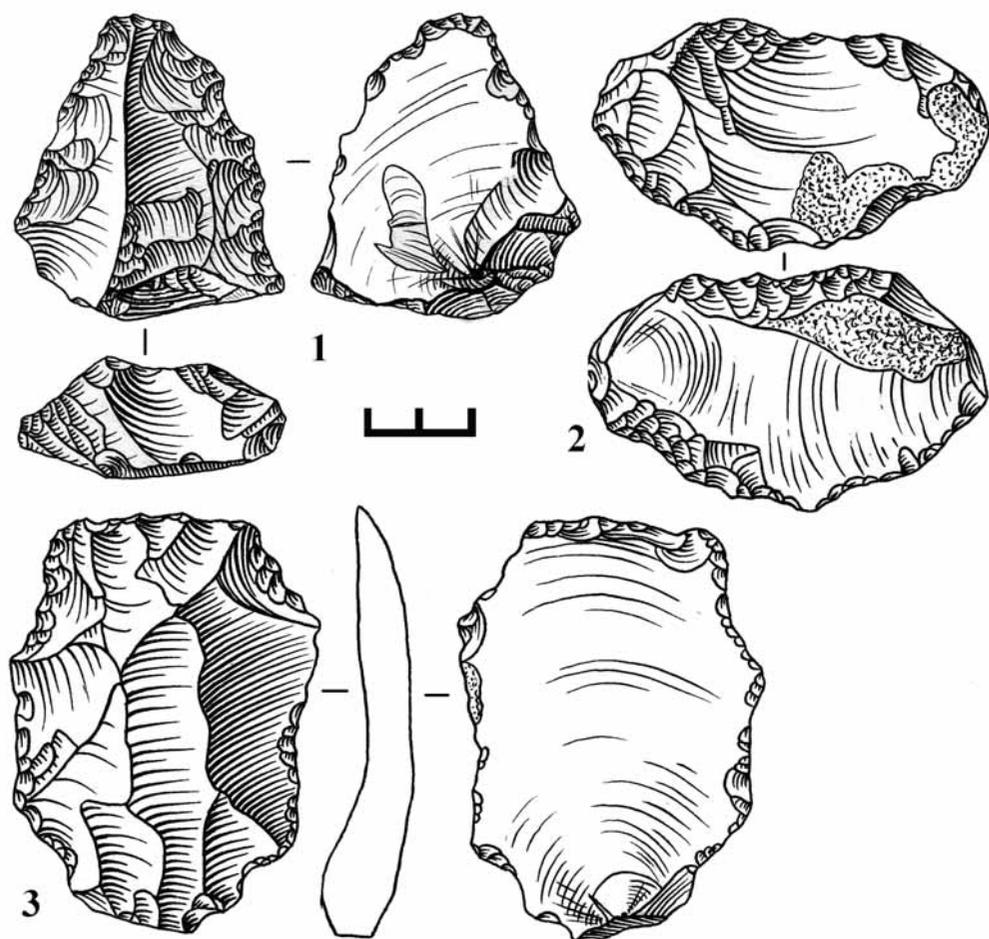

Рис. 18. Кремневые орудия слоя IV: 1 — таймырское острие-скребок на площадке;
2 — частично двустороннее скребло (заготовка листовидного острия);
3 — скребло на отщепе леваллуа

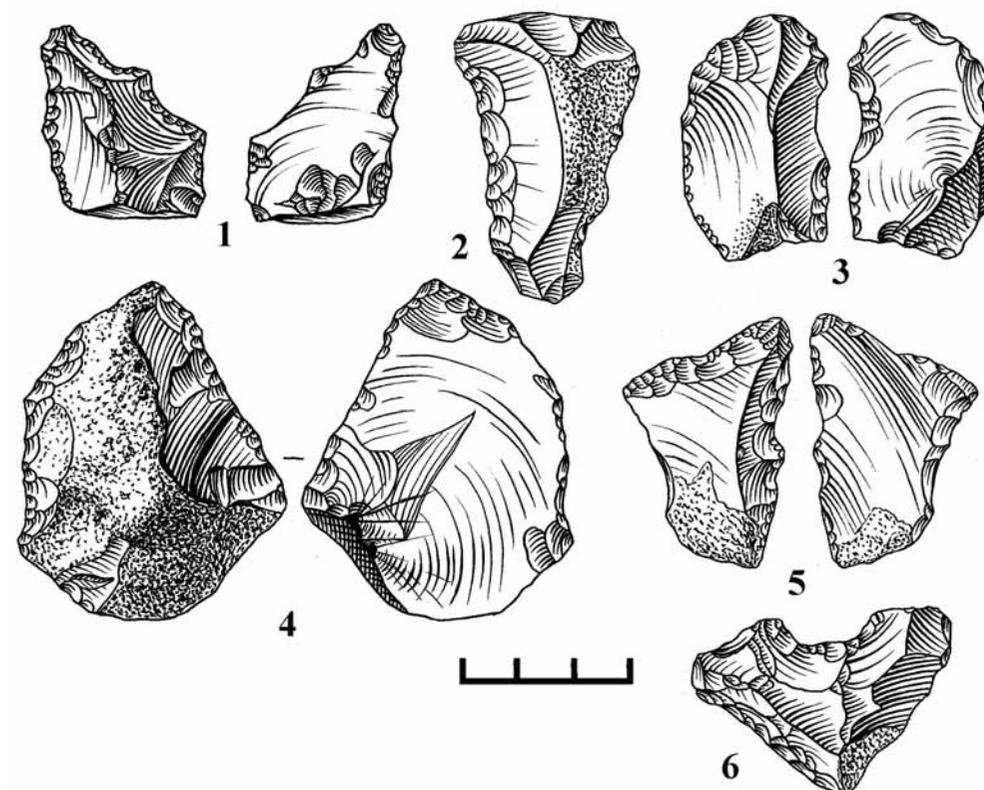

Рис. 19. Кремневые орудия слоя IV: 1 — таймырское острие; 2, 6 — выемчатые скребла; 3 — скребло с чередующейся обработкой рабочих краев;
4 — простое скребло с прямым рабочим краем; 5 — угловатое скребло

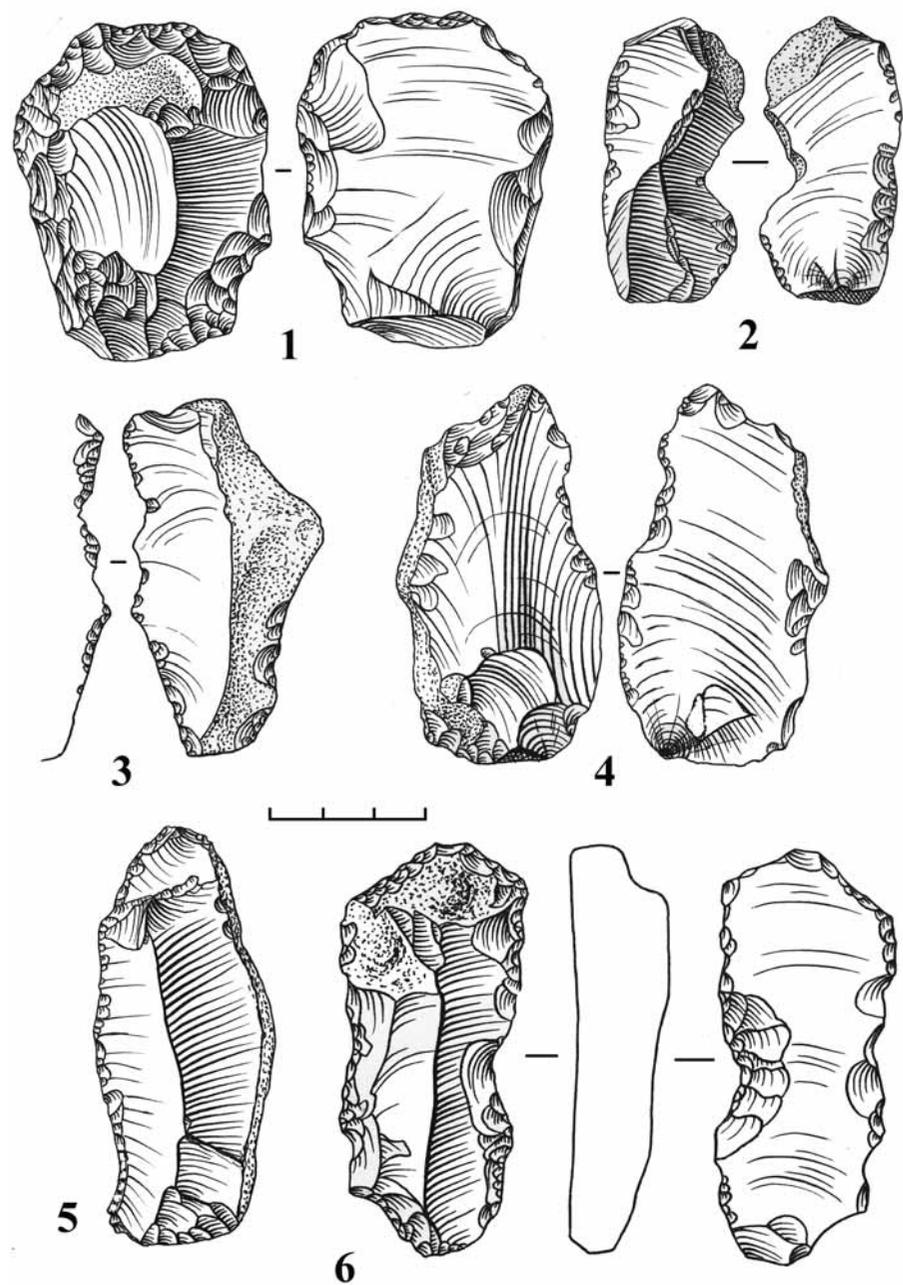

Рис. 20. Кремневые орудия слоя IV: 1 — скребло простое с прямым рабочим краем и с атипичным концевым скребком; 2 — скребло простое с выпуклым рабочим краем; 3, 4, 5 — ножи с естественными обушками; 6 — выемчатое орудие

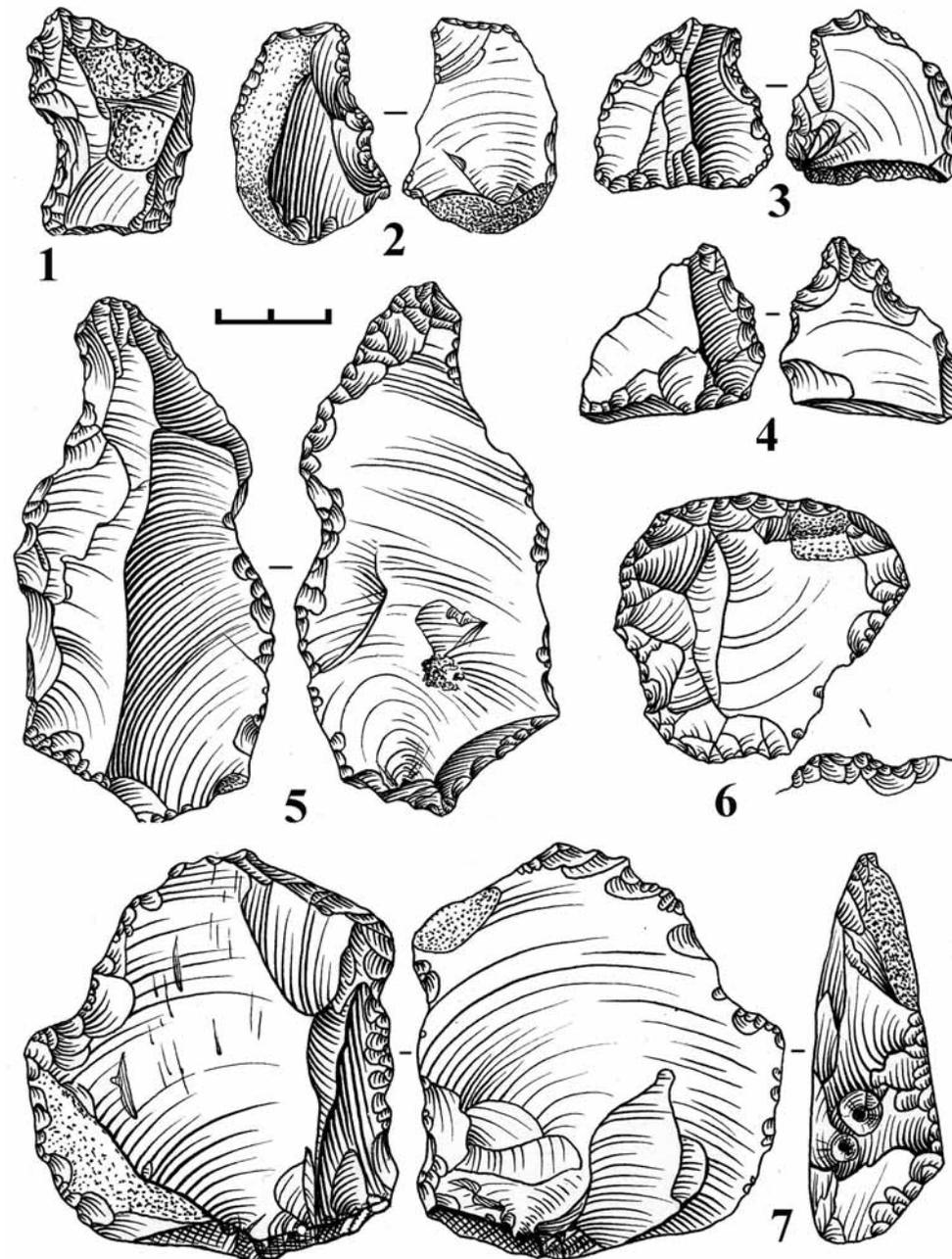

Рис. 21. Кремневые орудия слоя IV: 1 — выемчатое орудие, 2 — скребло зубчатое прямое; 3, 4 — таймырские остря; 5 — пластина с плоской ретушью конца; 6 — скребок; 7 — крупный отщеп с ретушью

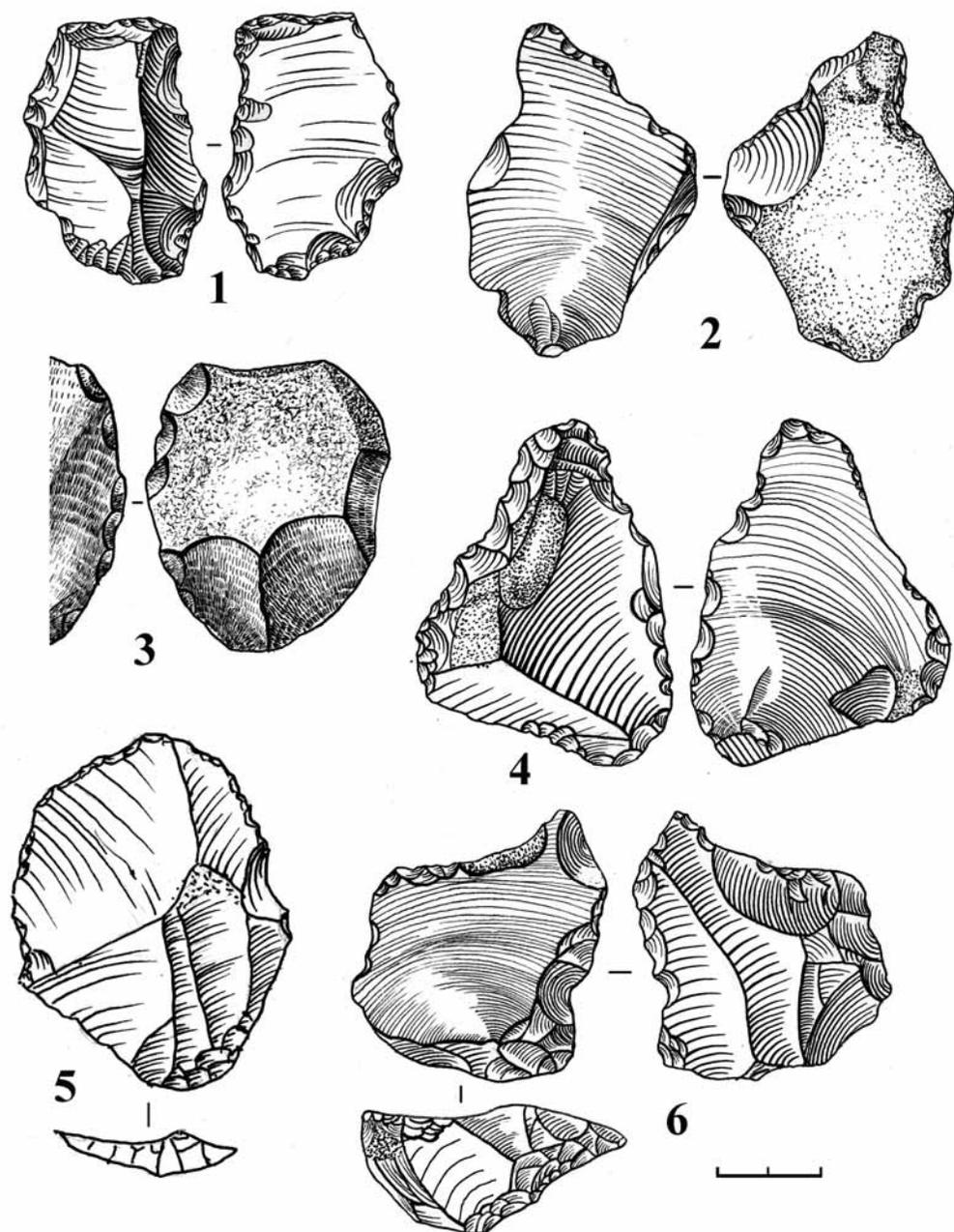

Рис. 22. Кремневые орудия слоя IV: 1, 2, 3 — зубчатые орудия; 4 — нож с ретушированным обушком; 5 — выемчатое орудие на типичном отщепе леваллуа; 6 — скребок на площадке массивного отщепе

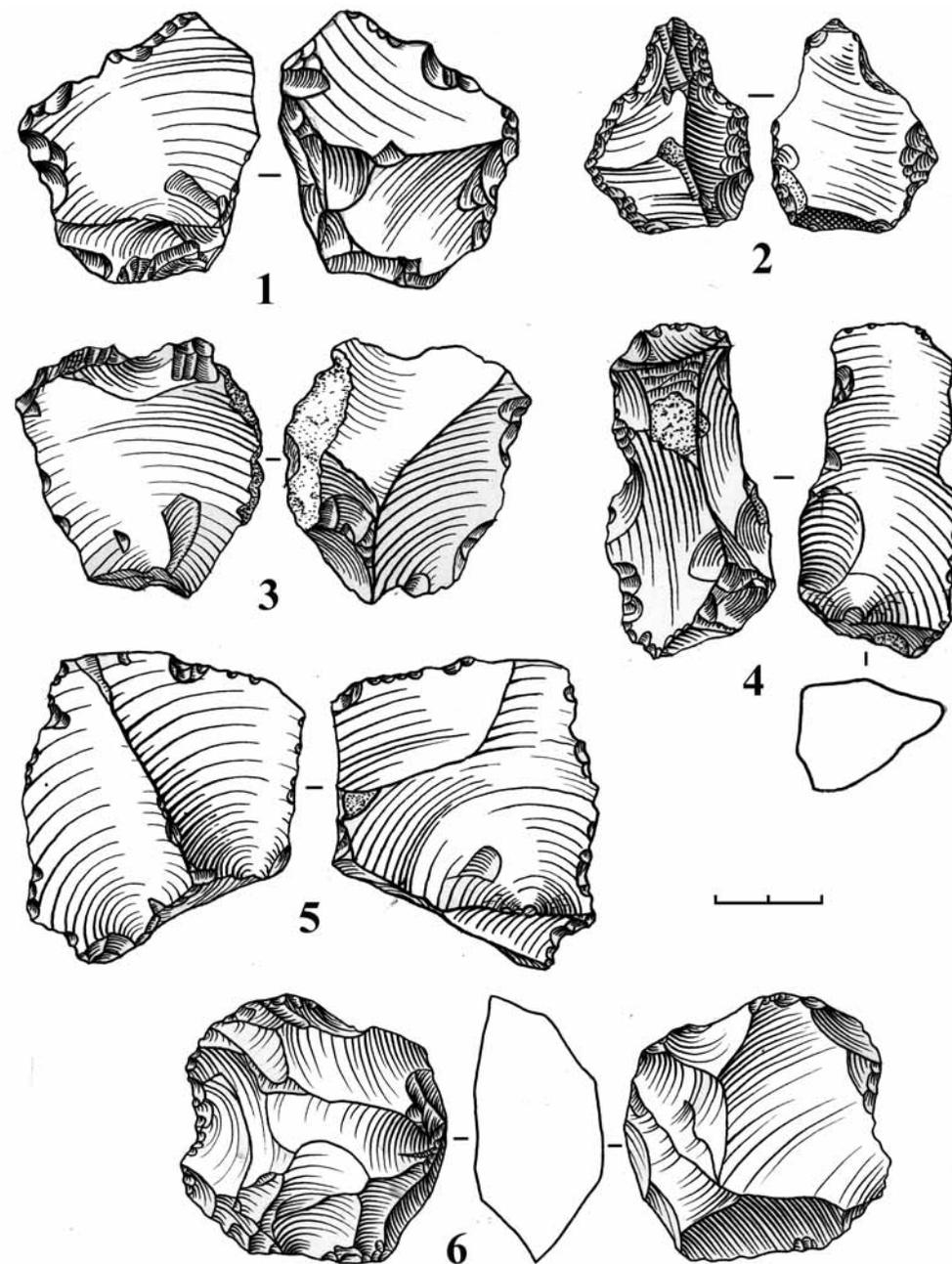

Рис. 23. Кремневые изделия слоя IV: 1 — скребло простое с прямым рабочим краем; 2 — острие типа гайяк; 3 — поперечное выемчатое орудие; 4 — выемчатое орудие клетконское; 5 — отщеп с ретушью; 6 — дисковидный нуклеус

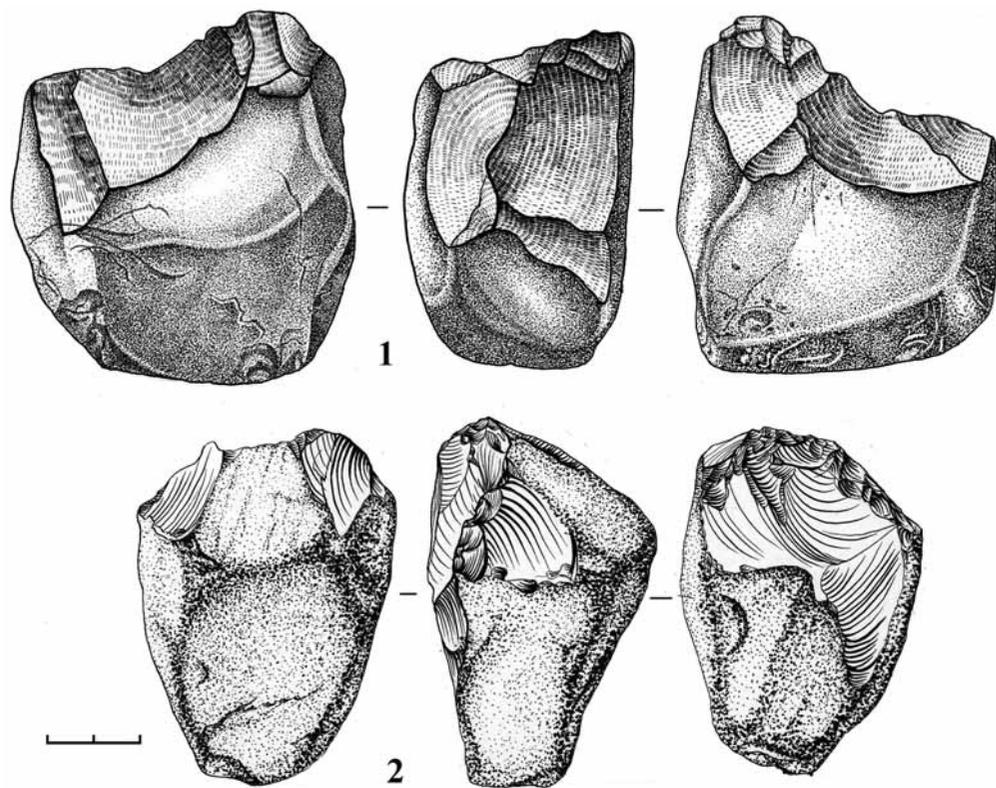

Рис. 24. Чоперы двусторонние из слоя IV

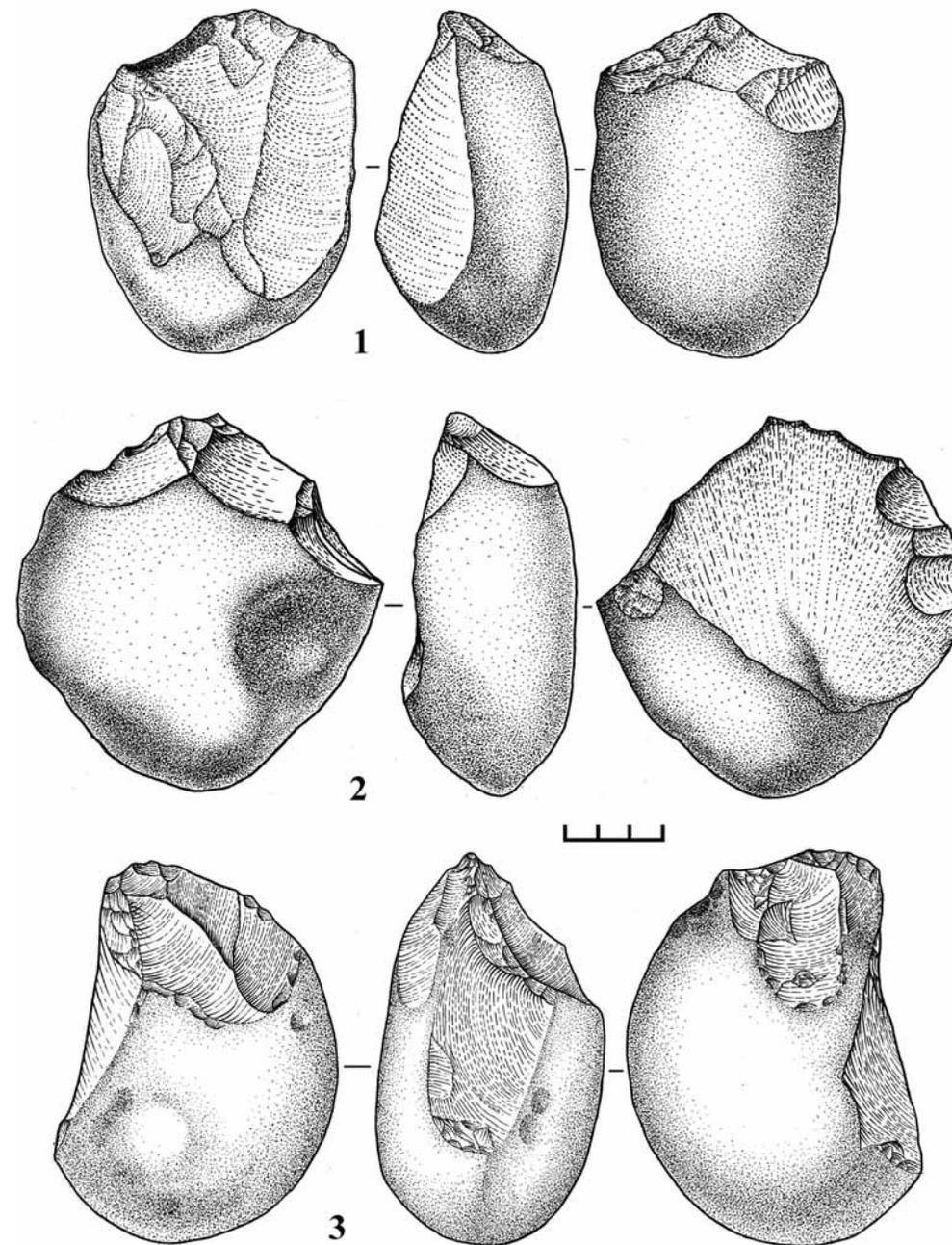

Рис. 25. Чоперы частично двусторонние из слоя IV

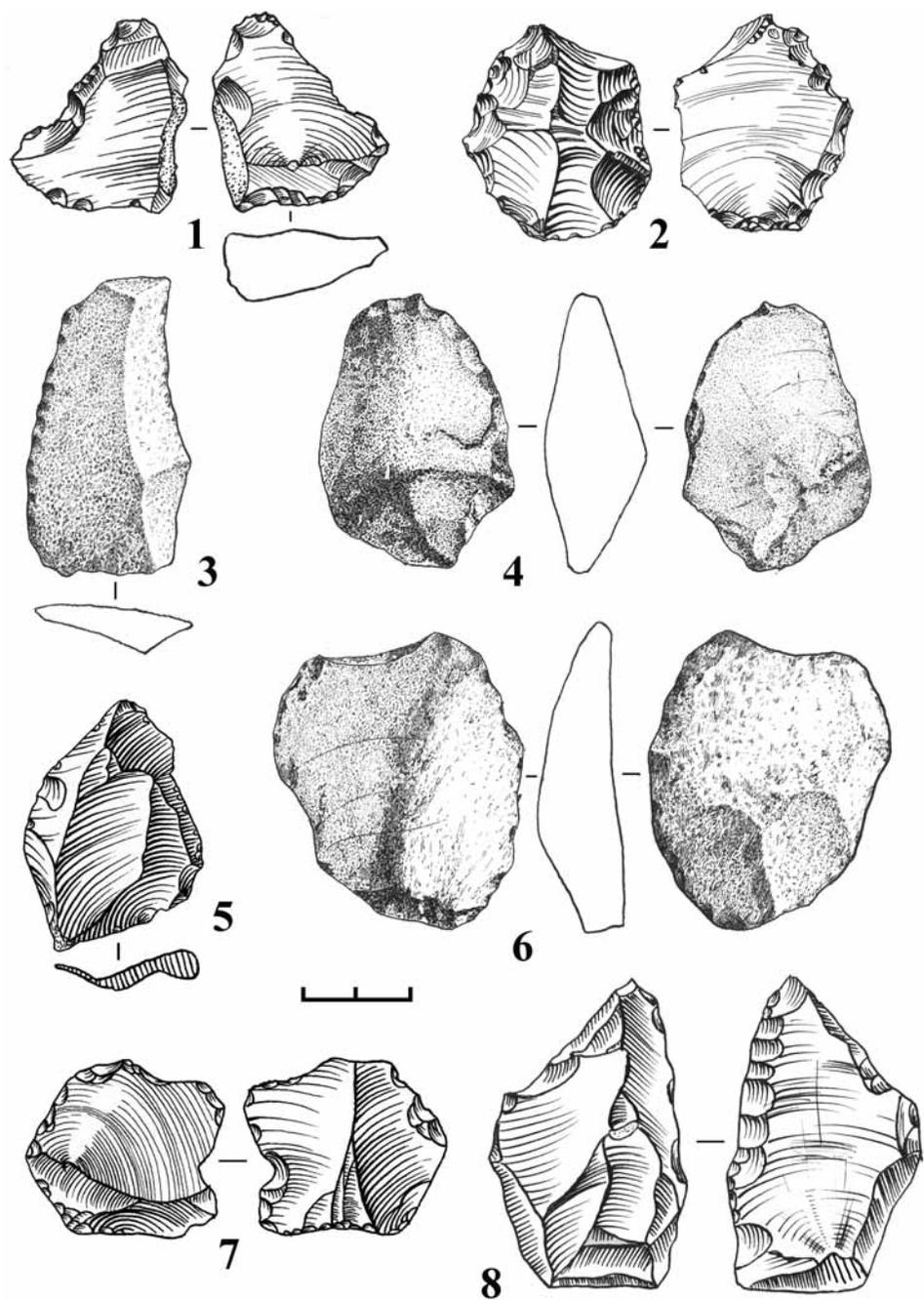

Рис. 26. Кремневые орудия слоев III и IV: 1 — выемчатое орудие (bill-hook? слой III); 2 — зубчатое орудие; 3, 4, 6 — скребла простые выпуклые (кварцит); 5 — отщеп леваллуа; 7 — отщеп с ретушью (скребок на площадке?); 8 — скребло, ретушированное с брюшка

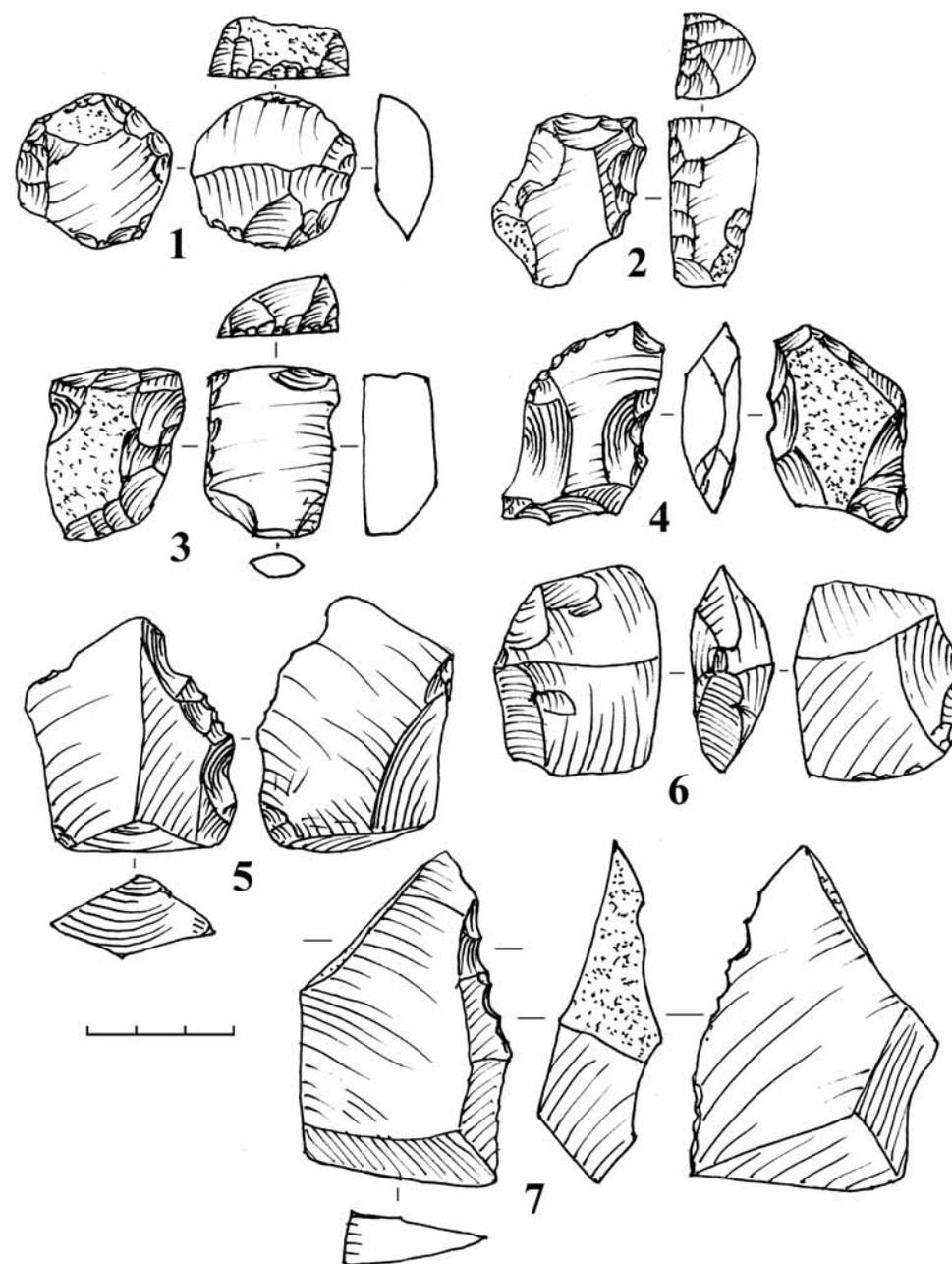

Рис. 27. Кремневые орудия слоев III и IV: 1, 2, 3 — скребки; 4 — нож (острие дуруиторского типа); 5 — зубчатое орудие (слой III); 6 — выемчатое орудие (слой IV); 7 — зубчатое орудие с естественным обушком (слой IV)

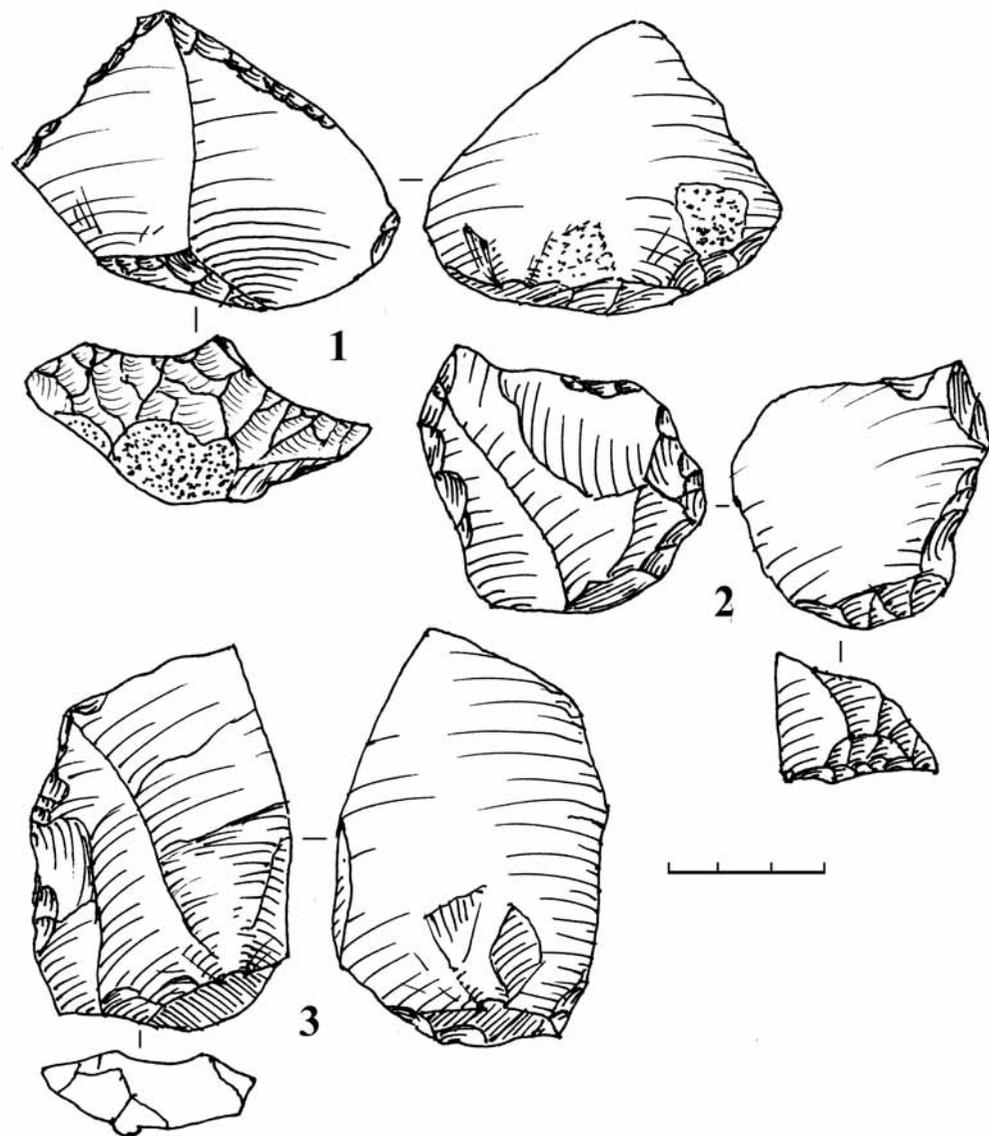

Рис. 28. Кремневые орудия слоев III–IV (1 — слой III, остальные — IV):
 1 — скребло конвергентное со скребком на площадке; 2 — скребок на площадке;
 3 — отщеп с ретушью (с двумя конусами)

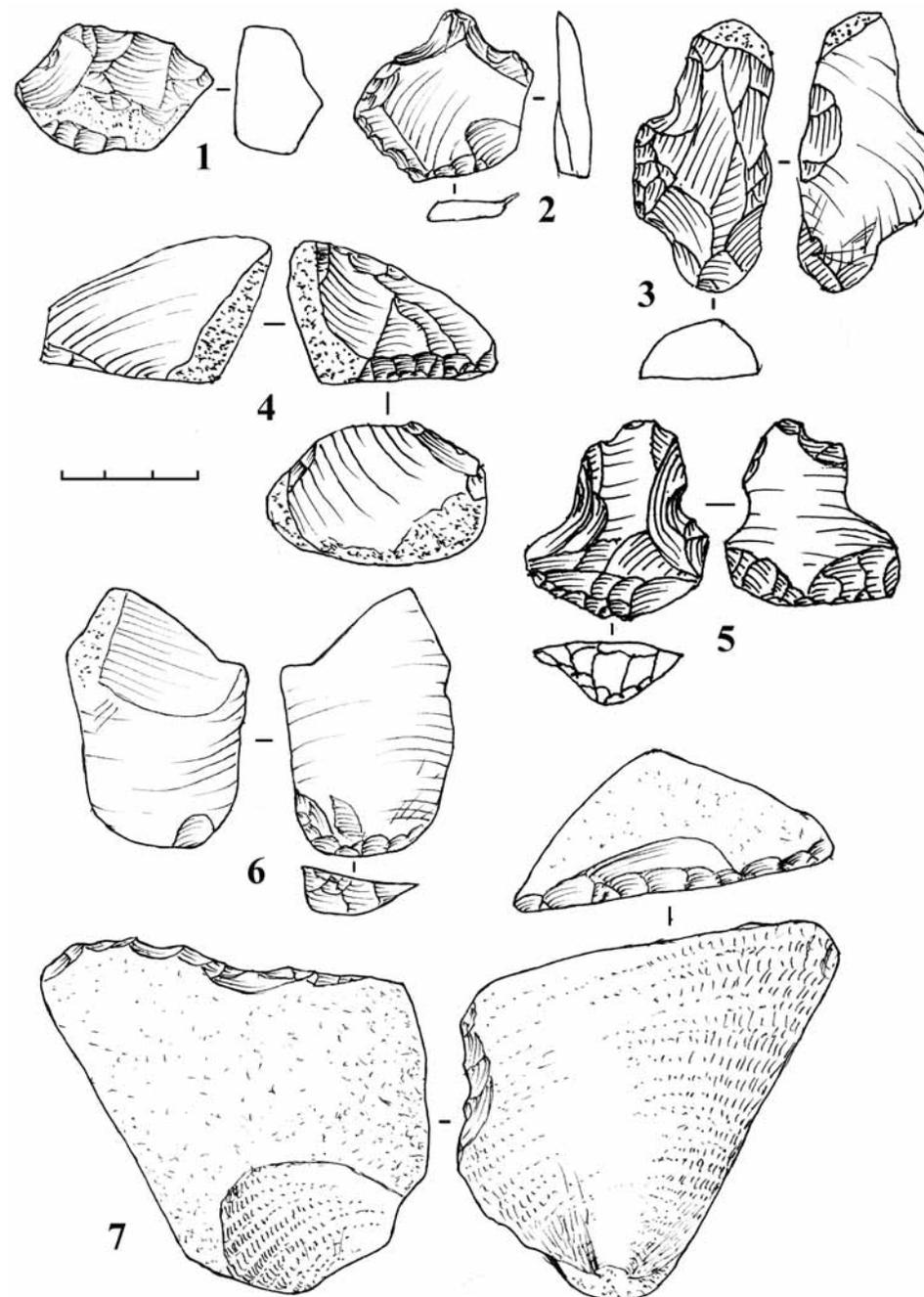

Рис. 29. Кремневые орудия слоев III (4) и IV: 1 — массивное поперечное скребло;
 2 — острие; 3 — боковой скребок; 4 — рабо; 5 — комбинированное орудие;
 6 — скребок на площадке отщеп комбева; 7 — поперечное скребло из кварцита
 (слой III)

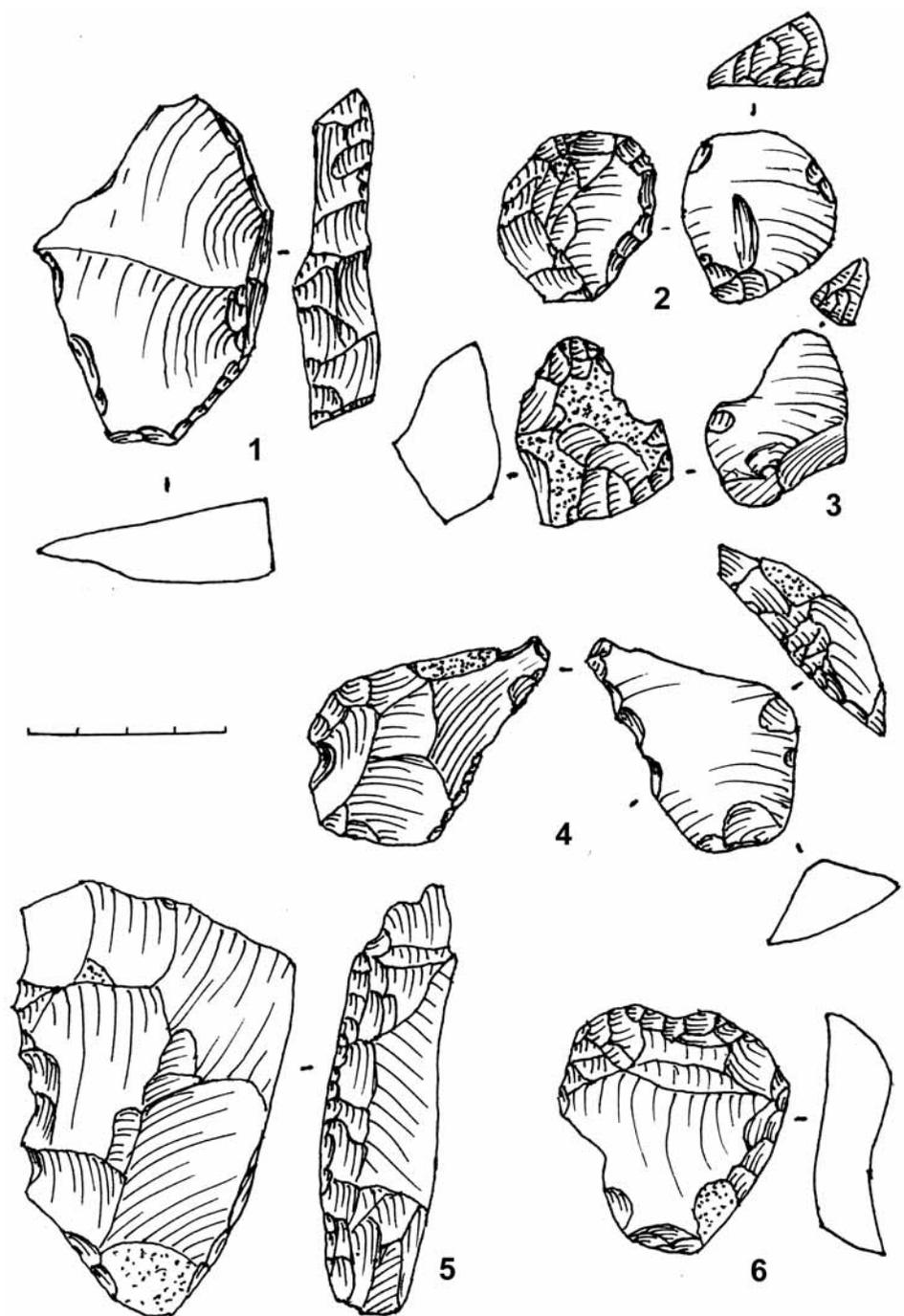

Рис. 30. Кремневые орудия слоев III и IV (4): 1, 4, 5 — ножи с ретушированными обухами; 2, 3, 6 — скребки (6 — атипичный)

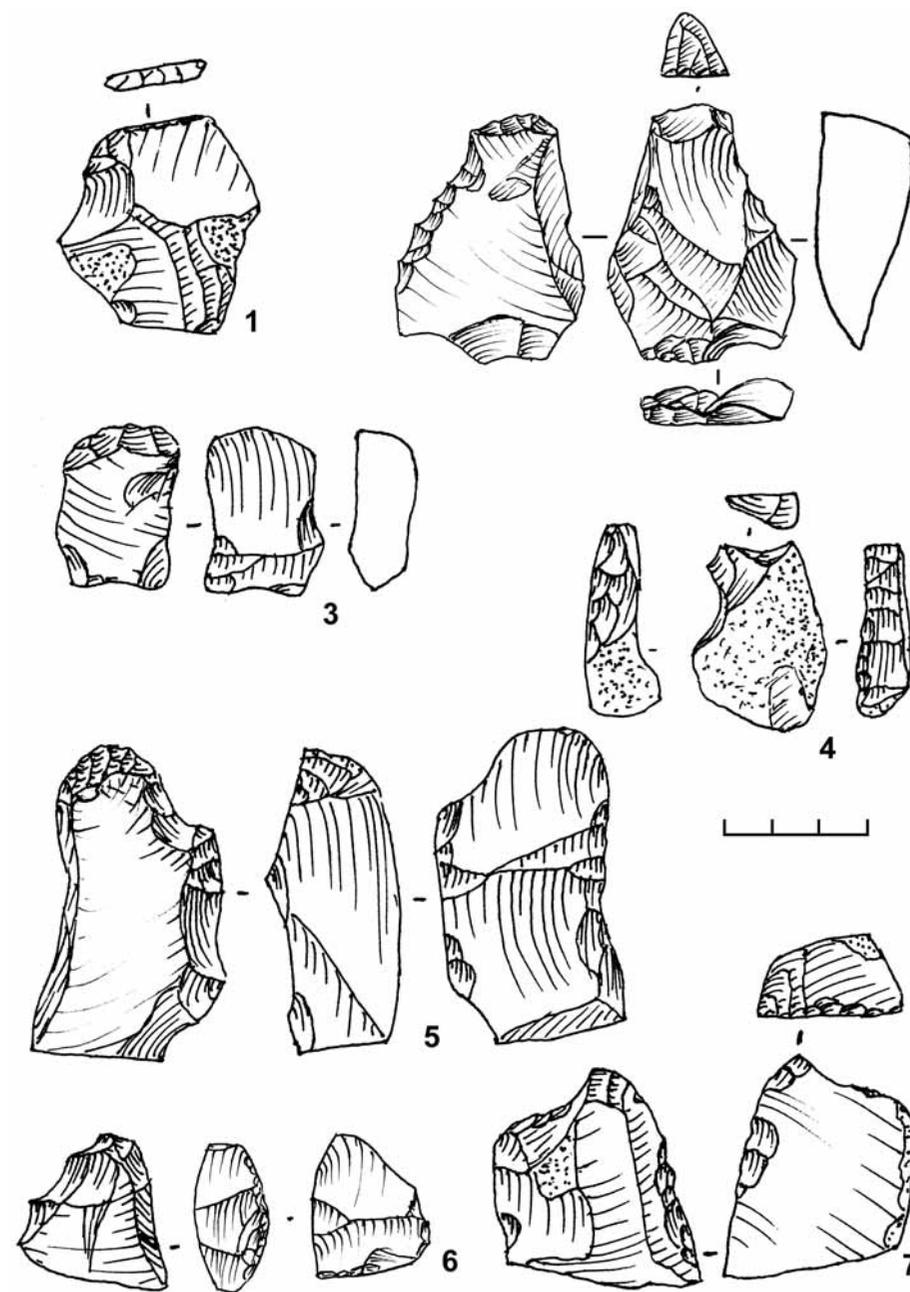

Рис. 31. Кремневые орудия слоев III-IV: 1 — выемчатое орудие с поперечной ретушью конца; 2 — зубчатое орудие и скребок на площадке (слой IV); 3 — скребок на площадке отщепя (слой IV); 4 — клювовидное орудие на гальке кремня; 5 — скребок на площадке; 6 — скребло, ретушированное с бруска; 7 — массивное острие

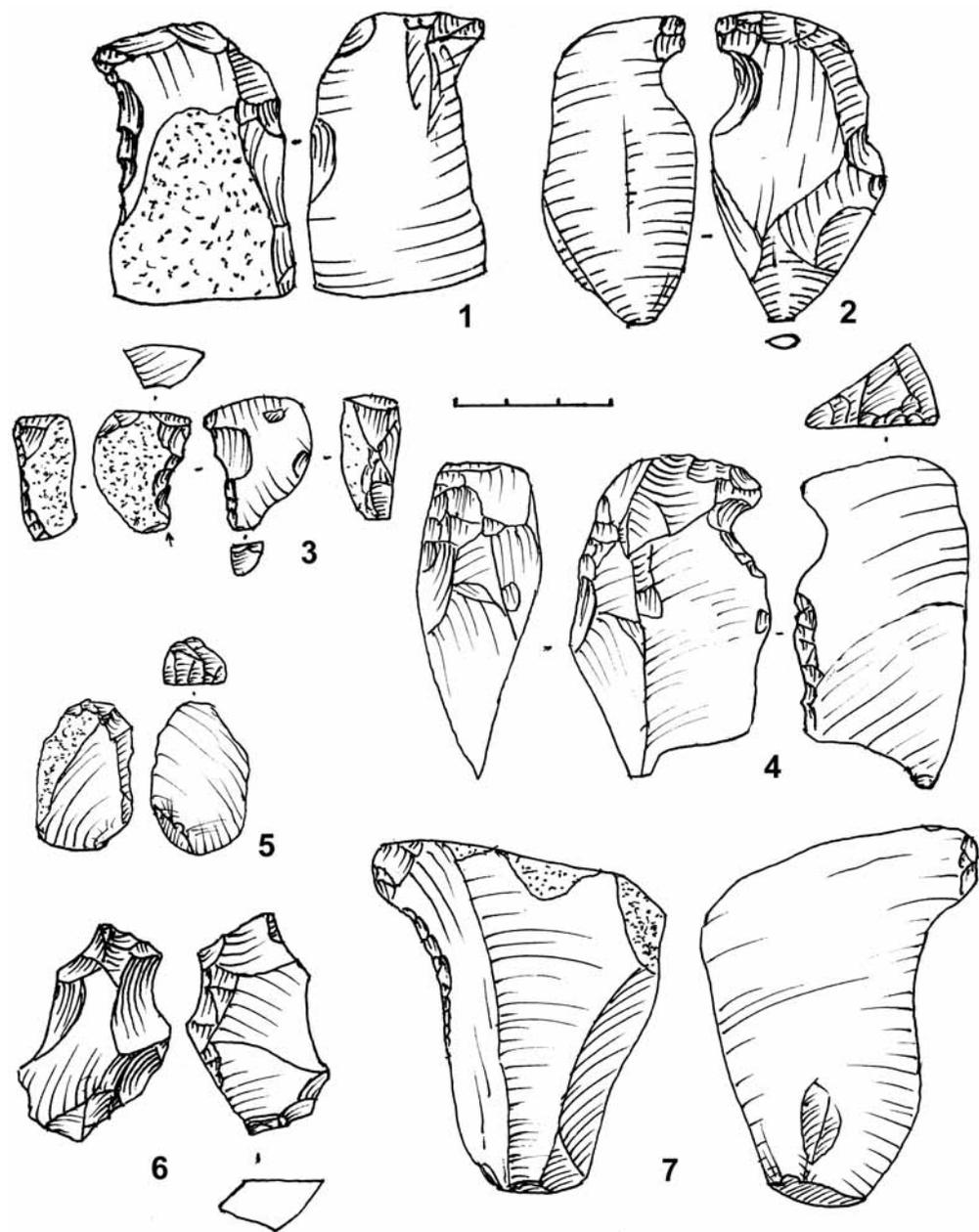

Рис. 32. Кремневые орудия слоев III и IV: 1, 2, 4 — клювовидные резак из слоя IV; 3 — клювовидный резак с резовым сколом на мелком отщепе (слой III); 5 — скребок на отщепе; 6 — острие-нож дуруиторского типа; 7 — клювовидный резак на крупном отщепе (слой III)

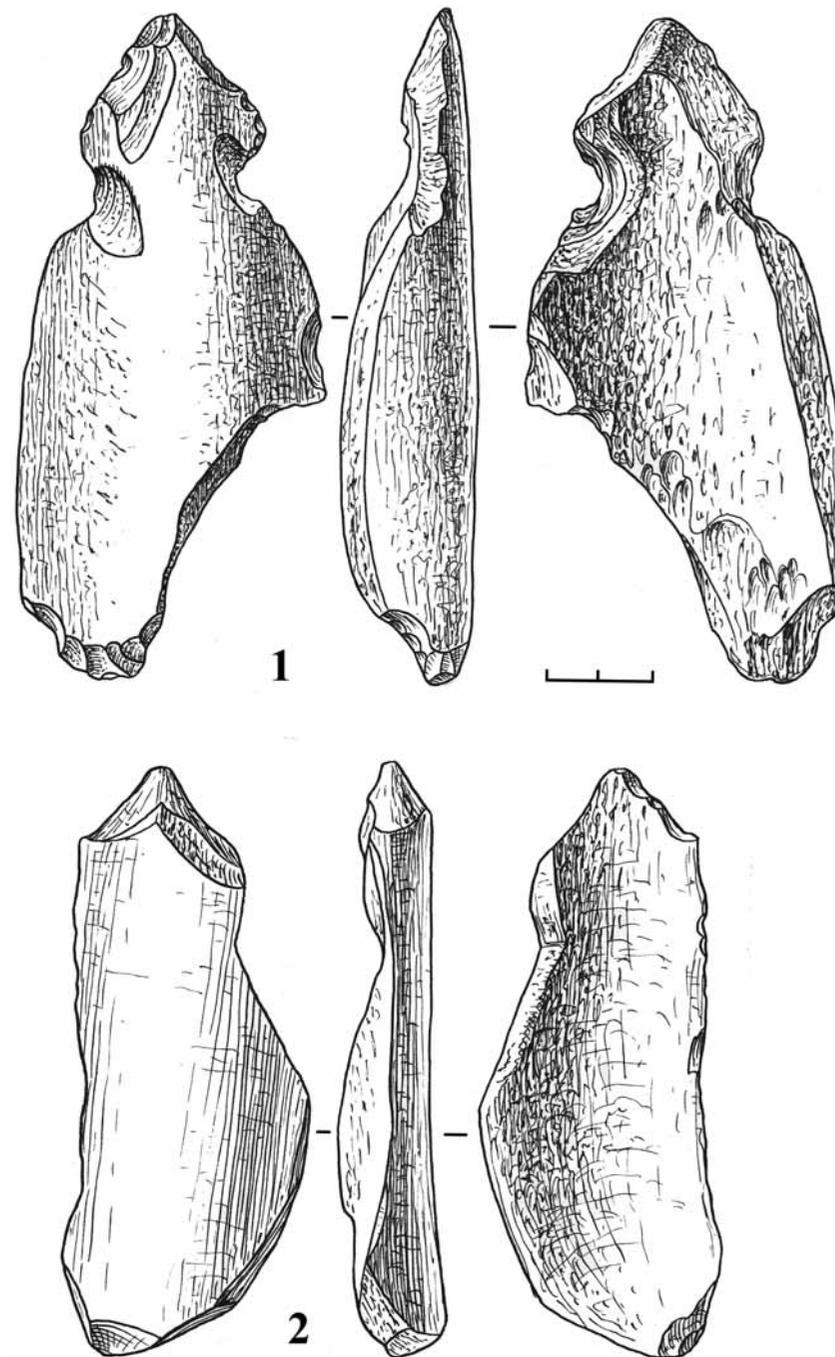

Рис. 33. Острия из обломков трубчатых костей из слоя IV

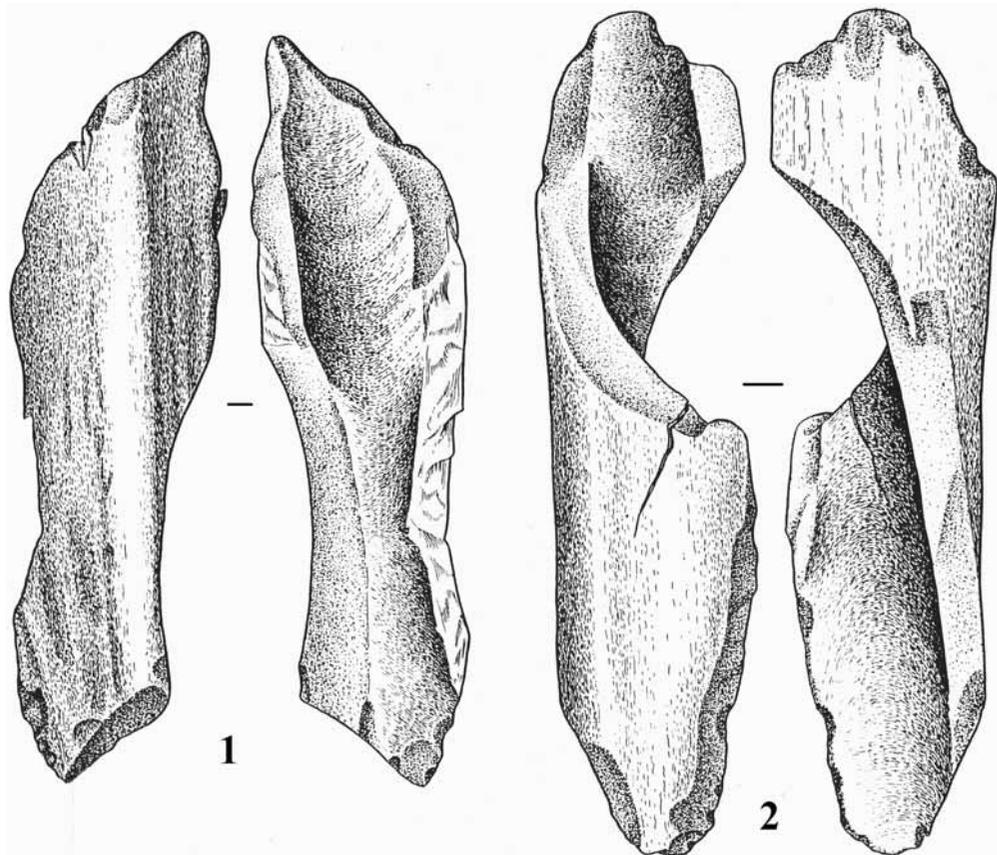

Рис. 34. Обломки трубчатых костей из слоя IV с предполагаемыми следами работы

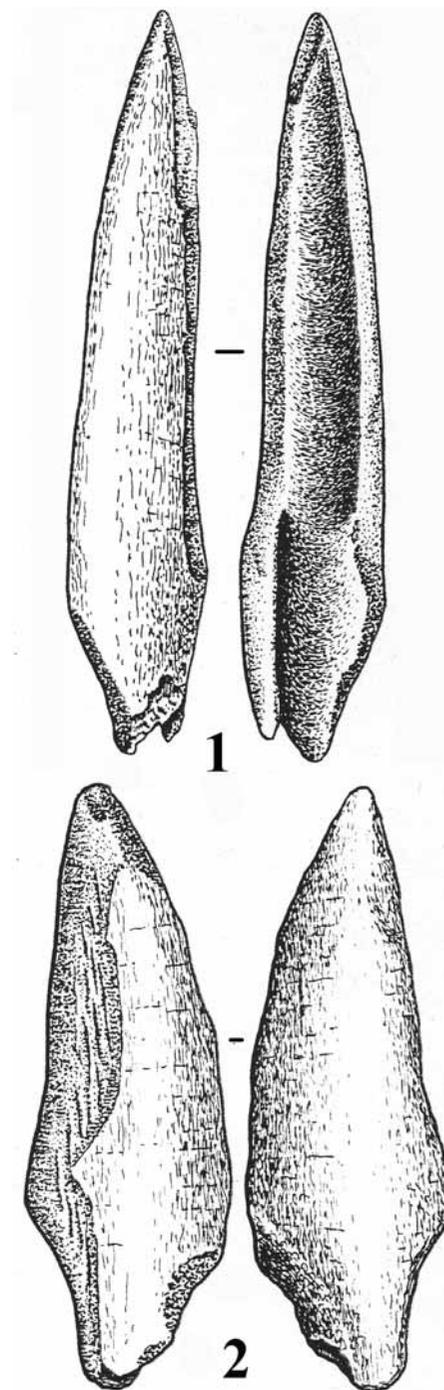

Рис. 35. Обломки трубчатых костей из слоя IV, предположительно использовавшиеся в качестве шильев

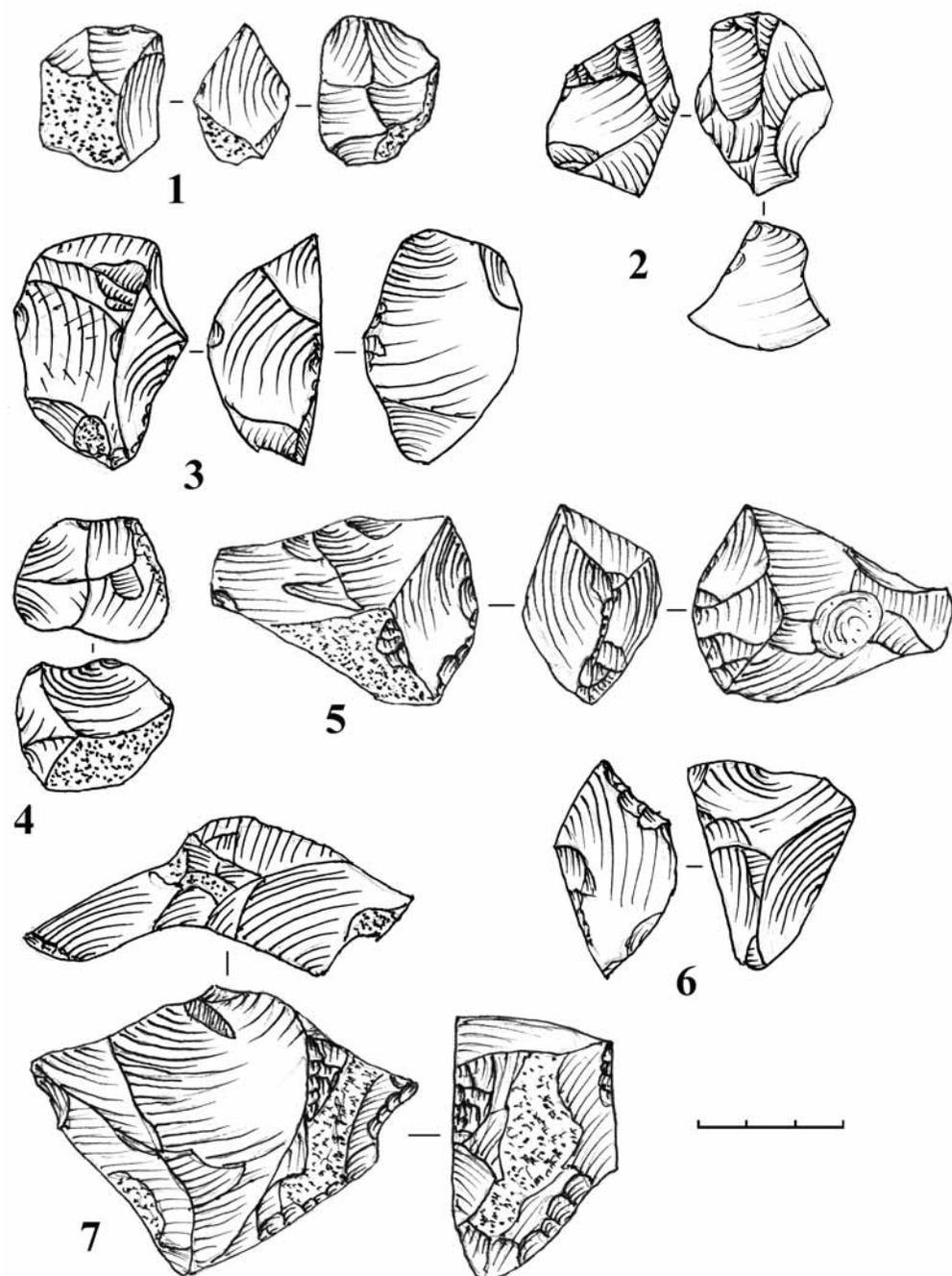

Рис. 36. Нуклеусы слоя III: 1, 2 — шаровидные; 3 — пирамидальный; 4 — дисковидный; 5, 6 — многогранники; 7 — одноплощадочный (протолеваллуа)

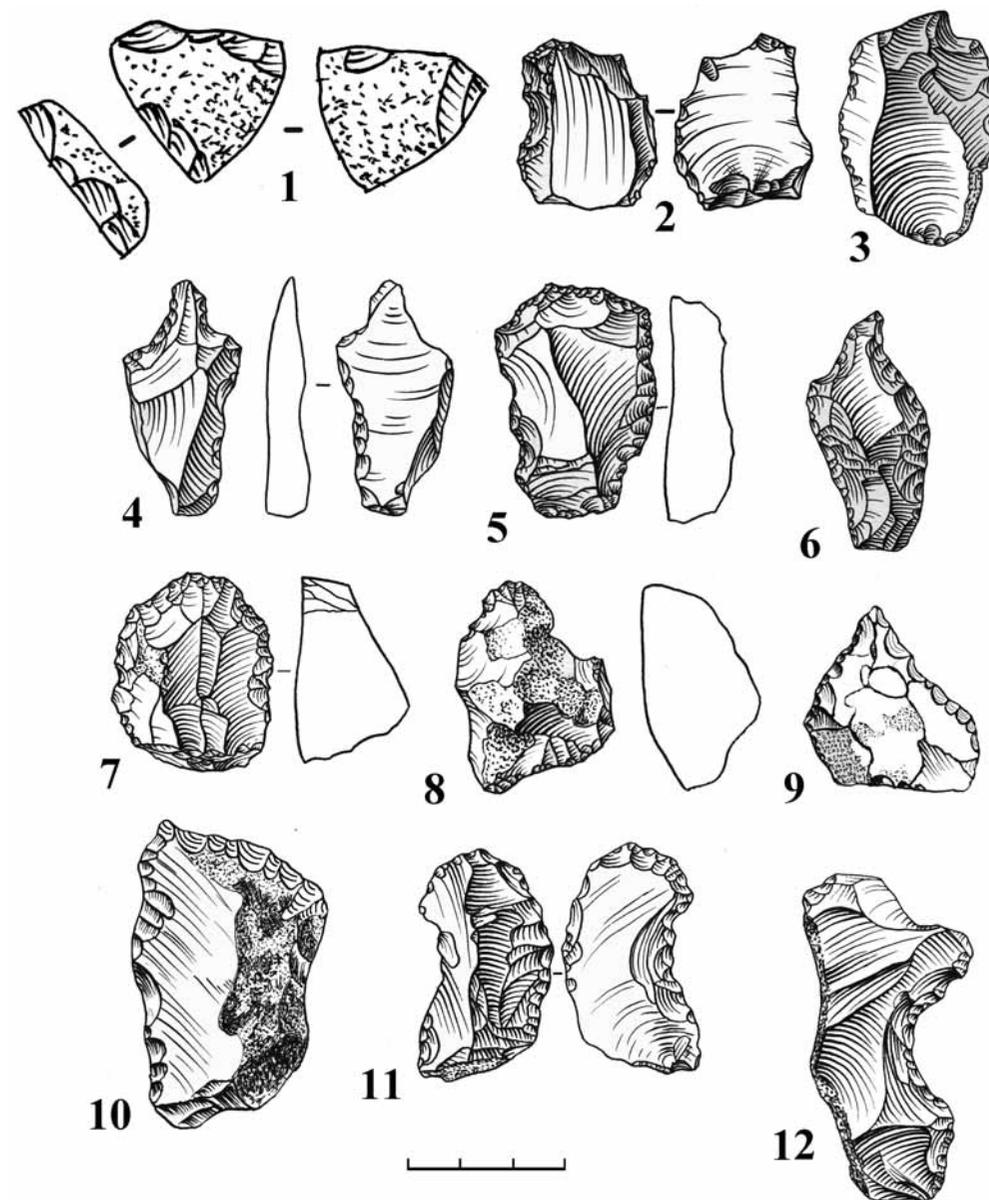

Рис. 37. Каменные орудия слоя III: 1 — мелкая галька с ретушью; 2 — зубчатое орудие; 3 — выемчатое орудие; 4 — острие с «плечиками»; 6 — проколка; 5, 7, 8 — скребки; 9 — острие; 10 — скребло; 11 — двойное скребло с вогнутым и выпуклым краями; 12 — скребло с выемчатым рабочим краем

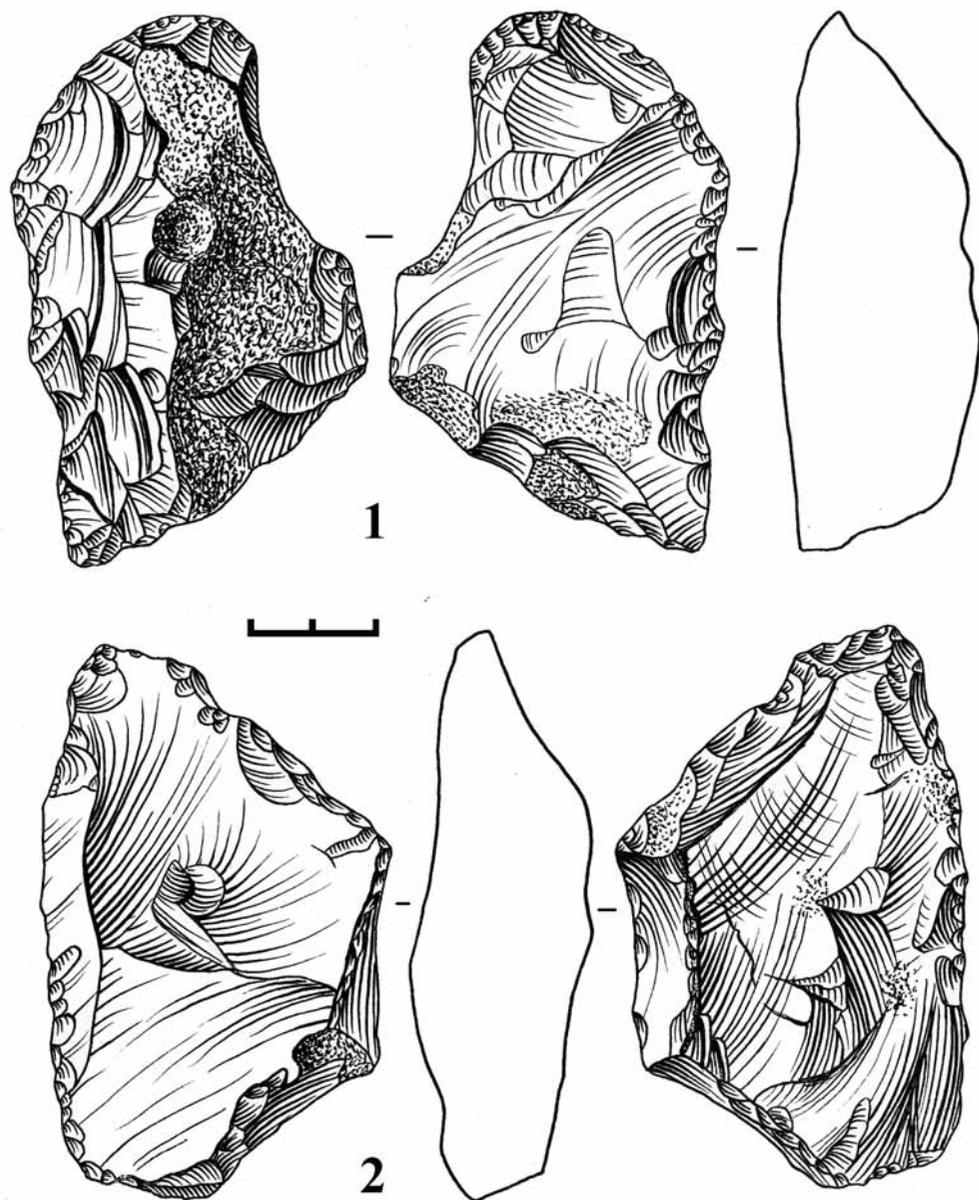

Рис. 38. Скребла из слоя III: 1 — частично двустороннее скребло с ретушью типа полукина; 2 — угловатое (déjeté) скребло

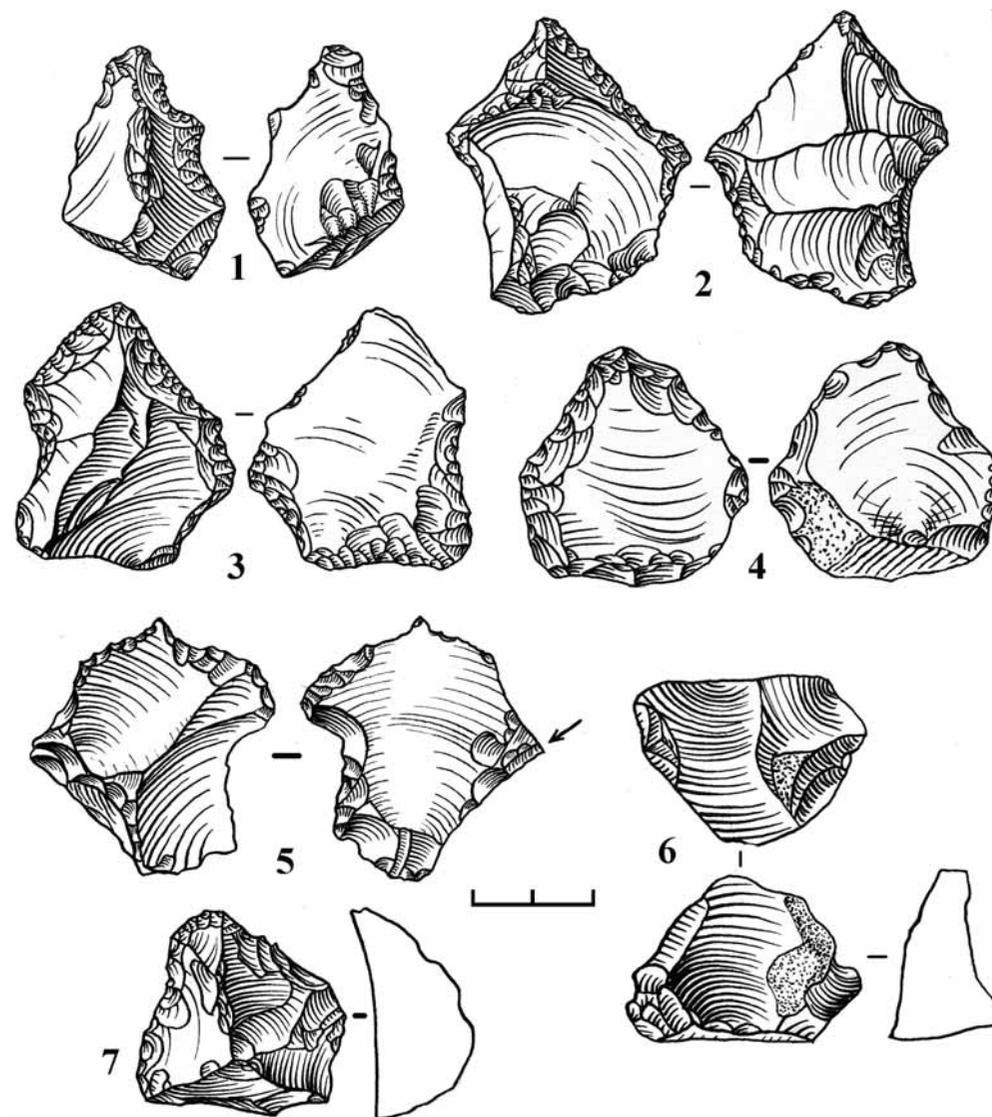

Рис. 39. Кремневые орудия слоя III: 1 — острие типа тайяк; 2 — острие на реберчатом отщепе; 3 — комбинированное орудие: конвергентное скребло-скребок на площадке; 4 — выпуклое скребло; 5 — проколка; 6 — нуклеус одноплощадочный; 7 — скребок «à museau»

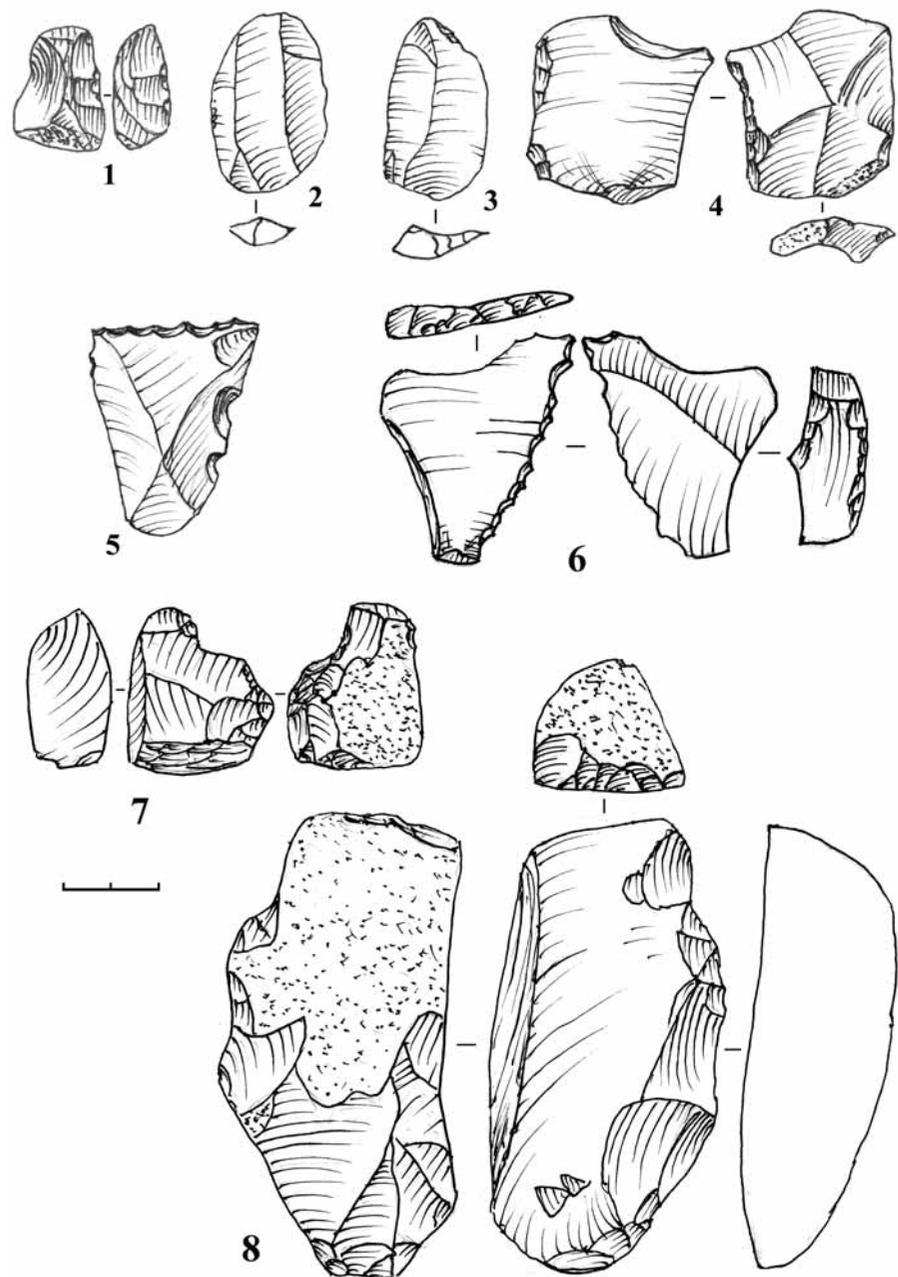

Рис. 40. Кремневые орудия слоя III: 1 — комбинированное орудие, сочетающее скребло и выемчатое орудие с клектонской выемкой; 2, 3 — отщепы леваллуа; 4 — клювовидное орудие *bes burinant alterne*; 5, 6 — зубчатые орудия (6 — с притупленным крутой ретушью обушком); 7 — нуклевидное выемчатое орудие; 8 — скребок на крупном отщепе (на заготовке нуклеуса?)

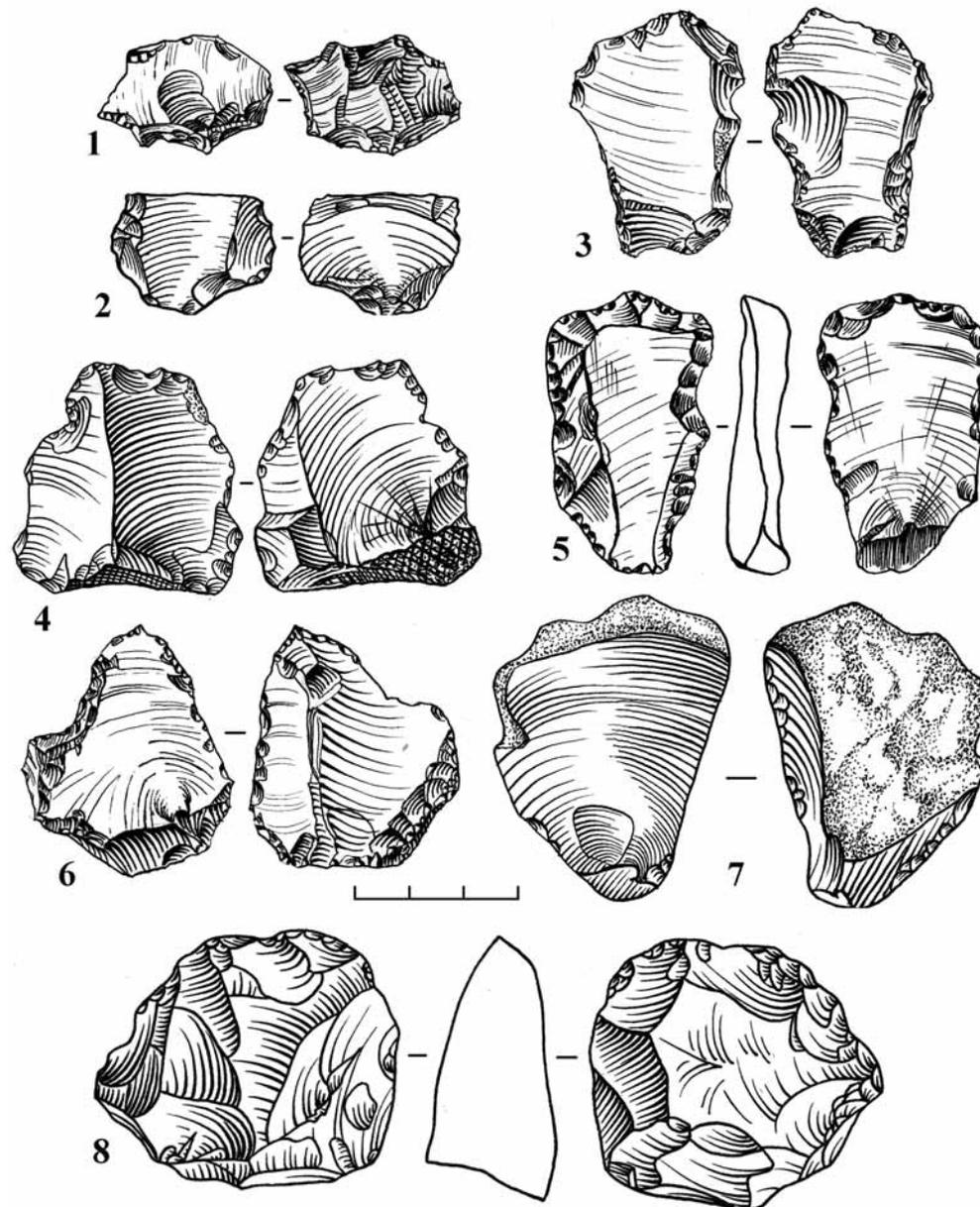

Рис. 41. Кремневые орудия слоя III: 1, 3 — зубчатые орудия; 2 — скребло простое выпуклое с использованием угла в качестве резчика; 3 — скребок; 6, 7 — отщепы с ретушью; 8 — дисковидный нуклеус

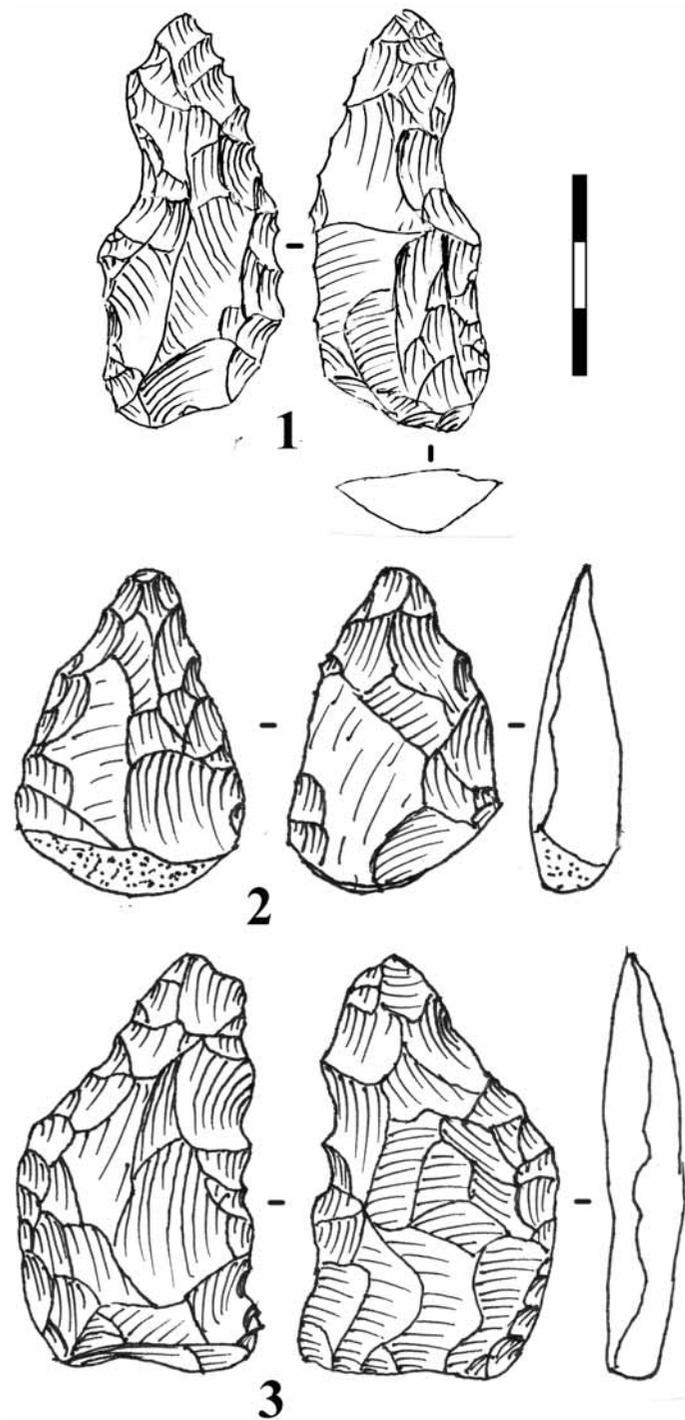

Рис. 42. Листовидные бифасы слоя III

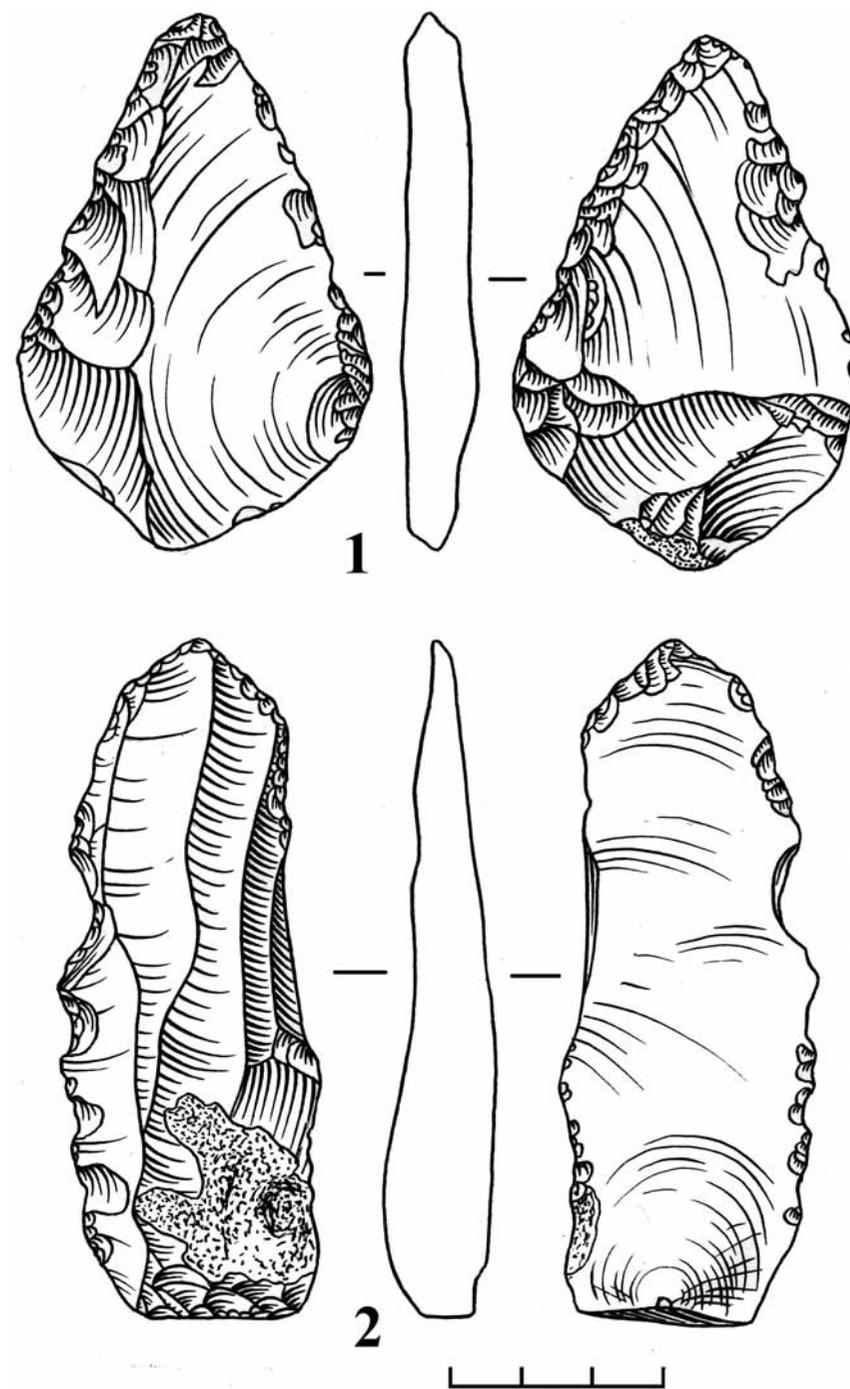

Рис. 43. Кремневые орудия слоя III: 1 — листовидный бифас; 2 — пластина с зубчатой ретушью

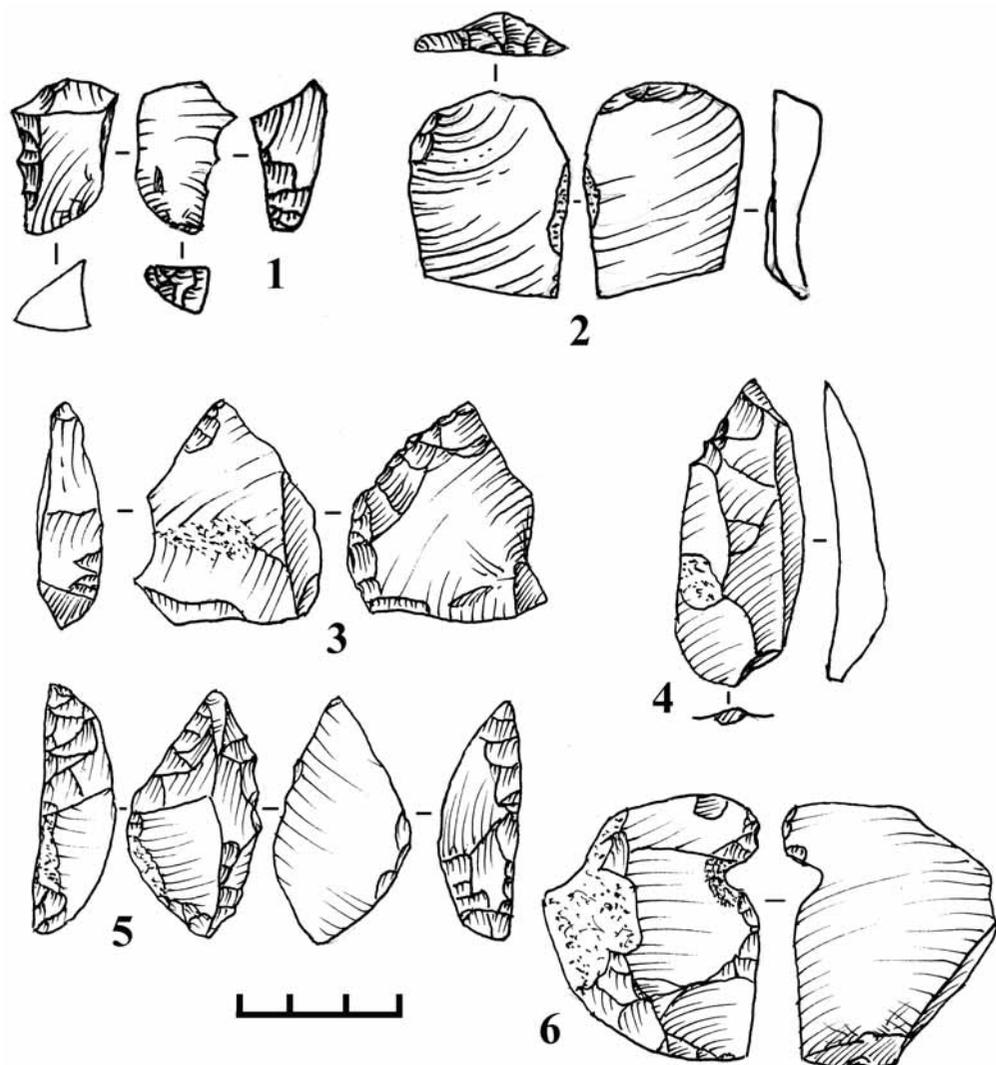

Рис. 44. Кремневые изделия из местонахождения костей мамонтов:

- 1 — зубчатое орудие на мелком реберчатом отщепе;
 2 — скребок на площадке отщепе; 3 — скребло на клетонском отщепе;
 4 — пластинка с ретушью; 5 — лимас; 6 — клетонский отщеп со следами использования верхнего конца в качестве клювовидного резака

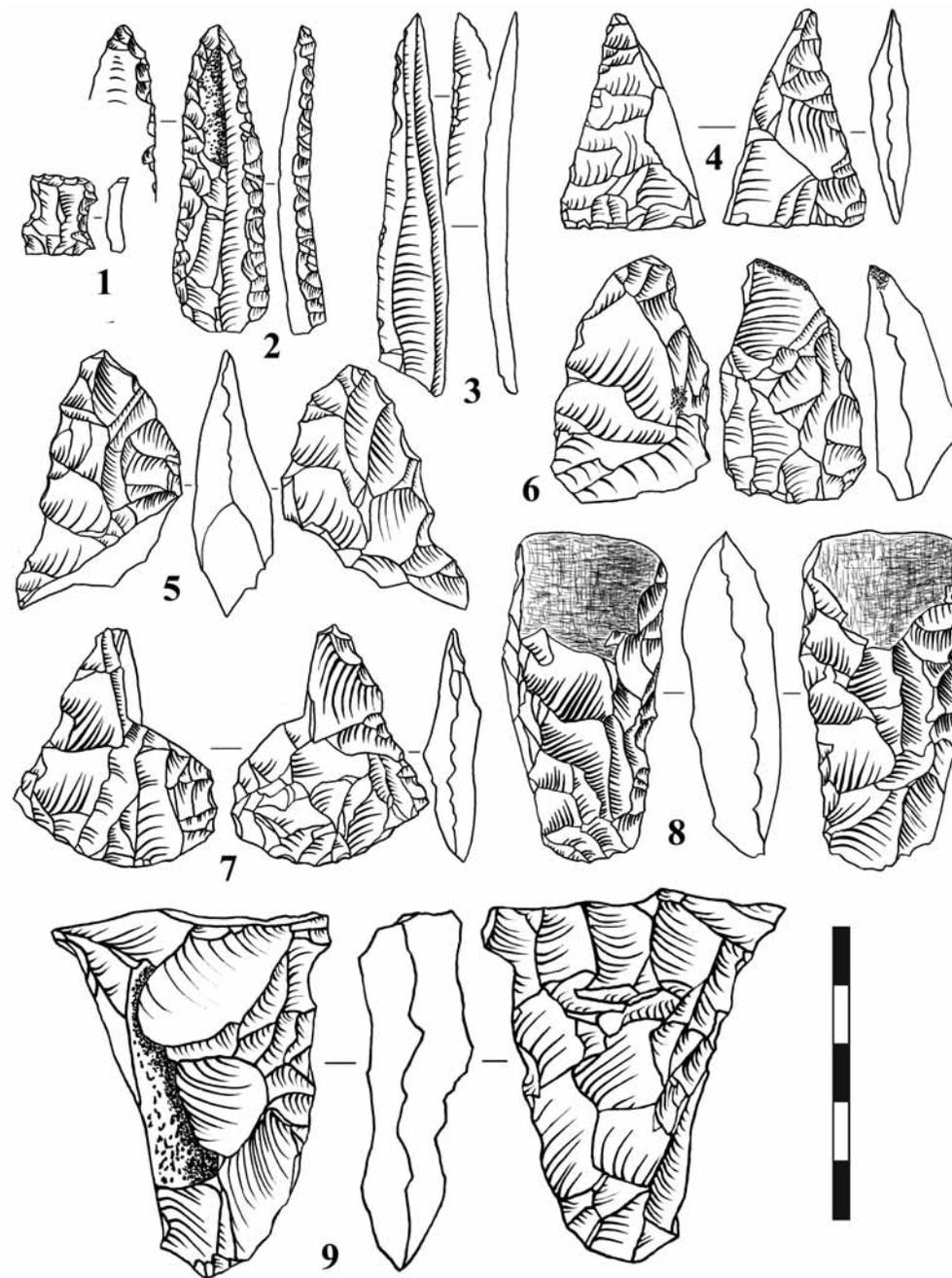

Рис. 45. Кремневые изделия с поверхности внутри грота (5–8) и слоя I (1–4, 9)

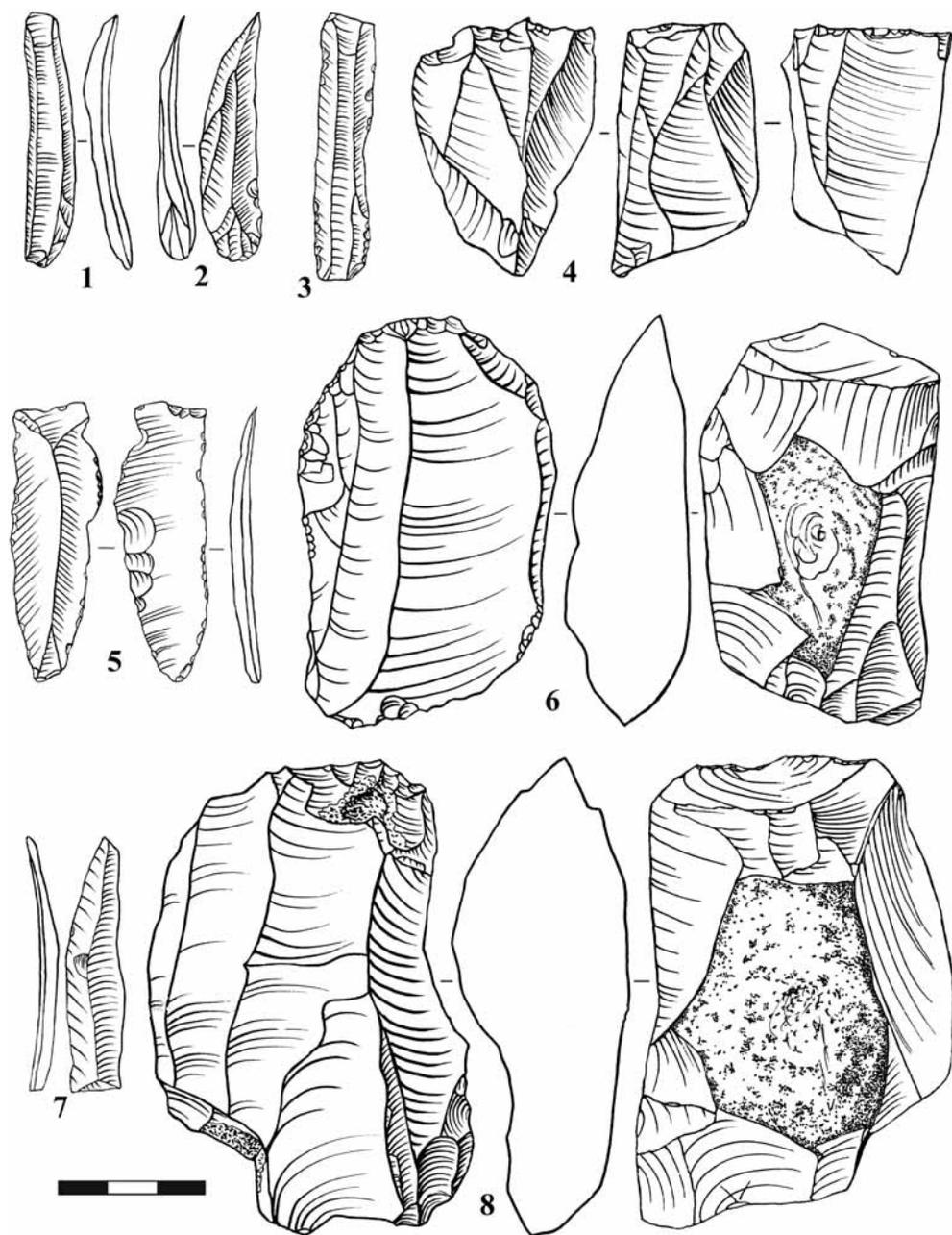

Рис. 46. Кремневые пластины (1-3, 5, 7) и нуклеусы (4, 6, 8) из слоя II

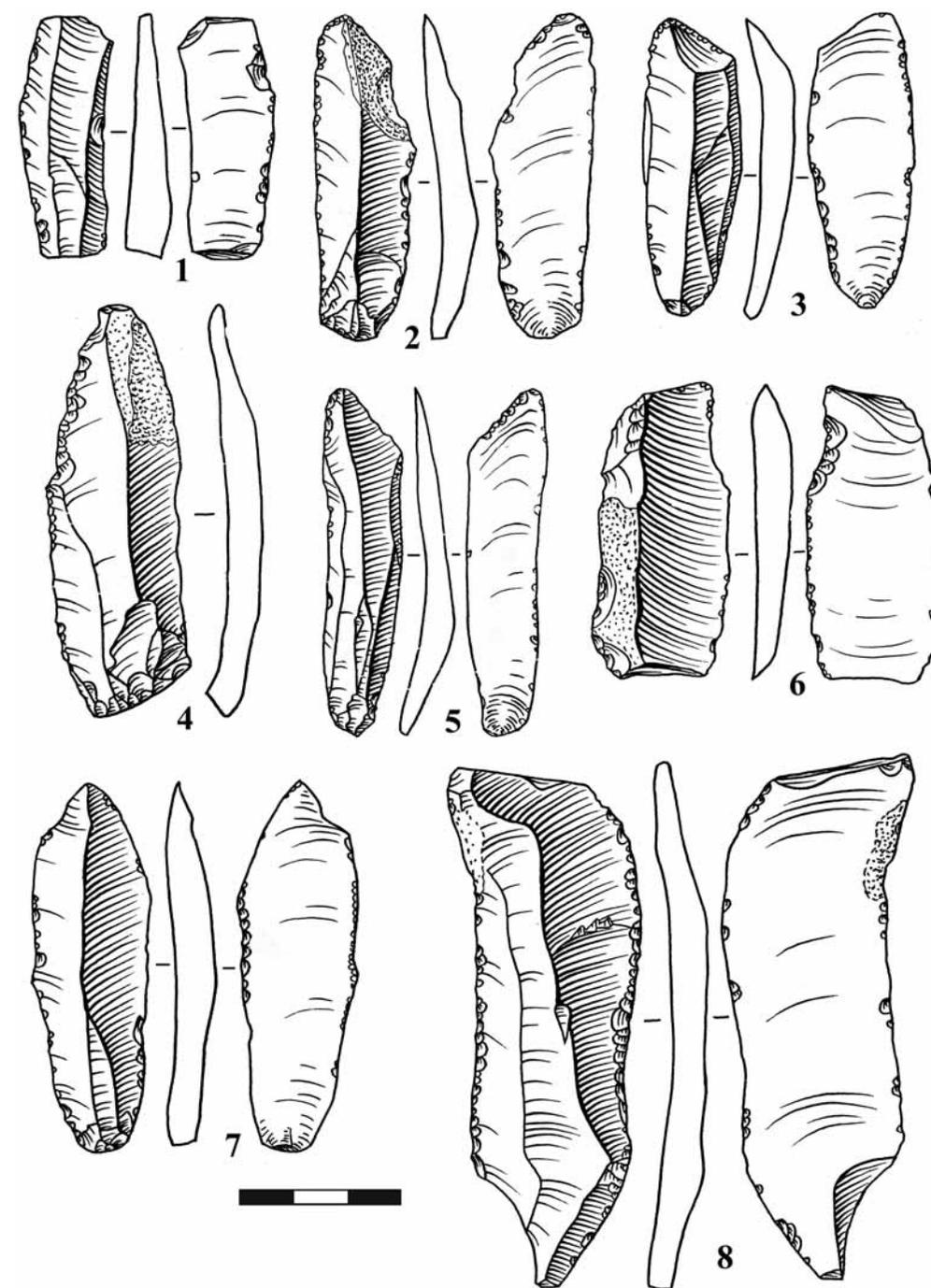

Рис. 47. Кремневые пластины из слоя II

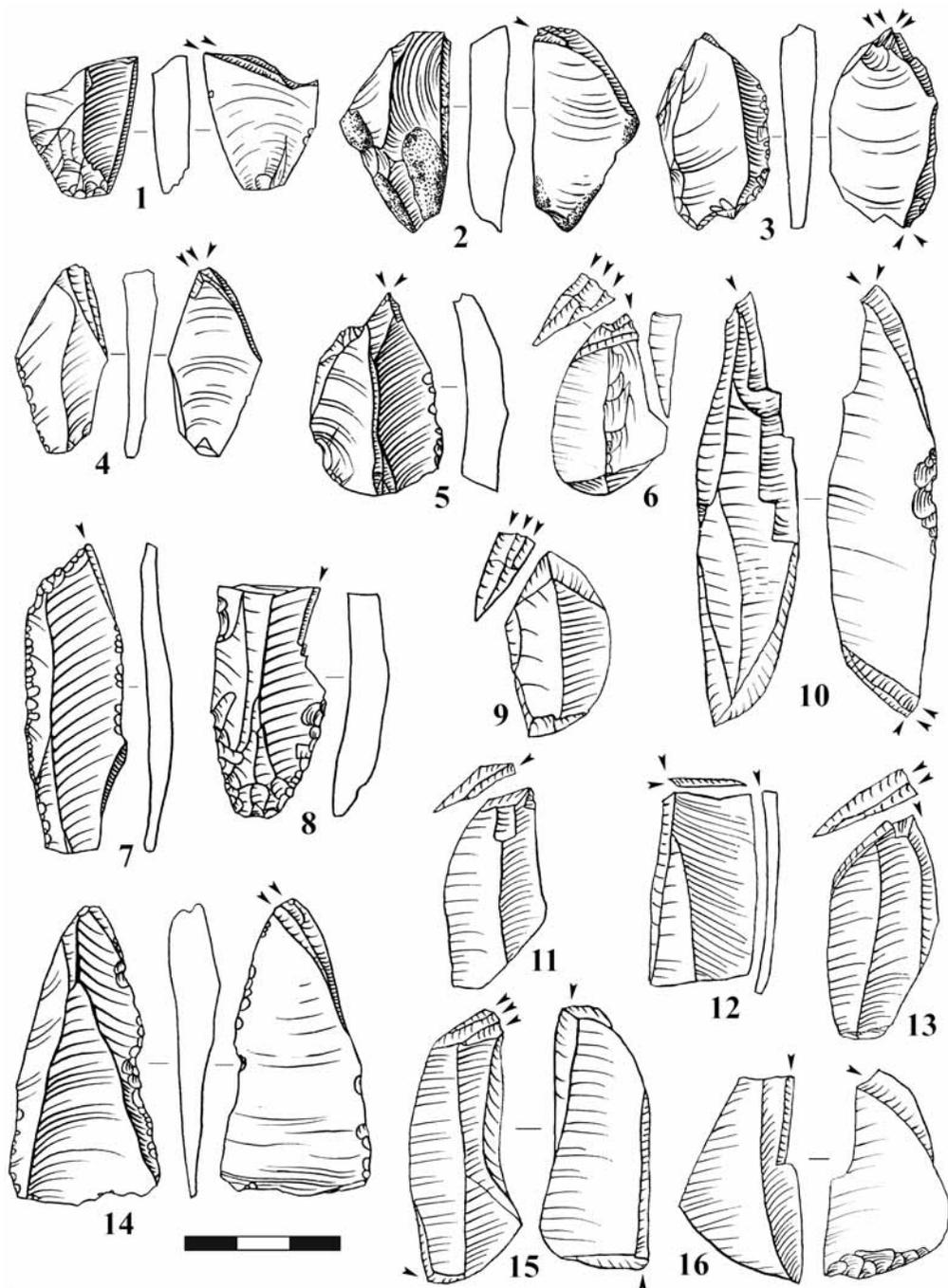

Рис. 48. Кремневые резцы из слоя II

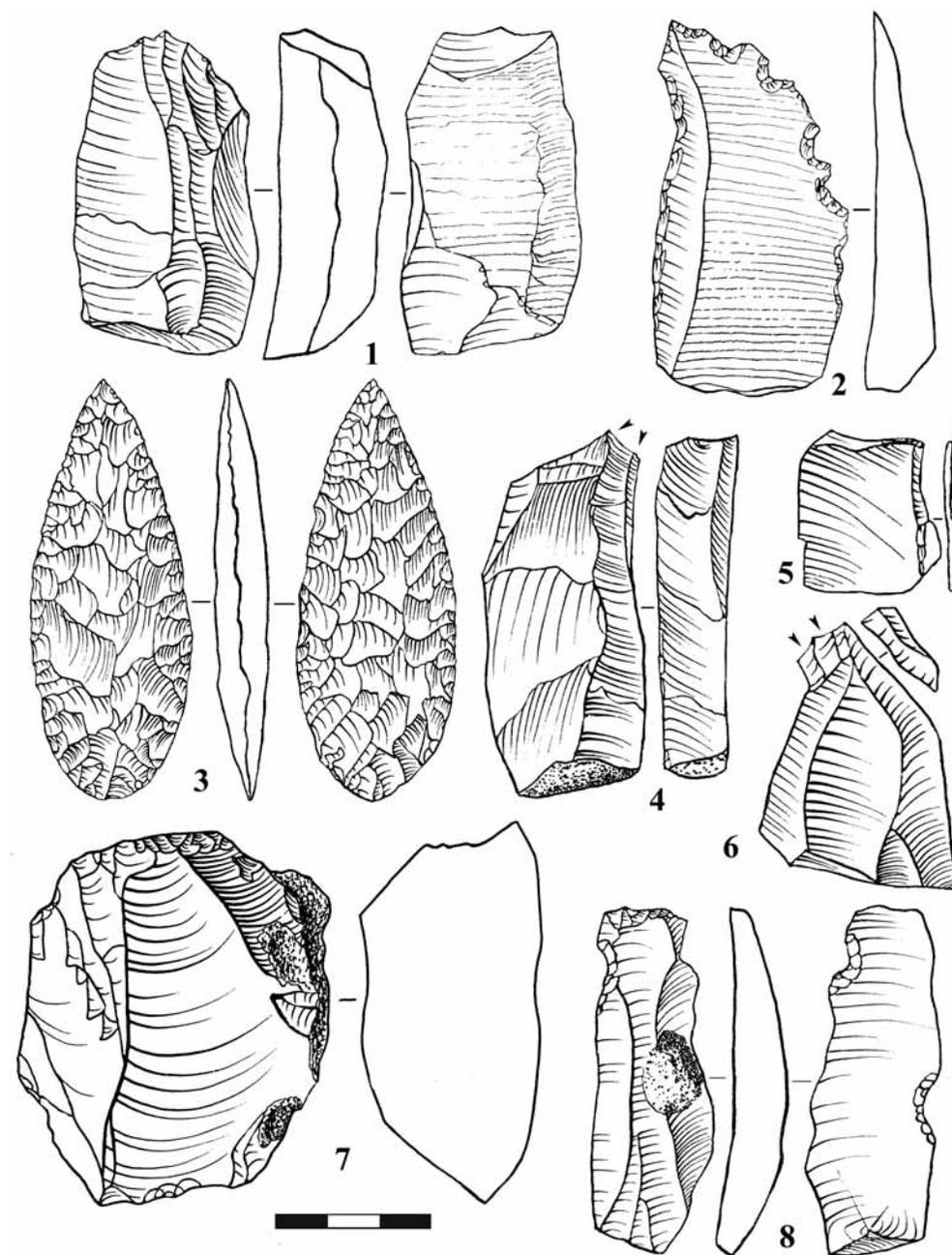

Рис. 49. Кремневые изделия из слоя II: 1, 7 — нуклеусы;
 2, 8 — пластины с ретушированными выемками; 3 — наконечник;
 4-6 — резцы

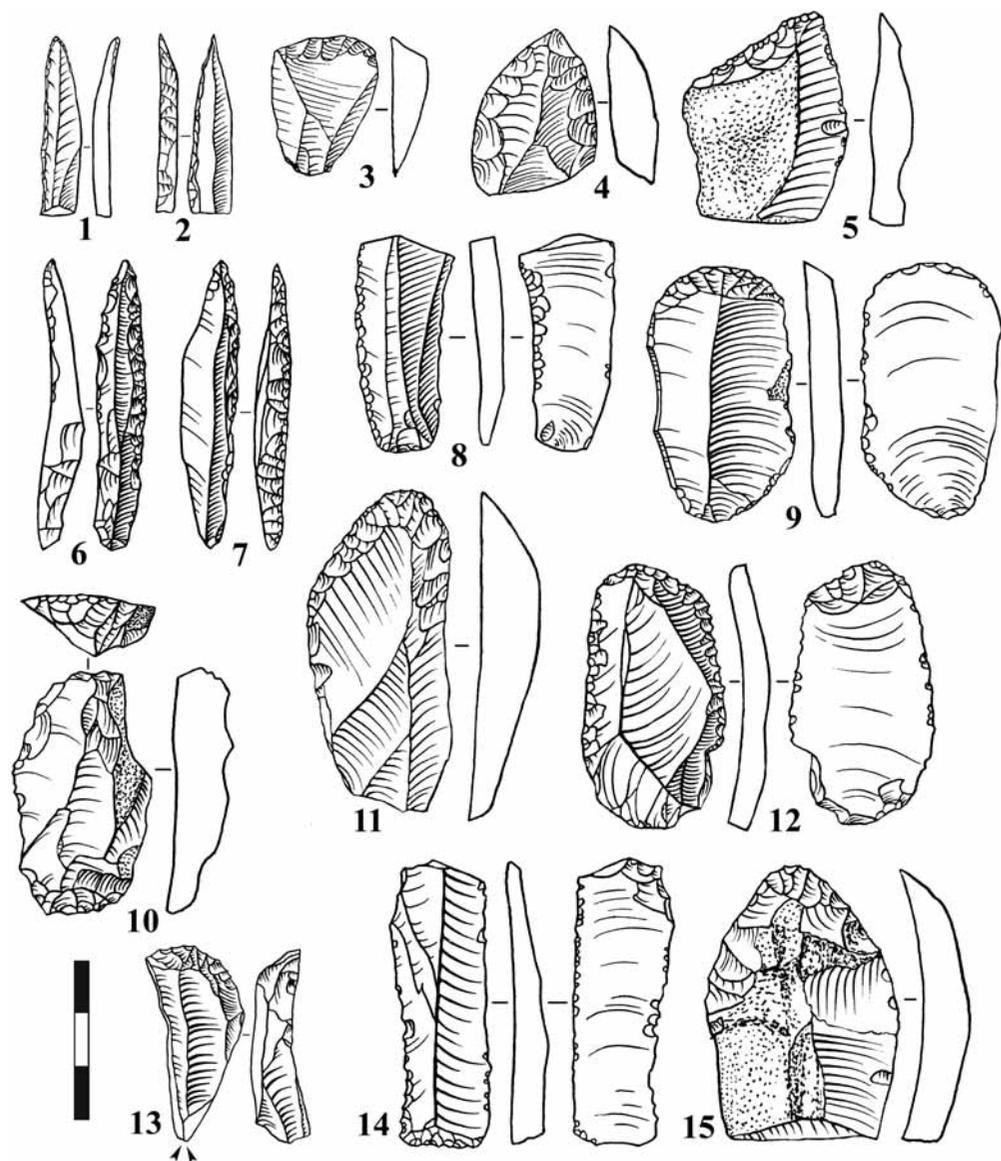

Рис. 50. Кремневые изделия из слоя II: 1, 2, 6, 7 — микроострия граветт; 3, 4, 9–11, 13, 15 — скребки; 5 — отщеп со скошенным ретушью концом; 12 — скребок-нож костёнковского типа; 8, 14 — пластины с ретушью

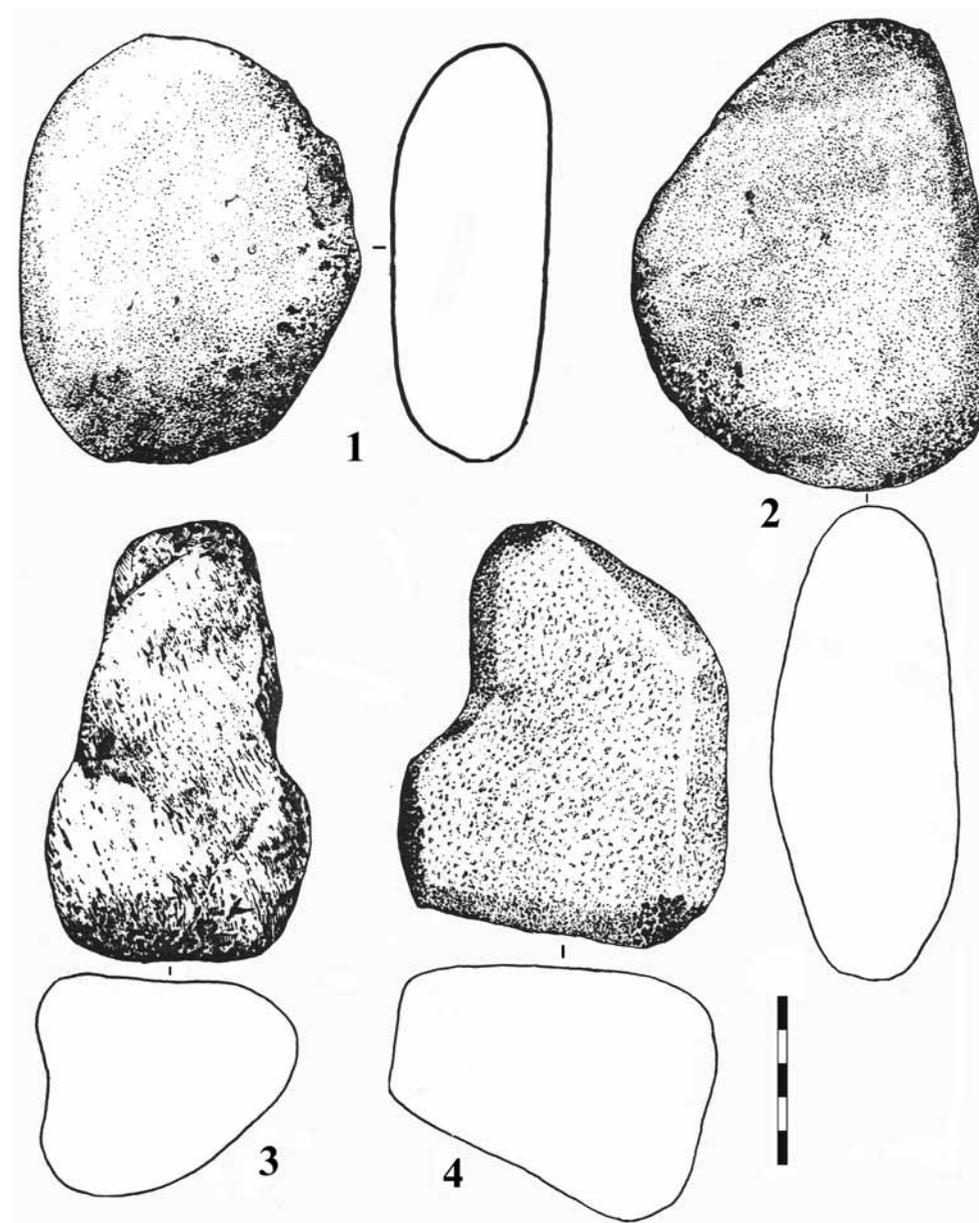

Рис. 51. Песчаниковые отбойники из слоя II

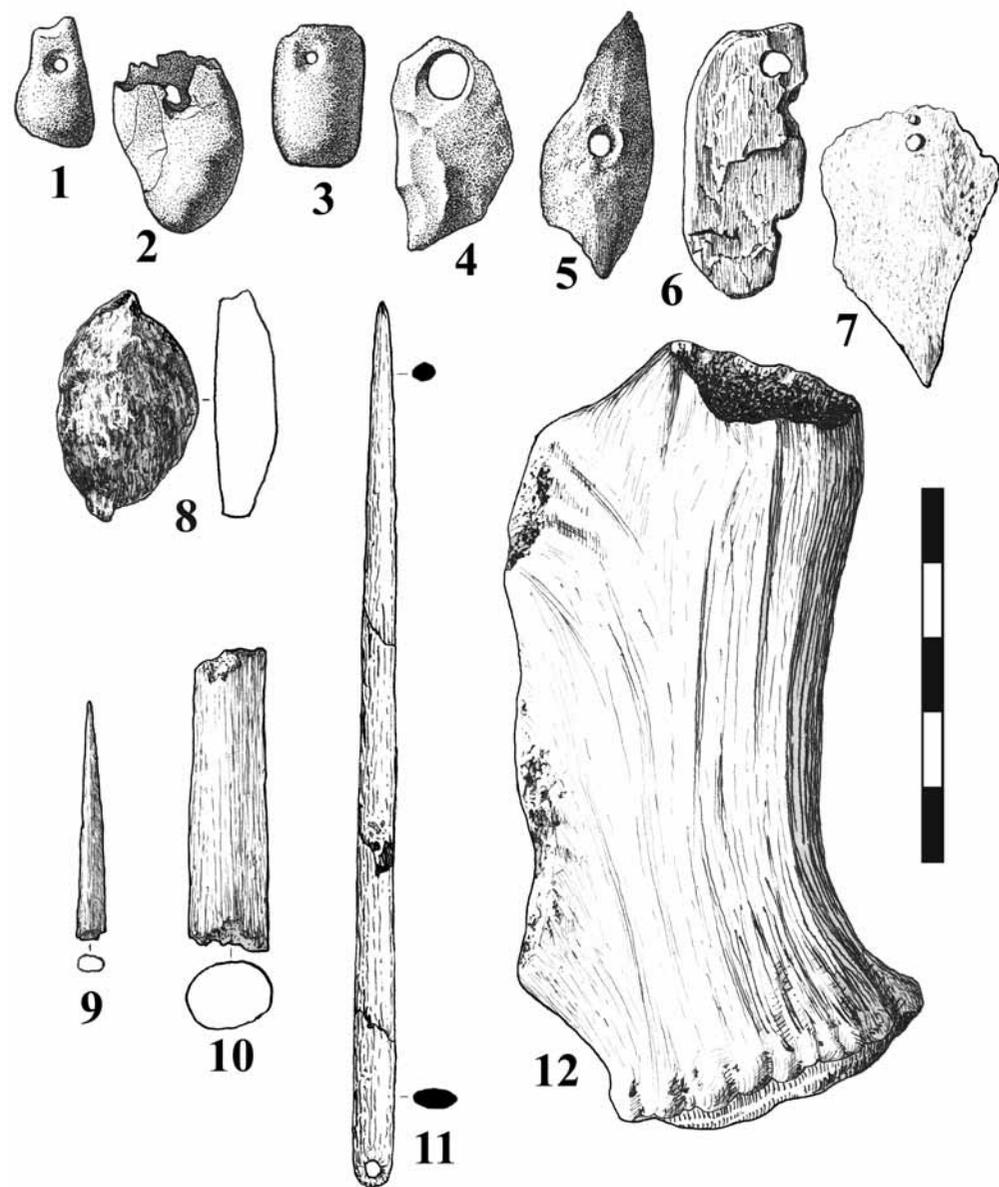

Рис. 52. Изделия и поделки из слоя II: 1-8 — подвески; 9 — обломок остря; 10 — стержень; 11 — игла; 12 — рукоятка из рога

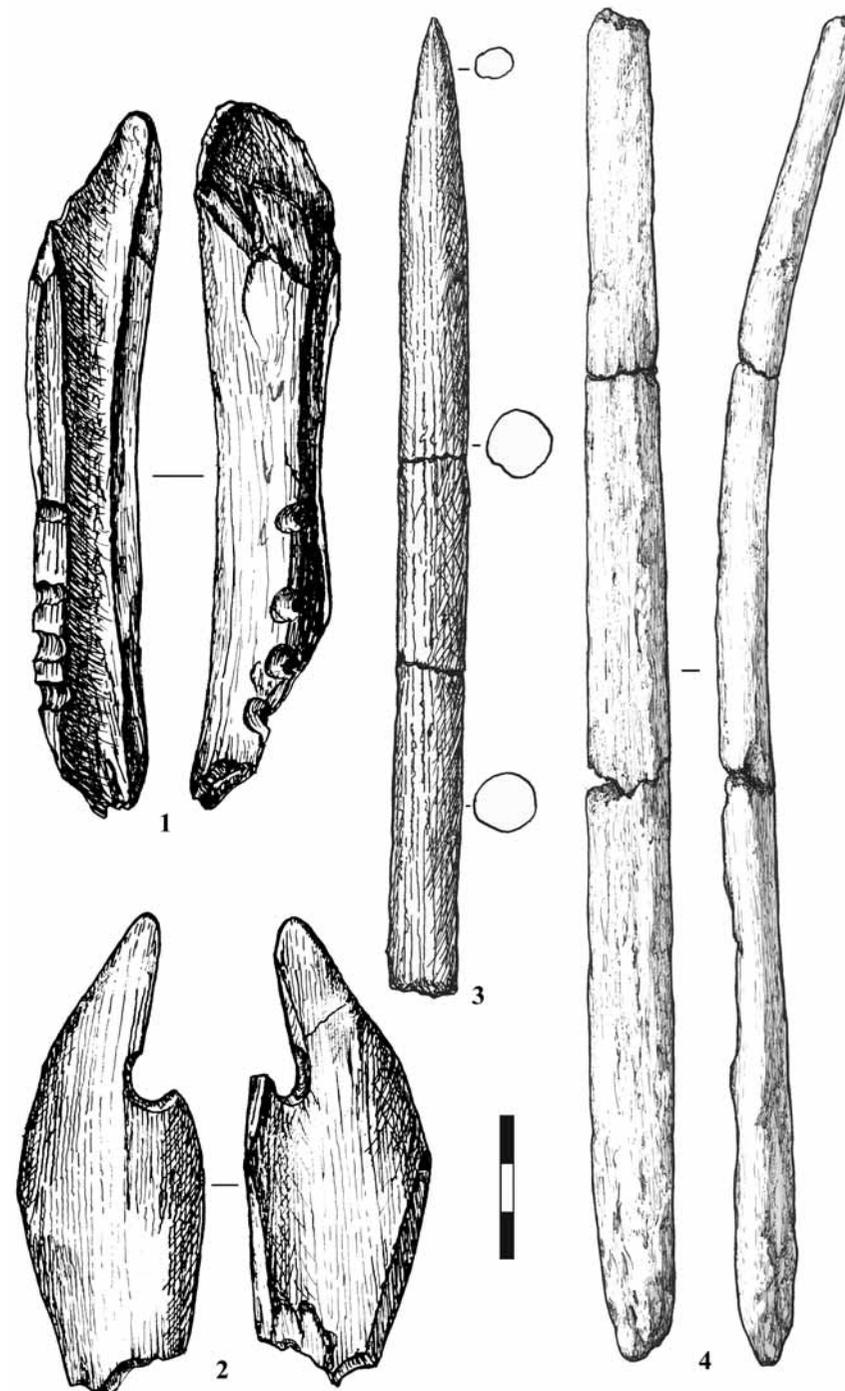

Рис. 53. Костяные и роговые изделия из слоя II: 1 — «флейта»; 2 — остря с отверстием; 3-4 — наконечники копий

Рис. 54. Нижняя челюсть человека из слоя II

Научное издание

Н.К. Анисюткин, Н.А. Кетрару, С.И. Коваленко

Многослойная палеолитическая стоянка
в гроте Старые Дуруиторы и место ее каменных индустрий
в раннем и среднем палеолите Европы

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2017. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 16
Тираж 300 экз. Заказ № 971

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048-04-28

**Издательство «Нестор-История»
с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы**

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректура
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книготорговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86
Москва
+7 (499)755 96 25
или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru

Все книги издательства «Нестор-История»

можно приобрести по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7(965)048-04-28

Москва, ул. 1-я Брестская, д. 62, 3-й этаж, тел. +7(499)755-96-25

(100 м от станции метро «Белорусская-Кольцевая»)

или заказать:

www.nestorbook.ru

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28

